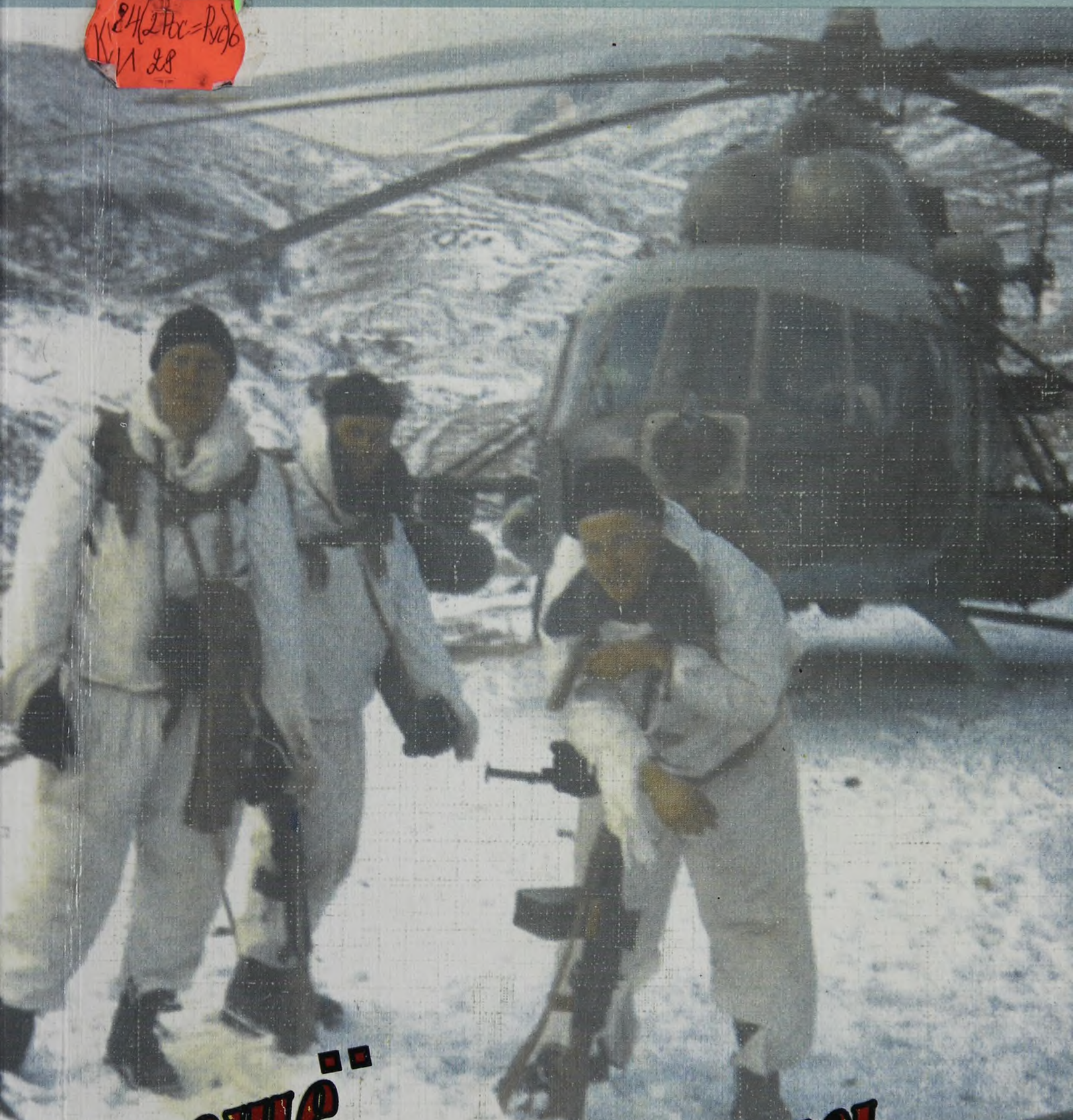
Александр Игумнов

К(2Рос=Рус)6
П 28



Мы ещё не вернулись...

АЛЕКСАНДР ИГУМНОВ

Мы еще не вернулись...

Рассказы, фоторепортаж

Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека
КО

г. Советский
2001 год

Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека
обязательный экз. ХМАО
65490

Р2
БКК 84 (2 Рос=Рус)6
И 28

ОТ АВТОРА

От всей души искренне благодарю за братскую финансовую помощь в издании книги председателя городского Союза ветеранов Афганистана г. Когалым Анатолия Леонтьевича Бундуки, мою семью за поддержку и терпение, издателя Бориса Пантилимоновича Карташова, редактора Владимира Михайловича Волковца, всех работников типографии за их бескорыстный труд.

Большое спасибо и дай бог крепкого здоровья и семейного благополучия.

Новая книга члена Союза писателей России Александра Игумнова посвящена драматическим событиям войны в Афганистане и Чечне.

ISBN 5-94007-011-6
УП ХМАО «Советская типография»

ГОЛОВОРЕЗЫ И ПАЦАНВА

— У «духов» головорезы, а у нас пацанва.

А. Игумнов. Капкан

Драма Чечни заслонила драму Афгана. Косово заслонило Чечню. Чечня заслоняет Косово — уже в Дагестане. Цепь локальных войн, вытесняющих страх войны глобальной, означает новый, неведомый еще этап мировой истории. В XXI век входит какое-то переменившее психологию человечество. С неслыханно изощренными допусками насилия, с неведомо ловкими объяснениями его. При таком высотном эшелоне меняются очертания мира: афганская костоломка начинает казаться делом архаичным, в котором все более или менее понятно.

Между тем, непонятно в нем почти все. Кроме чистой техники уничтожения. И еще начинаешь понимать: проклинавшиеся современниками застойно-гнилостные 70-е годы, по самому кончику обрезанные Афганом, — последнее некровавое десятилетие второй половины кровавого века. Дальше начинается что-то новое. Как в 1914-м. Может, именно с Афгана срывается история в очередной штопор? Литература не успевает это осмыслить...

Прокричать — успели. От Ермакова до Игумнова. Жестокость, мерзость, безнравственность, подлость, отчаяние, безысходность и глупость. Это — итог. Мы работали, выполняли служебный долг. Это — исток.

Как соединить?

Никак. Разве что через ритуальную русскую ненависть к начальству. К кабульским штабистам,

разыгрывавшим ордена по жребию. К кремлевским старцам, по глупости толкнувшим страну в идиотизм Афгана.

Не сойдется и тут. Генералы вырастают из тех же лейтенантов, и жребий у них общий. Так диктует жизнь. А может, смерть. Кремлевские старцы не начали эту белиберду, они уклонялись до последнего, упирались, как могли. Опубликованные ныне архивные документы показывают, что афганские лидеры буквально на аркане втянули руководство СССР в свое междоусобие. Да и самих афганских «революционеров» тащил какой-то фатальный жребий — к расколу и остервенению гражданской войны. Мы оказались «подставленными» на роль палача, которой не хотели.

Роль надо было играть. Или хорошо, или плохо.

Первый пласт, который отвалила в этом проблемном поле литература, был военно-технический. Дилемма: или «армейский бардак», или железная профессиональность вооруженных сил. Бардак нам суждено было осознать на Чечне. В Афгане мы продемонстрировали профессиональность. «Три тройки! Квадрат 40. Набор 1200. 34-й, дистанция 3, набор и выход на базу самостоятельно. Наблюдаете проблесковый?» Я опираюсь на тексты Игумнова, боевого вертолетчика, проделавшего все это в реальности 1983-1984 годов. На нужной высоте умелые руки пилотов нажимают на кнопки пуска, и тяжелые пятисоткилограммовые бомбы отрываются от брюха и падают вниз. Эскадрильи «сухариков» пропахивают кишлак, за ними юркие «двадцатьчетверки» расстилают свинец; по завершении БШУ (бомбово-штурмовой удар) на кишлак идут танки, все делают, как учили: планомерно, неторопливо, надежно. Затем — БТРы и десантура, огнеметчики, гранатометчики, пулеметчики. От дувала к дувалу. Зачистка венчается

контрольным выстрелом в висок последнего жителя. Свидетелей не оставляют.

Эпилог страшнее, чем сама картина: выполнившие свой служебный долг профессионалы спиваются дома от безысходности. Родине они не нужны.

Из-под армейской четкости проступает абсурд. Это — второй пласт афганской пахоты, отваленный русской прозой. Бойня бессмысленна. Никакие общие понятия не действуют, во всяком случае, с нашей стороны. Философствовать некогда. Тут — как в джунглях: или ты его, или он тебя. А попадешь в плен к «духам» — кожу спустят. Буквально. Или ампутируют руки по всем правилам хирургии — и отпустят: иди к своим. С одной стороны — лязг военной машины, с другой — жестокость отчаяния.

Выиграть такую войну невозможно. Так что полный абсурд. И мы, воюя, это знаем. Плевать на их революцию, лишь бы живым до дома добраться... Ненавидят они нас. И может быть, поделом. Но это уже другой разговор.

«Другой разговор» идет уже не с нашей, а с их, афганской стороны.

«Всех вам не перестрелять. На земле мы своей, а вы здесь чужие. Уходите домой...»

«Всех не перевешаете», — встает со дна памяти крик наших отцов, которых в 1942 году вот так же методично выжигали немцы. В фильме Элема Климова «Иди и смотри» эта технология была пережита так остро, что мне показалось: фильм — это опрокинутый в 1942 год Афган. Если же не опрокидывать тогда — «Пешаварский вальс»: безумие в натуральную величину.

Но вернусь от кинематографа к литературе. Игумнов делает психологически почти невозможное в данной ситуации: он пытается увидеть в смертельном враге —

человека. Это легко в «теории», но трудно, когда «или ты, или он». Когда не очень-то разберешь, что там у них, у афганцев, из чего произросло; был ли Усман-хан в молодости настоящим анархистом или не был, что там от Кропоткина и что —- от пуштунской двужильности... И что любимая жена Усман-хана была — Лиза, это все тоже уже не важно. Важно только одно: русские встали у него на пути и будут ему врагами, пока не уйдут с этой земли.

Разумеется, на этой своей земле и афганцы передерутся, талибы схлестнутся с Ахмат-Шахмасу-дом. Но уж нам-то все равно ничего не светит. Усман-хан казнит сына Ахмеда, продавшегося Бабраку Кармалю, а наш комбат скажет пацанве: «Пошли, ребята! Нам тут делать нечего».

Книга Игумнова — яркий эпизод русской прозы, пытающейся осмыслить афганскую эпопею. Кажется, для нас тут полный тупик. Струя огнемета вылетает в пустое пространство. Противники смотрят друг на друга с яростью, но... без ненависти. За яростью поединка брезжит догадка: они не звери — такие же, как мы, обыкновенные люди. Зачем все это, зачем?

Кажется, бес водит противников по замкнутому кругу мести и озверения: все — в каком-то похмелье, причем «в чужом пиру». Апофеоз безумия в игумновской прозе — «прекрасная амазонка», угробленная нашими десантниками и найденная в груде убитых афганцев, — красавица-снайперша.

«— Гадина! — заорал Костя Жданов. — Притаилась, курва, за камнем. Замкомбата, стерва, срезала. Я ее в бинокль вычислил, ловко спряталась. Думал, мужик, а это баба, сучара французская!»

Знак подступающего XXI века? «Сучара французская», приехавшая в Афганистан стрелять русских? «Черные колготки», международные миротворцы, мировые жандармы... Почва плывет под ногами, бессмыслица простирается над дымящимися

развалинами, смысл висит безопорно — колеса в воздухе?..

Плывет почва...

Так за мгновение до того, как она «поплывет», литература должна ее все-таки нащупать. Там, внизу, под грудами трупов, она есть. В задымленном «квадрате 40» проступают у Игумнова очертания кишлака, где люди жили столетиями, сеяли и убирали хлеб, растили детей, любили и умирали...

А контрапунктом этому пейзажу — подмосковная деревушка, пыльные куры, мычащая корова... Вертится у горячей плиты бабка Анисья, ставит сети в речке добрый дедушка Максим...

Этот-то «пласт» у Игумнова — самый потаенный. И самый неподъемный. Почему? Потому что тут не две идиллии, которым остается только слиться в единении и дружбе. Тут миры, которые по самой своей природе, по самой геополитической фактуре слиться не могут, а могут только сосуществовать. Они несливаемы по определению, как несовместимы Арктика и Сахара, коими награжден земной шар.

И это предчувствие несходимости, неосуществимости абстрактного идеального «человечества» есть та подспудная, едва чуемая у Игумнова глубинная правда, беда, тревога, которая еще и пострашнее афганского бреда. Ибо Афган уже разразился, а загадка будущего сосуществования доброго дедушки Максима с французскими сучарами, афганскими «духами» и чеченскими эмирами все еще во мгле.

Добрый дедушка — это вообще Россия мечтаемая. Поди ее дождись! На самом-то деле у Игумнова «Ванька Погорелов» Россией заправляет, который или в стельку пьян, или опохмела ищет. А если такой Ванька — плод писательской фантазии, то дыхание самой эмпирической реальности под родными осинами отставной вертолетчик Игумнов должен был оценить в начале своего

литературного пути, когда налетчики обчистили его квартиру и, не найдя денег, устроили костер из бумаг. Так сгорели черновики первых «афганских» рассказов. Поскольку этот эпизод изложен в предисловии к книге Игумнова, решаюсь поставить его в художественный ряд.

Встает дурь со дна души — Ищи потом виновных: «кремлевские старцы», «кабульские щеголи»... А если несходимость ландшафтов фатальными путями наводит одну цивилизацию на другую? Мы умеем развязывать эти узлы? Мы сумеем не сорваться в штопор? Или опять афганская «пацанва» возьмет в руки автоматы Калашникова, а внуки бабки Анисьи пойдут в авиаучилища дипломироваться на «головорезов»?

Боль не уходит, а диагноза все нет. Опыт Афгана тонет в опыте Чечни, тот — в косовском, и что дальше? Человечество, отпятившееся от «ядерной зимы», трусит по минному полю локальных войн. Беречься оно не умеет, природа его агрессивна, судьба горька.

Опыт «афганцев», забытых Родиной, может понадобиться Родине в совершенно новом контексте и в новом смысле.

Надеюсь, я не навязываю Александру Игумнову «заумных геополитических построений», которых он, как сказано у одного критика, «напрочь избегает»?

Лев АННИНСКИЙ,
литературовед.

ГРУППА «ХАМЕЛЕОН»

Ветерану войны в Афганистане,
Францу Клинцевечу
посвящается.

Десантники брели длинной цепочкой, растянувшейся зигзагом по горной тропе. Иногда командир десантников, идущий впереди группы, тяжело ложился на каменистый грунт, обреченно раскидывал руки и ноги в стороны. Рассыпалась и вся цепочка его бойцов. Кто-то садился на первый попавшийся камень, спиной или боком прислонялся к скалам, или как капитан, замирал, лежа на животе. Командир на несколько минут умолкал, хрипло дыша и покашливая. С трудом поднимал голову, щурясь на солнце слезящимися глазами, с огромной тоской смотрел в бескрайнюю даль древних гор. В очередной раз, потеряв надежду увидеть конец горному кошмару, который должна сменить зеленая долина, он удрученно вздыхал. Бессознательно, невнятно мыча, еле-еле шарил усталыми пальцами по тропе. Нащупав что-то мягкое и шершавое в расщелине, боясь самому себе признаться, что это не что иное, а только ссохшийся

от времени и жары пепельный мох, он упорно и жадно впивался губами в жесткую бахрому бледно-зеленой поросли. Зло и натужно рыча, хватал зубами и рвал ее на мелкие части. Кое-как ворочая обкусанным, кровоточащим языком, пытался жевать эту сухую массу, в глубине души надеясь чудесным образом высосать, выжевать, выдавить живительную влагу. Чувствуя неприятное жжение во рту, пыль, набившуюся в широкие ноздри, громко чихал. Чертыхаясь и матерясь, долго выплевывал серую, пережеванную кашицу прямо себе под ноги. Успокоившись, выпускал из рук автомат, скидывал с плеч рюкзак и переворачивался на спину. Плотно закрывал глаза, прикрывая лицо покрасневшими ладонями. Проходило время, мысли путались в голове, но обезвоженный мозг настойчиво выдавал команду: Пить, пить, пить! И грезилось ему о чистой и светлой, как девичья слеза в водовороте первой любви, капели. Вспоминался холодный, прозрачный ручей в ельнике, за околицей села, вдруг превратившийся в бурлящий, пенящийся поток горного водопада. Водопад сменялся извилистой и полноводной лентой реки, проторившей широкое, русло в бескрайней степи и впадающей в огромный океан, бьющий мощными волнами в берег. Вода была и рядом – прелая и вонючая в обвалившемся, заброшенном колодце, в мертвом кишлаке. Она искрилась в дождевой струйке, пробежавшей по трупам людей и животных. Покрасневшая, с соленым привкусом, но холодная, сладкая, дурманящая. Прелая, вонючая, соленая, кровяная – лишь бы влага, глоток воды. В крайнем случае ее можно профильтровать через вату, или три слоя бинта и тщательно выжать прямо себе в глотку.

Мучительное видение становилось невыносимым и тягостным. Тело командира жаждало покоя, душа –

успокоения. Где-то крикнула птица. Горный орел. Мозг прожгло чувство зависти. Захотелось как он воспарить над вершинами Гиндукуша, расправить руки и стремительно ринуться вниз. Полететь навстречу прохладе зеленых садов, дымке костров, скалистой кромке полноводной реки. Туда, только туда. Где люди, где вода. Весь мир, вся Вселенная, собственная жизнь превратились в прекрасную полоску зеленеющей долины. Встать на ноги и прыгнуть. А там будь, что будет. Телесные муки, вся эта кутерьма, название которой «Афган», останутся позади. Но, нет сил встать и нет сил идти. Теряется нить сознания, меркнет разум, цепенеет тело. Мозг отказывается служить людям, превращая разумное существо в обыкновенную ползучую тварь, безымянное, безмозглое человекоподобное животное. Все же командир не захотел быть падалью, добычей стервятников.

Широкоскулый, плечистый, русоволосый, лет тридцати капитан вздрогнул, открыл глаза, обвел взглядом лежавших на тропе десантников. Прокашлялся и выдавил из горла человеческий звук. Для верности прикладом автомата ткнул переводчика- близлежащего черноусого таджика, прошептал:

– Мурат, передай по цепочке, пусть башку поднимут, говорить буду.

Минут пять толкали друг друга. Капитан успел выкурить сигарету. Поморщился, проводив глазами «бычок», улетевший в ущелье. Перевел взгляд на своих бойцов. Голос его потеплел:

– Ребята, надо двигаться. Я впереди, Мурат – замыкающий. Не останавливаться до следующей горки. Вперед, ребята, вперед.

Только минуту назад здесь, на горячих камнях, на радость парящим птицам или там, на дне ущелья, в утеху ползучим гадам, солдаты были на пороге дикой

смерти. Каждый в душе понимал, что капитан один из них, устал, изнемог, как и они, от жажды. Его слова звучали, как сигнал к действию, старшего по званию и возрасту человека. Командир приказывал, солдаты исполняли. По привычке, по законам воинской дисциплины они упорно двигались на восток.

Шли, шли, шли… Шли отупевшие от бешеной жары, безразличные к неповторимой красоте ущелий и вершин древних гор. Шли, видя перед собой потную, широкую спину командира, слыша позади упрямое и тяжелое сопение переводчика.

Казалось, будто целое столетие отделяло спецгруппу «Хамелеон», под командованием капитана Франца Клинцевича, от того дня, когда их полк напоролся на минное поле. Неожиданно взрываясь под ногами, проклятые итальянские мины спутали все карты. Пока ждали саперов, пришлось спрятаться, зарыться в горячие камни, лишь бы не видеть приевшийся до одури желтый лик небесного светила.

Вечером полк отступил, не рискнув двигаться по заминированной местности. По узкому каньону двадцать человек след в след преодолели минное поле и двинулись к месту встречи с отрядом полевого командира Таджек-бека. Капитан Клинцевич обозначил на карте крестиком квадрат, в котором будет ждать вертолет, огляделся по сторонам. Далеко внизу клубилась пыль и последний взвод их полка, унося раненых, спускался по склону горной гряды. Вот, наконец, группа прикрытия достигла пыльного облака, донесся рокот вертолетных двигателей. Вертушки протарахтели над долиной и скрылись за горизонтом.

На душе Франца стало тоскливо. Его бойцы, осторожно ступая по камням, поднимались к вершине горы, когда неожиданно раздался взрыв. Это была мина-ловушка, на которую напоролся опытнейший из

ребят Серега- «дембель». Быстро перетянули раненому жгутом культю правой ноги, обмотали бинтом посеченный осколками живот, вкололи в бедро обезболивающий укол. Вниз возврата нет, только наверх. Хруст камней под ногами, жуткое ожидание нового подрыва. Кто следующий? Вот и вершина. И вновь испытание. Качающийся на ветру висячий мост над пропастью. Это сооружение, в одно бревно шириной, держится на сухих ветках и колышках. Только Аллах знает, как по нему пройти при полной армейской выкладке, да еще с раненым.

Серега- «дембель» очухался, облизнул сухие губы, простонал:

– Больно. Бросьте меня. Все равно крышка.

Или все, или никто. Третьего не дано. Десантский закон. Суровый, но справедливый. Или живой, или в цинке, домой, на Родину возвращается спецназовец.

Как скупая слеза на реснице солдата эта «висячая» тропа. Дрогнешь – и упала слезинка из глаз. Ни повернуть ни влево, ни вправо, только вперед или вниз, в страшную пропасть.

Мурат нахмурил брови. О чем-то пошептал, прикрыв лицо ладонями. Зацепил за поясной ремень страховочную веревку и, ловко балансируя над пропастью, первым достиг противоположной пологой стороны ущелья. Около часа переправляли рюкзаки и боеприпасы. Затем наступила очередь раненого. Последним преодолел «висячку» командир. Обмыли удачную переправу глотком воды. И снова вперед.

Еще сутки добирались до кишлака, где должна была состояться встреча. Залегли полукругом вблизи кошары. Франц выстрелил из ракетницы. Афганец-связник неожиданно появился на горе, предупредительно поднял руку, в которой горел факел. Из темноты послышались гортанные крики и щелчки

затворов автоматов. Связник громко называет пароль. Получив ответ, задает пару вопросов. Переводчик Мурат скороговоркой отвечает и встает на ноги. Он и капитан Клинцевич, освещенные огнем факела, демонстративно кладут автоматы на землю. Скидывают с плеч рюкзаки, отстегивают поясные ремни с гранатами, снимают набитые боеприпасами разгрузочные костюмы.

Только доверием и смелостью можно завоевать уважение и развеять подозрения противника.

Связник, молодой, сухощавый бородач, небрежно кладет руки на цевье автомата и, прищурившись, смотрит на приближающихся врагов. Резко вскидывает автомат и делает три одиночных выстрела в небо. Клинцевич невольно вздрагивает и замедляет шаги. Опытный переводчик опережает его и что-то громко говорит на афганском языке. Бородач, услышав ответную дробь автомата из кишлака, миролюбиво приветствует Мурата, стараясь не замечать его командира. Поведение связника понятно. Будь его воля, он бы, не задумываясь, пристрелил неверного. Внимательно осмотрев двух парламентеров, он разворачивается и, не оглядываясь, идет впереди десантников. На окраине кишлака, откуда ни возьмись, выкатывается гурьба мальчишек.

– Шурави, бакшиш, – доносится хор детворы.

Бородач добродушно улыбается, увидев, как предусмотрительный капитан сует в грязные ручонки ребят горсти конфет. Контакт налажен. Дело за малым – договориться о взаимных действиях. Для Франца операция такого рода первая. Из отряда только двое — переводчик Мурат и раненый Серега -«дембель» — имеют своеобразный диверсионный опыт. Мирить одних, стравливать других, где ложью, где силой, без стрельбы, осознанно рисковать жизнью. Таков удел спецгруппы «Хамелеон».

Мысли капитана прерывает шум голосов. Шуршат под ногами камни, кто-то отгоняет осмелевшую детвору. Их окружают кольцом молчаливые люди с оружием в руках и ведут к замаскированному проему в стене дувала. Ловко и аккуратно обыскивают, обращаясь с вопросами к Мурату. Переводчик шутливо отвечает, охотно рассказывая о крупных силах десантников, окруживших кишлак. Достоверность его слов проверить трудно, да и время не ждет. На переговоры Франц отводит три часа. Мурат незамедлительно предупреждает своих соплеменников.

– На рассвете мы должны быть у своих. На нет и суда нет. Авиация и артиллерия уничтожат кишлак. Прошу, господа, не задерживаться с переговорами.

«Господа» недовольно ворчат, гневно поглядывая на капитана. Возвращается посыльный, утвердительно кивает головой. Связник подталкивает Франца к круглому отверстию в стене. Они пересекают широкий двор и входят в просторное помещение, освещенное керосиновой лампой. У противоположной стены на корточках их ожидает главарь отряда. По бокам расположились помощники и личная охрана.

Таджек-беку за сорок лет. Среднего роста, с густой, поседевшей бородой, короткими усами и пронзительным взглядом смоляных глаз. На голове аккуратная, белоснежная чалма, а на ногах высокие армейские ботинки. В руках держит гроздь спелого винограда и небрежно кидает в рот ягоды. Кивком головы отвечает на приветствие Мурата и вопросительно смотрит на Клинцевича. Франц сразу переходит к делу. Диалог длится четверть часа. Говорят трое. Капитан, переводчик и Таджек-бек. Главарь бросает на пол виноградную гроздь и обиженно говорит Мурату:

– Переведи русскому, что они зря помогают Измараю. Этот шакал предаст вас. Дайте мне два

взвода ваших солдат, боеприпасов и я уничтожу его отряд. И еще я гарантирую не трогать ваши машины и людей на дорогах. Только не лезьте в горы и в наши селения. Довольно лить кровь.

Клинцевич знает, что между бандами идут постоянные войны за расширение зон влияния. На личных амбициях главарей можно добиться многого. Этот Таджек-бек еще тот гусь. Желает чужими руками из огня каштаны таскать. Посмотрим, кто кого переиграет. Главное не переборщить, болтунов здесь не любят.

Капитан неопределенно кивает головой и разыгрывает с переводчиком заранее заготовленный сценарий. Подробно, чеканя каждое слово Франц объясняет свои условия. Убеждается в том, что молодой афганец, сидящий рядом с главарем, понимает русский язык. Он изредка шепчет на ухо Таджек-бека и старается не встретиться со взглядом капитана. Мурат с серьезной миной громко переводит слова Клинцевича:

– Мы пришли к вам не торговаться, не просить временных поблажек. Хотим найти общий язык на долгое время. Мы вам поможем, но и вы помогите нам. К Измарию из Пакистана идет караван с оружием. Вам его не взять. Возьмем мы и поделимся с вами. Поможем и с соседями разобраться. Давайте серьезно дружить.

Последнюю фразу переводчик добавил от себя. Францу становится смешно. Он слабо верит в дружбу по необходимости. Это игра, смертельная и опасная. В выигрыше будет тот, кто умнее.

Разговор нарушают далекие автоматные очереди. В дверях возникает знакомая фигура связника. Он злобно сверкает глазами в сторону Клинцевича и кивает головой на переводчика.

Таджек-бек недовольно морщится. Он явно озабочен внезапной паузой в переговорах. Пробубнив

под нос ругательство, сердито говорит Мурату:

– Выйди, нам надо поговорить. Тебя позовут.

Переводчик ободряюще кивает командиру и немедленно скрывается за входной дверью. Франц, не поворачивая головы, внимательно осмотрел помещение. Горько подумал, что отсюда можно бежать только в могилу. Услышал злой голос связника:

– Абдулл решил проверить сколько их. Мы попытались зайти к ним в тыл и перекрыть отход в горы. Но русские собаки были начеку. Абдулл и еще двое убиты. Надо отомстить неверным за смерть наших товарищей. Разреши, я перережу ему глотку.

В комнате наступила зловещая тишина. Все ждали решения своего командира.

Молодой афганец, который знал русский язык, не выдержал, вскочил на ноги и коверкая слова угрожающе прошипел по русски:

– Тебе крышка. Молись своему Аллаху.

Взгляд Франца случайно наткнулся на цветные картинки, россыпью валявшиеся на столе. На них были изображены удары каратэ на арабском языке. Франц знал, что в подобной ситуации надо протянуть время, спустить пар. Он обвел взглядом своих врагов и, опередив Таджек-бека, обратился к говорившему по-русски афганцу:

– Ты, недоучившийся в Союзе недоносок, переведи хозяину, что я готов к смерти. Только вы нарушите законы гостеприимства. Не надо было проверять нас. За нашей спиной целый полк солдат. Примерно через час вас долбанут, как вам и не снилось. Я предлагаю честный бой. Каратэ, варьете, русская рулетка. Один на один. Руками, ногами или дуэль на пистолетах. Выбирай. Кто смелый – выходи.

Франц снял с головы кепку, скинул куртку, оставшись в одном тельнике. Подтянул брючный

-65490-
Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека
КО

ремень и принял оборонительную стойку. Афганцы с интересом уставились на его крупное, сильное тело, зашептались. Таджек-бек хлопнул в ладоши, его глаза азартно сверкнули. С удовольствием оглядев спокойно стоявшего капитана, весело крикнул:

– Керим!

Молодой афганец, говоривший по-русски, поклонился хозяину и, повернувшись к Клинцевичу, без предупреждения ударил капитана по корпусу. Клинцевич пошатнулся, успев ругнуть себя за неосмотрительность, ловко отбил новую атаку соперника. Керим сделал несколько прыжков вокруг капитана, помахал руками по воздуху, взвизгнул и пошел на пролом. Этого момента и ждал Франц. Снизу левой он резко ударил соперника в челюсть. Молниеносно нанес серию ударов по животу своими пудовыми кулачищами. Атаку завершил ударом ноги в подбородок. Согнувшись пополам и откинув голову назад, афганец перелетел через стол, таща за собой учебные картинки. Не удержался на ногах и со стоном упал перед Таджек-беком.

Мертвая тишина обволокла стены комнаты. В голове Франца мелькнула мысль, что все кончено и им с Муратом живыми отсюда не уйти. Он медленно надел куртку, застегнул пуговицы, пригладил ладонью растрепанные волосы и спокойно взглянул на главаря. Они долго смотрели друг другу в глаза. Два командира, представители разных миров, непримиримые враги, вследствие необходимости встретившиеся на своем жизненном пути. Но еще они были обыкновенными людьми, со своими понятиями о долге и чести. Клинцевич облизнул языком губы и попросил на афганском языке пить. Таджек-бек приподнялся на ноги и сам протянул чашку воды Францу. Пристально посмотрел ему в глаза, медленно взял чашку

обратно и поставил на стол. Обвел взглядом своих подчиненных и, неожиданно улыбнувшись, проговорил:

– Хитрец. Наш язык знаешь не хуже приемов борьбы. И зачем тебе переводчик, говори сам.

Клинцевич облегченно вздохнул. Понял, что его прокол с иностранным языком пошел на пользу. Охотно ответил:

– Переводчик необходим. В переговорах должна быть ясность. Иначе наломаем дров.

– Наломаем дров. Это как понимать?

– Устроить бардак, принять неправильное решение. Старая русская поговорка.

Таджек-бек хмыкнул, перекинулся парой слов со своими подчиненными, повернулся к капитану:

– Русский язык – богатый язык, как и ваша страна. Только беспорядка много, этих самых дров. Я за ясность в наших отношениях. Керим, благодари Аллаха, что русский – достойный противник и твой проигрыш не посрамил мою честь. Иди, позови толмача, а сам с глаз моих долой. Учи русский язык и приемы борьбы. Капитан, теперь поговорим об убитых моих людях и о нашем общем деле.

Он скидывает ладонью картинки и приказывает положить на стол крупномасштабную карту. Шум и хохот за дверью прерывают его. Появляется оживленный Мурат, в окружении улыбающихся охранников, с гитарой в руках. Бросив тревожный взгляд на Клинцевича, он слегка поклонился Таджек-беку и предложил спеть песню. Его просьбу хором поддержала вся сопровождающая ватага. Таджек-бек был умным командиром и предпочел не торопить события в решении вопроса с убитыми в перестрелке. Он благосклонно кивнул солисту, захлопал в ладоши, вторично с хитрецой подмигнул Францу. Широким жестом руки предложил сесть рядом. Такого поворота

дел не ожидал никто. В том числе и сам командир десантников. Клинцевич пристроился на подушку проштрафившегося Керима, поблагодарив хозяина за приглашение. С не меньшим удивлением, не мигая, уставился на своего переводчика. Франц любил бойцов спецгруппы по-мужски, по-отцовски, по-братски. Мурата же сейчас просто боготворил. Три года на войне и все в разведке. Хорошо стреляет, вынослив, как верблюд, чешет на нескольких языках и, оказывается, поет, играет на гитаре. Определенно капитану с переводчиком чертовски повезло.

Да, Мурат хорошо знал своих соплеменников, живущих по другую сторону границы. Люди, они везде люди.

Он пел индийские песни из популярного фильма «Танцор диско» на таджикском, узбекском, русском языках. Куплеты переплетались то в веселую, то в грустную мелодию, проникающую в глубину души суровых воинов. Слова заполонили комнату, вырвались через двери наружу, заворожив сердца многочисленной охраны и снующей вблизи детворы.

Зрители не отрывали глаз от самодеятельного артиста, хлопали в ладоши и громко подпевали. И этот хор голосов чем-то напомнил мужскую пирушку собравшихся после разлуки старых друзей. Не было врагов, не было наций, не было войны. И так не хотелось возвращаться в тревожный и беспокойный реальный мир. Но прозвучал последний аккорд. Мурат поклонился, положил гитару на стол. Вопросительно взглянул на своего командира. Капитан скороговоркой рассказал переводчику о кулачном бое. Попросил перевести сказанное Таджек-беку. Мурат приложил левую руку к сердцу и, обращаясь ко всем, сказал:

– Люблю индийские песни. Вы прекрасно подпевали, спасибо. Придет время – может быть еще споем. Как

знать. От имени командира приношу извинения за убитых. Наши солдаты не виноваты, они выполняли приказ. Абдулл и двое погибли по собственной вине. Я далек от мысли, что проверять нас их послали вы. Они сами нарушили законы гостеприимства, за что и поплатились. О взаимной мести не может быть и речи. Мы поможем вам, а вы нам. Мой командир умеет держать слово, как и бить кулаком – в чем вы сегодня убедились. Вам решать, Таджек-бек.

Все это он сказал с достоинством и почтительностью, как подобает на Востоке. И выслушали его, не перебивая, внимательно и благожелательно.

Главарь на минуту задумался, покачал головой и решительно повернулся к Клинцевичу.

– Капитан, у тебя хорошие солдаты. Гордись ими. Теперь я верю своим предкам и легендам о том, что русский солдат – лучший воин в мире. Я не держу зла за погибших. На все воля Аллаха. Спасибо за песню. Скоро рассвет. Приступим к делу.

Еще с полчаса договаривались о совместных действиях по разгрому отряда Измарая и блокирования каравана с оружием. Расстались довольные друг другом. Капитан хотел попросить воды, зная, что во фляжках десантников пусто. Мурат предостерег его:

– Во-первых, отравить могут. Во-вторых, догадаться: если у нас нет воды, то нет и прикрытия. В-третьих, сразу вычислят, сколько нас. Плюс минус пять человек. Поймут, что с окружением кишлака мы их надули. Таджек-бек с норовом. Обидится. Тут ваши приемы и моя музыка не помогут. По горячке прихлопнут, отомстят за погибших. Верно говорят политики: «Восток дело тонкое».

Он подумал и, вздохнув, добавил:

– Серегу- «дембеля» жалко. Два года мы с ним. Плохо, ох плохо будет без воды. Надо торопиться, пока прохладно.

Сменив маршрут, без остановок, шли весь остаток ночи. Воду берегли для раненого. К обеду кончилась и она. Поднялись на круглое плато, и Клинцевич объявил привал. Десантники повалились на каменные плиты, устало замерли. Выдохся и сам Франц. Он прислонился спиной к огромной скале, открутил колпачок пустой фляжки, приложил горловину ко рту. Зная наперед, что фляга пуста, все же прикоснулся губами, лизнул шершавую внутреннюю полость горловины. Разочарованно хмыкнул, повертел фляжку в руках и швырнул вглубь ущелья, тоскливо проследив за ее падением. Оглянулся на своих бойцов, задержав взгляд на притихшем Сереге, подумал:

- Не жилец он, пусть отдохнет. Не успел на дембель уйти, видно не судьба. Что-то притих. Эх, Серега, Серега…

От мысли, что можно помереть тихо и незаметно ему стало страшно. Пересилив усталость, он подполз к раненому, уселся на середину тропы, подогнув колени к подбородку, внимательно вглядываясь в его посеревшее лицо. Почувствовав чье-то присутствие, раненый открыл глаза и с надеждой посмотрел умоляющим взглядом на командира.

– Пить, – еле слышно выдохнули обкусанные, выжженные солнцем губы Сергея.

Франц осторожно погладил его темные волосы и попытался успокоить:

– Потерпи, потерпи, браток. Скоро придем к своим. Мы еще повоюем с тобой. Хотя тебе домой пора. На море поедешь с девочками воевать. Житуха будет у тебя, какая не снилась. Ты только крепись, не умирай. Слышишь?

Серега -«дембель» внимательно слушал командира и, может быть, представлял тот сказочный мир, в котором , увы, ему не было места. Его лицо осветила мягкая, мечтательная улыбка. Он благодарно прикрыл глаза и громко по слогам выдавил:

– Спа-си-бо, товарищ капитан.

Вероятно, это были последние слова Сереги. Через два часа его не стало.

Клинцевич, пошатываясь, опустился на корточки. Долго смотрел на кончик высунутого, побелевшего языка умершего, в его открытые, грустные глаза. Легким движением ладони прикрыл веки. Почувствовал на пальцах тепло последней слезинки солдата. А может быть уходящей из тела души. Он осторожно сдувает пыль с лица и пытается пальцами засунуть язык Сергея в рот, но плотно сжатые зубы не впускают обратно ссохшийся и окаменевший кусочек мяса. Тогда Франц левой рукой давит на скулы, а правой проталкивает язык вглубь гортани. Быстро вытаскивает пальцы из полости рта и слегка бьет Серегу по подбородку. Зубы умершего зловеще лязгают, соединяются верхняя и нижняя губы. Лицо покойника приобретает умиротворенный, божеский вид. Как подобает усопшему.

К ним подползает Мурат. Удрученно качает головой, вытирает потное лицо рукавом куртки, окидывает взглядом горные вершины, вздыхает:

– Вот беда-то, вот беда-то... Что делать будем?

Не услышав ответа командира, хрипит ему в ухо:

– Расчленить Серегу надо, распределить по рюкзакам. Нести удобней.

Клинцевич вздрагивает, как от внезапного удара или выстрела. Смысл сказанного как молния влетает в утомленный мозг. Он что-то хочет сказать

переводчику, судорожно хватаясь за горло и выплевывая изо рта блевотину. Ему хочется ударить Мурата, но последние силы ушли на рвоту. Он протяжно мычит, отрицательно мотая головой. Его умнейший и храбрейший переводчик, не выдержав, срывается на крик:

– Слабо?! Блюешь, не понравилось. А как ты хотел? Себя и ребят погубишь. Подохнем ради целого трупа. Духи нам всем котелки поотрубают. Заспиртуют наши мордасы, как военные трофеи. Уши высушат, в духовский гербарий попадем. Я дело говорю. Вам решать, командир.

Клинцевич вспомнил, что последние три слова Мурат говорил ночью, обращаясь к Таджек-беку. Главарь принял свое решение. Теперь предстоит принять ему – капитану Францу Клинцевичу.

– Что орешь? Не глухие. Уходи, спасайся. Дембеля я один попру. Земляк он мой, понял, земляк, – неожиданно заговорил пулеметчик Андрей Мальцев, – Что я его матери скажу? Резать не дам, хоть убейте. Подохну, тогда обоих кромсайте, или в ущелье скиньте. Живодеры вы, суки…

Мурат нервно хохочет, хватаясь за живот, затем по-детски всхлипывает, шмыгает носом. Резко умолкает, протяжно и грустно вздыхая. Снимает ботинок и вытряхивает из него камешки. Зашнуровав и сделав петлю, вновь снимает. И так раза три. Молчит, качаясь телом из стороны в сторону. Думает. Решительно снимает с плеч рюкзак, перебирает вещи. Выкидывает в ущелье вилку, ложку, зажигалку, блокнот, тельник и другие мелкие солдатские пожитки. Оставляет только боеприпасы. Ни к кому не обращаясь, обреченно добавляет:

– Пацанва, эх пацанва. Живодером, сукой обзываешь, Андрюха. Я не говорю бросить. По частям

надо тащить Серегу. Всем помаленьку, поровну. Ему без разницы, как в цинке лежать. Мать знать не будет, в окошечко посмотрит для успокоения. Главное, похоронить по-человечески. Поплачет, погорюет – смирится. А если мы все подохнем в этих проклятых горах? Будем числиться без вести пропавшими и Серега тоже? Что, легче его матери будет? Годами ждать погибшего сына. Мне «дембель» друганом был и мой долг тащить его, пока сам жив. Только имейте в виду, если меня грохнут, то заройте труп в камни. Не обижусь. Двоих переть не осилите. Тогда точно все загнемся, живодерчики вы мои. Малец! Гони пулемет, обойдешься Серегиным автоматом. Что рот разинул? Берите вдвоем «дембеля», и пошел. Всем рюкзаки расчехлить, все лишнее в ущелье, за Андрюхиным пулеметом следом. Командир, проследите – ни иголок, ни ниток. Все в пропасть. И лишнее оружие скинуть. Оставить по паре гранат и патроны. Серьезного боя нам не выдержать. Таджек-бек поверил нам, не организовал погони. Лишь бы случайных бандюг не встретить. Пойду в авангард. Может быть и донесем «дембеля» целиком. Не буду загадывать.

Ворча и бубня под нос, Мурат обогнал всю группу и возглавил движение.

Вперед, зигзагами горной тропы. По каньонам, ущельям и руслам пересохших горных ручьев. По долинам, ложбинам, оврагам в окружении древних гор. Вперед, только вперед. В помеченный на карте квадрат. Еще несколько часов кошмарной ходьбы, и они вновь на вершине горы. Теперь спуск вниз. Близка «зеленка». Там вода, спасение, люди. Там безумствует взбесившаяся в войнах планета. И в этих войнах виноваты все живущие на Земле люди.

Пулеметчик Андрей Мальцев ползком упрямо тянет конец брезентухи, которой завернут его земляк. Позади, кряхтя и тяжело дыша, толкает тело друга

Мурат. Его сменяет другой десантник. Где вдвоем, где втроем молча несут скорбный груз. Говорить нет сил и в голове какой-то тяжелый бред. Перед глазами серые скалы, прыгающие красные шарики, предвестники глубокого обморока. Франц толчками тормошит, подгоняет отстающих. Только вместе можно дойти, помогая, спасая друг друга. Они почти у цели, в спасительном квадрате. Слабый вечерний ветерок гонит из зеленеющей долины дурманящий горячий воздух, запахи цветов и фруктовых садов. Десантники невольно облизывают ссохшиеся, обкусанные, опухшие губы. На лицах появляется робкая улыбка. Широко улыбается и сам Клинцевич. Вдруг шквальное облако пыли выныривает из долины на плато. С размаху разбивается о скалы, оседая серой мутной пылью на камнях. Следом появляется многометровая темная вертикаль клубящегося и кипящего воздушного потока. Вертящийся смерч срывает камни с вершин, проносится над плато, сталкивается с горной грядой. На мгновение замирает, потеряв былую силу, взвивается в небо и уносится обратно в долину, набираться сил.

Все же краем своего страшного крыла коварный «афганец» коснулся людей. Кого опрокинул на спину, кого бросил на камни, оставив в воздухе громкий гул. Это был камнепад, который обрушился на долину. Через несколько секунд часть мелких камней достигли лежавших на возвышенности десантников.

– Под скалу, все под скалу, – громко крикнул Мурат, заталкивая вдвоем с Андреем в расщелину тело Сергея.

Франц услышал переводчика слишком поздно. Он успел прижаться телом к скале, засунув ноги в какую-то дыру. Огромные булыжники наперегонки, крошась и ломаясь, пронеслись мимо. Уже на излете камешек величиною с

горошек щелкнул Франца в лоб. Его запорошило горной щебенкой и, съехав на животе вниз, он потерял сознание.

Потустороннее, тусклое, унылое красное зарево заката вернуло его к жизни. Поморщившись, он потер лоб, на котором вскочила шишка. Встрепенулся, вспомнив о смерче, и попытался вылезти из дыры. Как сквозь сон услышал ворчание Мурата.

– Говорил, расчленить надо. Нет, подохнем, но тащить будем целиком. Салаги одним словом. Сейчас бы в долине отдыхали. Капитану простительно, он новичок в Афгане. Я же, старый осел, третий год пашу, а мальчишек не убедил. Теперь камнями придавило, шиш кого поднимешь. Придется делать все самому.

Клинцевич облегченно вздохнул, почувствовав, как переводчик тормошит его за плечо. Радостно подумал, что не все потеряно, если у Мурата есть силы ворчать. Как сладкую музыку слушал он его голос:

– Капитан, ты живой? Шишка на лбу? До свадьбы заживет. Дай-ка я тебя вытащу на божий свет. Счастливчики мы, никого не раздавило. Серега-дембель и тот не пострадал. Целехонек, ваша взяла. Здорово поштормил «афганец». Думал смерч меня, как коршун цыпленка утащит. Мы с Андреем за Серегу ухватились. Так втроем и выдержали. Правда, Андрюха пластом рядом с земляком лежит, по хребту его стукнуло. А я везучий, обошлось. Ребят поцарапало, но все живы. На ноги никого поднять не могу. И вы, товарищ капитан, не ахти как. Колька-радист сумел рацию включить. Молодец. Как и вы по лбу получил, но связь сберег. Командир, скажи координаты, позывной, пора вызывать вертушки. Придется мне вас охранять. И что без Мурата бы делали?

Его слова убаюкивали, успокаивали Франца. Не хотелось думать, загадывать, отвечать на последний вопрос переводчика. Мураты были всегда и должны быть в любой армии. На таких людях все держится.

Клинцевич прошептал переводчику необходимые данные для радиосеанса. От усилий потемнело в глазах. Судорожно хватанув воздуха, он закрыл глаза. Очнулся от постороннего шума, доносившегося из горловины долины. Сразу понял: летят вертушки. Захотелось закричать от радости, не смог и заплакал. От слез стало легче на душе, он почувствовал себя бодрее и открыл глаза. Пошевелился, тронулся с места и пополз. Мельком заметил еще несколько движущихся фигур его бойцов. На открытом месте оперся грудью о камень, приподнял голову и навсегда запомнил эту картину.

В ночных сумерках, на скале застыла фигура переводчика. Перекинув через плечо автомат, Мурат держал обеими руками горящий факел и размахивал им над головой. К нему подползали десантники, шатались, вставали на ноги и махали, махали, кто автоматом, кто кепкой, кто снятым с тела тельником.

Тот, кто не смог подняться во весь рост, вскидывал в приветствии руки, многие вытирали слезы с глаз, размазывая их по лицу. Командиру помогли подняться на ноги и подсадили на скалу. Переводчик крепко обнял его. Вдвоем они сигналили факелом, смеялись и плакали, не стыдясь слез. Совсем неожиданно для себя, Франц прокричал:

– Мурат, ты был прав. Ты понял меня? Ты был прав… Война есть война…

Переводчик понял его, неопределенно покивал головой. Задумался и, повернувшись назад, нашел глазами

сидевшего рядом с трупом Сереги-дембеля Андрея Мальцева. Заметил счастливый, восхищенный взгляд, слабое приветствие его руки. Широко улыбнулся ему в ответ и громко ответил Клинцевичу.

– Кто знает… Главное, мы живы. Живы, командир, живы!

ПРИКАЗ МИНИСТРА ОБОРОНЫ

Посвящается сержанту
Игорю Горееву

Игорь Гореев всегда хотел быть солдатом. В детстве он обожал "войнушки". По осени, играя с пацанами в ближайшем лесу, азартно махал еловой шпагой в отряде

благородных мушкетеров, сражаясь с трусливыми слугами кардинала. Зимой ребята носились по заснеженным улицам с деревянными автоматами в руках, атаковали ледяные окопы, выбивая замерзших "фрицев" из укрытий. Летом, на деревенском пруду, соорудив из досок и бревен плотики, вооружившись шестами, с гиканьем и свистом брали "на абордаж" вражеские судна. Игорь был генералом, Игорь был атаманом, Игорь был адмиралом. Игорь был в доску своим парнем.

И посчастливилось ему служить в армии, в десантуре, а точнее – в спецназе. Так он написал в коротком письмеце, отправленном из учебной части.

-Другого не могло и быть, - гордо промолвил его отец, довольно поглаживая рыжеватые усы. - Его дед в Отечественную в полковой разведке из немецких тылов "языков" таскал, а прадед в первую мировую в Брусиловском прорыве отличился. И мне пришлось хлебнуть лиха. Прадед в крестах, дед в орденах, отец в

медалях. Думаю, и сын наш не посрамит фамилию.

Сестренка Игоря, тринадцатилетняя Катюш-ка, зажмурив глазки, мазнула тушью ресницы, замерла и восхищенным голосом прошептала:

-Игорешка у нас смелый, отчаянный. Он в Афгане Героя Советского Союза получит, всю родню переплюнет.

Мать, чернобровая красавица, замерла у плиты, с укором взглянула на дочь, всхлипнула и устало присела на краешек стула. Помолчала и, ни к кому не обращаясь, сама себя успокоила:

-В газетах пишут, что в Кабуле солдатики цветы сажают, детишек в пионеры принимают, не воюют там, какие награды, Господи! Пусть долг интернациональный выполнит и домой, на завод. - Помолчала, ласково посмотрев на трехлетнего карапуза Борьку, с удовольствием уплетавшего большой ложкой вторую тарелку гречневой каши, вздохнула и добавила, - Весь век мужики воюют. Не надоело? Слышала, в город цинковые гробы везут, говорят, из Афгана. Люди врать не будут. Гробы запаянные, издалека. Даже не вскрывают, хоронят военные. Сказывают, что погибли в спецоперации. Игорь служит в каком-то спецназе. Слово-то какое чудное, новое.

-Это, мама, войска специального назначения, десантники, которые самые, самые...

-Иди, доченька, спать. Самые, самые. Сама понимаю, что отборные. Чуть что – в самое пекло пошлют. Ох, служил бы в стройбате, тоже спецвойска. Дома, дороги строил. Ведь послали неведомо куда, долги какие-то. Сами бы разбирались в своих долгах.

Отец недовольно хмыкнул, посмотрел на часы и скомандовал Катюшке:

-Марш, героиня, спать, Борьку возьми... На ночь

девушки не красятся, знать пора бы.

Он помолчал, перечитал сыновье письмо, аккуратно засунул в карман рубашки:

-Завтра мужикам на работе прочту. Гордиться сыном надо, а ты мне – стройбат. Главное жив, здоров. Не каркай, мать, беду. Вернется наш сын...

Это был последний бой Игоря. Страшная, неравная схватка, молниеносная атака врага. И трупы, трупы, трупы... Их было сорок пять бойцов. В живых осталось пятеро. Цинковые гробы, "Черный тюльпан", промерзшая глина могилы, запах лекарств и слезы. Слезы, слезы над многострадальной Родиной.

Он вернулся домой, вернулся, вернулся...

Кундуз. Март 1985 года. Усиленному разведвзводу 350-й Витебской воздушно-десантной дивизии произвести скрытую высадку в район высоты Таш-Курган, захватить ее и удерживать до подхода основных сил. Десантирование произвести силами вертолетного полка. Начало операции – по приказу штаба дивизии.

В эту ночь сержант Игорь Гореев долго не мог уснуть. Знал, что на рассвете поднимут по тревоге и начнут раскручивать маховик очередной армейской операции. И они, разведчики, будут первыми, как всегда. Он был возбужден от мысли, что скоро выйдет приказ на "дембель"и не горел желанием ввязываться в еще одну кровавую драку. Его память как бы подводила итог собственной службы в Афгане. Вот он молодой, безусый, с другом своим Владимиром , укрывшись в какой-то норе строчит из автомата по каравану. Падают животные, падают люди. В него тоже летят пули. Вжикают по камням

совсем близко. Кто-то громко кричит. Это Серега, вояка из старичков. Наглый и жестокий, воспитатель молодняка. Он корчится на песке и воет во всю глотку. Очередью ему перерезало живот. Он не жилец на свете и сам это хорошо понимает. Пуля не выбирает кто командир, кто рядовой, кто старик, кто молодой. Смерть без разбора гребет под одну гребенку. Но все равно Серегу жаль. Затих, отмучился бедолага. Был человек и нет. Как все странно. Боже мой! Кончаются патроны! Действительно я салаженок. Весь боезапас расстрелял. И Владимир растерянно шарит по поясу, оглядывается и тычет пальцем в сторону Сереги. Мне ближе, всего два прыжка, но страшно вылезти из-за камня. Но надо, надо, надо...

-Прикрою, - кричит Владимир. - Жми, в мешке патроны, иначе труба дело.

Выручай, Серега! Я скатываюсь по тропинке вниз, хватаю мешок, и вдруг вижу его открытые мертвые глаза. Прости, друг. Тороплюсь, карабкаюсь вверх за камень, кидаю ребятам патроны. Снова строчу короткими очередями и забываю Серегины глаза. Ты спас нас в том бою. И за это тебе спасибо.

Промелькнуло лицо лейтенанта Климова из группы спецдопросов. У него вечная кривая ухмылка, шрам на подбородке, холодные бегающие зрачки глаз, визгливый, хрипящий голос. В здоровенных ручищах старомодный деревянный чемоданчик с которым он никогда не расстается. В чемоданчике страшные инструменты пыток. Хлеще гестаповских. Людей пытали, пытают и будут пытать на всякой войне. Так устроили мир мы сами. Верзилу Климова убила одна малюсенькая пулька, пущенная снайпером. Вполне вероятно, нашим. Вот такие дела.

Неожиданно из глубины памяти вынырнули два

прапора. Отец и сын. Молодой и старый. Оба барахольщики, жадюги, каких свет не видел. Втихомолку, без охранения ночью двинулись в город. Хотели кое что продать, кое что купить. Очередь автомата в упор. Нет отца и сына, и коммерция вся к чертям. Мертвым много ли надо? Тогда по тревоге подняли весь полк. Десантура окружила целый квартал. В кучу, на площадь согнали полсотни жителей. Предложили найти стрелявшего самим. На размышление дали пятнадцать минут. Видно, кишка тонка, не нашелся смельчак-самоубийца. Решили расстрелять всех, чтобы другим неповадно было. Нашлись и добровольцы. Игорь отказался, но вынужден был смотреть, как падали на землю люди. Много людей. Погибший Серега, прижав автомат к животу и что-то мыча под нос, стрелял почти в упор, длинными очередями. Потом в этот живот его и убило. А в конце бойни лейтенант Климов со своей зловещей ухмылкой, с жутким огоньком в зрачках глаз, с деревянным ящичком в руках из пистолета добивал раненых. Женщин, стариков, детей и тройку хлюпеньких мужиков. Трупы облили керосином и подожгли. Долго стояла смрадная вонь над городом. Игорь не выдержал, засунул в рот пальцы и судорожно вырыгнул, опустошая желудок. Пил без конца воду и вновь толкал пальцы в рот. И Володьку тошнило. Он сумрачным взглядом окинул дымящиеся трупы, поморщился, услышав повизгивающий хохот пьяного лейтенанта Климова, и сказал:

-Херня какая-то, Игорек, а не война. По другому надо бы...

Только вот как по другому, если в тебя стреляет пятилетний карапуз? Око за око, зуб за зуб. На войне

третьего не дано. Здесь милосердие не в почете. Вот и держим на страхе порядок в стране. Чужой стране.

Наконец-то Игорь уснул, примостившись рядом со своим другом.

Их подняли по тревоге. Разведвзводу не привыкать. Все спали в одежде, с вещмешками на спине и расшнурованными ботинками на ногах. Молниеносно зашнуровав ботинки, схватив автомат, Игорь выскочил из палатки. Быстро сделали перекличку. Гуськом двинулись с КПП и через пять минут сидели в "грузящике". Взревели двигатели вертолетов, оторвались колеса от земли и группа захвата уже в небе. Заклубилась пыль по дороге на Мазари-Шариф, увозя в сумрачную даль группу прикрытия. Заурчали на плацу тяжелые танки, мощные тягачи и легкие "бээмпэшки". Через час двинулся в очередной поход весь разведбат.

Вертолет завис на малой высоте и, по команде майора Грекова, десантники покинули грузовую кабину. Неожиданно ноги Игоря увязли в хлюпающем месиве грязи. Здесь, в горах, это было в диковинку. Рядом кто-то засопел, просморкал нос, недовольно буркнул голосом Владимира:

-Не в огонь, так в воду. Всю морду испачкал. И откуда здесь грязь? Куда двигаться, старина, будем?

Тут же раздался приглушенный бас командира:

-Не вякать, всем оставаться на местах. Где радист? Быстро ко мне. Все замерли!

Прекратился гул вертолетов. Вновь над горами повисла мертвая тишина. Минут десять стояли молча, вдыхая влажный запах вскопанной земли и холодную сырость весны. Игоря толкнули в бок и они, чавкая ботинками, побрели друг за другом по скользкому месиву. Усталые, грязные, до ниточки мокрые и от того угрюмые

и злые, наконец-то выбрались на сухое место. Завозились, зашумели, приводя себя в порядок. Владимир не удержался, пояснил:

-Арык там был, вода журчала. «Дух» землицу поливал, хлебушек сеять будет. Прямо в середину угодили. Ух и холодина. Снимай, друган, боты, сушиться будем.

Но сушиться не пришлось. Как из преисподней послышался недовольный голос командира:

-Шума много. Не расслабляться. Всем внимание! Скоро рассвет. Надо добраться до кишлака у подножия горы. Он брошен жителями и вчера основательно обработан нашей авиацией. Днем отсидимся там и дождемся своих. Радист, в середину. Подствольники в авангард. Пулемет в хвост. Замыкающий – сержант Гореев. Встали, хлопцы.

Снова затылок в затылок, мягко ступая след в след они брели по каменистому грунту, по глубокому ущелью, спускаясь в долину. По запаху гари и дыма, по тусклым беспорядочным огонькам угасающих пожарищ определили место кишлака. У подножия хребта, под скалистым навесом обнаружили с десяток перепуганных, оседланных ишаков. За их спинами деревянная дверь на входе в пещеру. Долго прислушивались, стараясь угадать есть ли люди внутри. Командир махнул рукой. Игорь резко рванул дверь на себя , кубарем влетев в пещеру, полоснул по периметру из автомата. Осмотревшись, весело крикнул:

-Пуста избушка. Милости прошу в гости.

Майор Греков назначил боевое охранение, выставил на пригорке пулемет и вошел в пещеру. В выдолбленном сером помещении, вбок от основания пещеры, перегороженном досками от патронных ящиков в костре еще тлели угли. Весь каменный пол был накрыт брезентом. Сверху лежало множество самотканых, разноцветных

лежаков. На большом сколоченном столе аккуратно стопкой были сложены бинты, куча медикаментов. Из оружия удалось найти несколько патронов, валявшихся рядом с лежаками. В углу стоял тандыр (устройство, на котором пекут лепешки). Несколько мешков ржаной муки и огромный полупустой куль слежавшейся, окаменевшей соли. Из глубины поперечной скалы, преградившей выход из пещеры, тонким ручейком вытекала прозрачная, холодная вода. Она стекала по краям отполированного камня и уходила вниз, в лишь ей ведомое пространство. Под камнем стоял переполненный до краев большой глиняный сосуд.

-Лежбище духов. Медсанбат, одним словом.

-Медсестрички, француженки, где вы, ау?

-Уходить надо, пока не вляпались, доаукаешься.

-Не боись. Духи на вертолетный звук двинулись. Нас ищут. Беспокойно им. Мы тут, как у Христа за пазухой. Позиция что надо. Жратва есть. Месяц можно оборону держать.

-Командир! Действительно пещера, что надо. У хозяев сейчас крыша поехала. То «стратеги» бомбят, то вертушки гудят, скоро наша “броня” попрет. Ящики пустые, боеприпасы забрали. Надо ховаться здесь. Нарвутся на наших – мы им в тыл ударим. Вернутся – мы им по лобешнику. Так я думаю, товарищ майор.

Это сказал сержант Гореев, самый старый, самый опытный дембель из спецназа. Наполовину сбылись слова его сестры Катюши.

Греков молча повернулся и сам осмотрел всю пещеру. Успокоился, обнаружив круглый, узкий лаз в противоположной стене. Скомандовал:

- Проверь, куда идет выход. Возьми с собой кого-нибудь из молодых. Остаемся здесь. Закройте дверь. Сквозит

сильно, простынете, сопли потекут. Лечи потом вас.

В ответ раздался дружный хохот. Настроение поднялось. Переговариваясь между собой, десантники повалились на лежаки. Через полчаса вернулся сержант:

-Нормалек. Выход классический, только в одну сторону, прямо в долину, к кишлаку. С отвесной скалы веревка протянута. Убрал веревку и нет хода. "Зеленого" охранять поставил. Не забыть только сменить надо, уснет еще.

По рации доложили о принятом решении. По переменке десантники дрыхли весь день. Почистились, высушили одежду, приготовили на костре горячую еду. Вновь связались по рации и вечером двинулись к кишлаку. На всякий случай в пещере расставили мины-ловушки. Сломали тандыр, сожгли все медикаменты и лежаки. Ишаков погнали впереди себя, справедливо опасаясь духовских сюрпризов. Через три часа без выстрелов и подрывов вступили в сожженный, брошенный людьми и животными кишлак. Быстро рассредоточились по вершинам, притаились, вжались в землю.

После заката солнца благополучно прибыла группа прикрытия. Пока все шло по плану. Группа захвата вновь впереди. Группа прикрытия где-то сзади. К утру в кишлак прибудет весь разведбат. В небе загудят вертушки. Выйдут на исходные позиции артиллерия и танки. Четко и слаженно идет операция. И главное – без потерь. Осторожно, шаг за шагом спецназ ползет в гору. Еще немного и вот она! Красавица - вершина горы Таш-Курган. А вокруг благоухает весна. Утреннее солнце, прохлада и свежесть. Безумное счастье всей природы – встреча нового дня. Светятся усталые лица радостью. С надеждой смотрит

Игорь на север. Всего сорок километров до Союза, счастливой и вечной жизни. Там, за горизонтом, добрая мать, любимый отец, сестренка Катюшка и братик Борька. Как жаль, что его не ждет девчонка. Не успел обзавестись подругой. Но все у него впереди. Последняя операция. Так близок дембель и мы уже на вершине горы. Духи будто бы испарились, исчезли в бесконечной Вселенной. Как славно все вышло. И как на душе хорошо.

Их заметили давно. Точнее, ждали еще с вечера. Дураку была понятна цель операции. Никогда, никто из десантников не был на вершине горы. Не знали об огромном ровном плато, куда выходили десятки тропинок. Миновать плато, продуваемое ветрами и пристрелянное духами, им было не суждено. Только на рассвете обнаружили, что залегли на голом месте. Майор Греков громко выматерился, ругнул армейскую разведку. Повернулся к радисту:

-Доложи, что позиция у нас "аховая". Нужно ударить по горным грядам. Группу прикрытия на плато не выводить, пусть занимают высоту и прикрывают наш отход. Что вылупил глаза? Не ровен час духи атакуют. Мы у них, как на ладони, перещелкают нас. Всем внимание! Плато простреливается с обеих сторон. Я принял решение отходить. Гореев, твое отделение первым. Назад, братишки, по пластунски быстрее назад!

Радист, передавший слова командира, внимательно выслушал ответ, оживленно что-то переспросил. Лицо его просветлело. Он вскочил на ноги и громко крикнул:

-Ребята! Вышел приказ министра обороны. Весеннему призыву объявлен дембель. Ура! Ура! Ура!

Несколько человек успели по разу "уркнуть", как тишину разорвал первый выстрел. Крупнокалиберная пуля

ударила в голову радиста, разметав его мозги и наушники по скалам. Тут же застрочил длинными очередями пулемет, смертельно ранив в грудь майора Грекова. Умирая, он еще успел крикнуть:

-Бросайте все. Спасайтесь! В укрытия, ребята, в укр...

Не договорил командир, не смог спасти своих бойцов, добитый в голову метким выстрелом снайпера. Успокоилось усталое, кровоточащее тело, отлетела в мир иной добрая душа. Не стало майора Грекова.

Разведвзвод попал под кинжальный перекрестный огонь. И негде было спастись, спрятаться от безжалостных пуль врагов. Лишь отделение сержанта Грекова было близко к спасению. До скалы добрались четверо. Раненые, забрызганные своей и чужой кровью. Залегли за скалистый выступ и дружно ударили по горным грядам, окружившим плоское плато. На плато было жутко смотреть. Кровяная каша убитых и раненых тел. Бойцов их взвода. Кое-кто пытался ползти к ним и замирал, расстрелянный в спину. Все же им удалось прижать духов к скалам. И кто-то последний из ребят упорно полз в их сторону. В крови и пыли с ног до головы Игорь с трудом узнал друга. Он явственно увидел пот на его лбу, сжатые зубами губы, ярость в глазах и страшную рану на правой ноге. Владимир скреб пальцами землю, подтягивался на руках и, еле двигаясь, тащил за собой перебитую в колене ногу. Его нога! Она представляла собой переплетение торчавших в стороны коленных суставов, от которых шла легкая дымка и фонтаном била кровь. Пятка ноги оказалась задранной к поясу. Бедренная кость одиноко торчала в пустоту, коленная смотрела на восток, на восход солнца. Отросток вдребезги разбитого коленного сустава, как

сохой, зацепился за камень, удерживая беднягу под обстрелом. Только Бог знал, откуда у раненого берутся силы терпеть все это. Знал и помогал ему остаться в живых.

Владимир с трудом приподнял голову и с тоской взглянул в небо. Перевел взгляд на скалу и увидел обеспокоенное лицо друга. По губам определил слова:

-Мушкой, мушкой отцепи. Мы рядом, мы прикроем. Володя, давай, миленький, давай.

Теряющий сознание солдат понял его. Всхлипнув, дрожащей рукой подтянул автомат и, морщась от неописуемых страданий, сумел мушкой ствола отцепить отросток кости от камня. Закричал, завыл от бешеной радости и боли, пополз, как червяк извиваясь телом, навстречу своим. Последние метры до скалы он преодолел под прикрытием вертушек, отвлекших внимание духов. Первая сразу была сбита ракетой, которая вошла в выхлопной патрубок и разнесла вертолет в клочья. Вторая вертушка носилась над плато, поливая духов из пулемета. На третьем заходе пилотскую кабину прошила пулеметная очередь. Вертолет на большой скорости врезался в вершину горы. Рассыпаясь на мелкие части, он упал на плато, прямо на тела убитых и умирающих десантников.

А в это время сержант Гореев руками вправил кости ноги Владимира и крепко стянул рану автоматным ремнем. Еще раз вколол в бедро друга обезболивающий укол, на мгновение задумался, принимая решение. Самое важное в своей жизни.

Их было пятеро за этой скалой, оставшихся в живых. Все ранены. Игорь в плечо и руку.

-Лагунов! Тебя куда садануло? До свадьбы заживет? Бери Володку на спину и спускайся в долину. Мы будем

прикрывать. Оставь патроны и гранаты, хватит тебе одного рожка.

Он обнял своего закадычного друга за плечи. Заметив, что Владимир слышит его, прошептал ему в ухо:

-Не дрейфь только. Вот и наш дембель. Вчера мне всякая чертовщина снилась, к чему бы это? Если подохну здесь, заедь в Тольятти к родным, расскажи отцу, как все было. Прощай и поторопи наших. Может, успеют...

Не успели. Ровно 20 минут стреляли трое, не давая духам спуститься на плато. Когда кончились патроны, кто-то из них, последний, оставшийся в живых, дернул "чеку" гранаты. Той самой, отточенной наждачкой, отшлифованной до блеска – неприкосновенном запасе любого спецназовца, название которому "Своя смерть и свое спасение".

Кто-то сунул Владимиру бинокль. И он, забыв о боли, видел, как духи бродили по плато и ножами добивали раненых. Он до последнего момента надеялся, что первый дух, сунувшийся за скалу, упадет, сраженный пулей. Снова застучат автоматы друзей. Горько заплакал, когда в окулярах бинокля увидел торжествующего врага, державшего за волосы чью-то голову. Показалось, Игоря. Бинокль выпал из рук, он резко дернулся телом и потерял сознание.

Восемь месяцев госпиталей и тяжелое бремя утраты. Там он узнал итог операции. В тот же день духов уничтожили всех до единого. В плен никого не брали. Их погибло в три раза больше. Но из группы захвата спаслись пятеро. Это были другие трое, спрятавшиеся в глубокой расщелине, пережившие не только перекрестный огонь врага, но и бомбовый удар нашей авиации. Про таких говорят, что будут долго жить. И верно. Они это заслужили.

Эпилог

1987 г. г.Тольятти. Московский район. Квартал девятиэтажек. В подъезд входит прихрамывающий, бледный двадцатилетний парень с тростью в руках. Около квартиры сержанта Гореева останавливается, тяжело вздыхает. Решительно нажимает на кнопку звонка. Дверь открывает девчонка пятнадцати лет. Удивленно смотрит на незнакомца и вдруг доверчиво сообщает:

-Мамы и папы нет дома. Они уехали на кладбище, помянуть моего брата. Он погиб в Афгане. Дома я одна с братишкой Борей. А Вы кто?

Он молча протягивает ей фотографию, где они в обнимку с Игорем. Наконец тихим голосом говорит:

-Здравствуй, Катенька. Меня зовут Владимир. Я служил с вашим Игорем. Он спас мне жизнь...

ЧУЖАК

Игорю показалось, что качнулась земля, вздыбились в небо скальные нагромождения тысячелетних гор. Пронесся по кишлаку песчаный, стремительный вихрь, поваливший ряд красавцев-эвкалиптов, растущих вдоль

дороги, сорвавший крыши глинобитных домов, сбив с ног десятки людей и животных. Он проснулся, совершенно не соображая: сон или явь весь этот гул и грохот. Промелькнула мысль о землетрясении или извержении вулкана. Сильный удар здоровенной каменюки о стальную решетку его тюремной клетки и мощный рев каких-то чудищ над головою прервали его полусонные размышления. Сообразив, что это ни что иное, как ракетно-бомбовый удар самолетов, он засуетился в поисках укрытия. Близкий взрыв, мелкие камушки и серая пыль, свалившиеся сверху, заставили его поторопиться. На корточках дополз до скалистой стенки, уткнулся в нее лбом. Притаился. Сжался, свернулся как змея, в дальнем углу глубокой ямы, куда швырнули его охранники, совсем не подозревая, что спасают молодого "шурави" от налета "бомберов". Не зная и о том, что вскоре погибнут сами.

Полуоглохший, испуганный до полусмерти, проснувшийся Игорь, бессознательно заткнул уши пальцами, попытался засунуть голову под дырявый, замызганный матрац, валявшийся на клочках прелого сена. Он перевернулся на бок, прижал колени к подбородку, вжался всем телом в загаженное месиво в

дальнем углу ямы, ставшей его спасительницей. Неожиданно для себя заплакал, завыл от обиды и бессилия, зловонного запаха человеческих нечистот. А с севера уже заходила вторая волна "сухариков", дав минутную передышку перед очередной бомбежкой своим жертвам.

Наступившая зловещая тишина заставила Игоря вскочить на ноги. Низом куртки он тщательно вытер заляпанное пахучей жидкостью лицо, просморкал забитый соломенной шелухой нос. Сплюнул накопившуюся слюну, брезгливо поморщился, мысленно увидев себя со стороны, подошел к лестнице. По ступеням поднялся вверх, с трудом отодвинул железную крышку, схватился за края ямы руками, подтянулся, выглянул наружу и застыл в изумлении.

На узкой центральной улице кишлака мельтешили люди и животные. Жители бежали в сторону разваленной мечети, падали, поднимались, махали руками, суетились и дико кричали. Рядом, с налитыми кровью глазами, переваливаясь с ноги на ногу, двигались верблюды. Прижав к заднице хвосты, шарахались между людьми и верблюдами ослики. С крыш и стен домов разлетались перья и пух кудахтающей, крякающей, гикающей живности. Бесновались на привязи и громко лаяли сторожевые псы. По земле стелилась серая дымка первых пожаров. Черная копоть горевшей на пригорке машины тянулась к солнцу.

Тюрьма - яма для пленников, где держали Игоря, находилась на площади перед мечетью, под палящими лучами солнца. Поместили его сюда вчера, предварительно расстреляв троих афганцев – партийных работников. Самолет Игоря был сбит

“Стингером” и удачно катапультировавшись сам, он спарашютировал прямо в лапы “духов”. Его величество случай и цепочка последующих событий вмещались в судьбу летчика и жителей кишлака страшно, жестоко и бесповоротно.

Взгляд Игоря выхватил из толпы испуганных людей седобородого старика, который в изнеможении опустился на колени и молитвенно вытянул перед собой руки. Его догнала женщина, тащившая на левой руке грудного ребенка, а правой крепко державшая за ладонь испуганную лет трех малышку. Женщина остановилась, нагнулась и что-то сказала на ухо старику. Случайно выхватила тревожными глазами а небе пикирующие на кишлак ширококрылые штурмовики, забыв о старике закричала звонко и пронзительно. Судорожно дернулся и захныкал ребенок на ее руках. Громко заголосила девчушка рядом. Старик устало помотал головой, показал рукой женщине на мечеть, прижался спиной к стене и уронил седую голову на грудь. Их догнал хромающий бородач в черном стеганом халате, каких-то рваных башмаках на босу ногу, с разорванной штаниной, кровяными подтеками на голени и винтовкой на правом плече. Он попытался успокоить женщину, поднял плачущую малышку на руки и накрыл ее голову полой халата. Проковылял десяток шагов и, не выдержав возрастающего грохота авиатурбин самолетов, опустил девочку на землю. Поцеловал в грязное, заплаканное личико и легонько подтолкнул к идущей впереди матери, окрикнул ее. Отрывисто что-то проговорил, показывая рукой на мечеть. С угрюмой тоской долго смотрел на свою семью, печально кривя губы. Резко повернулся. Тоскливо вздохнул и посмотрел в небо. Увидев пикирующих штурмовиков, яростно сверкнул глазами, скинул с плеча винтовку, лег на спину и стал палить в поднебесную высь.

Игорь машинально перевел взгляд с дымящегося ствола винтовки в руках мужчины на голубой небосвод. Вздрогнул от радости, заметив мчавшихся на кишлак родных "сухариков". Профессионально высчитал высотный рубеж начала стрельбы. Замер в возбужденном, ликующем ожидании. Четко заметил яркие вспышки реактивных снарядов. Успел с сожалением подумать, что наносится площадной удар по всему кишлаку, а не точечный по штабу духов в огромной скале, в стороне от селения. Вереница гулких взрывов поглотила крики людей и животных. Очередной залп самолетов был проведен классически, на оценку "отлично". Это Игорь признал с долей зависти к ювелирной работе летчиков. Он видел, как огромный осколок впился в позвоночник женщины, отшвырнув взрывной волной ее с ребенком на руках на серую стенку дувала. Кубарем влетела в дверной проем и кричавшая истошным голосом трехлетняя малышка. Стрелявший по самолетам мужчина оглянулся и, не увидев своих близких, завыл, зарыдал протяжным, жалобным криком. Бросил под ноги винтовку и рванулся в сторону дувала. И вдруг бесследно исчез в песчаном водовороте нового мощного взрыва. Всем назло уцелел только старик, сидящий на земле в прежней позе. Его обошел верблюд, который нервно дрыгая задними ногами остановился в двух-трех метрах от ямы Игоря. С усилием задрал окровавленную, слюнявую морду, повращал огромными слезящимися зрачками глаз, пошатнулся, протяжно взвыл и грузно рухнул на землю. Через него перепрыгнула беспрерывно визжавшая, кусающая собственный бок собачонка. Пробежала возле ямы и, ощерившись, закрутилась на месте. Из глубокой раны на ее животе появился зловонный клубок парящих кишок. Собака повизгивая и тяжело дыша стала осторожно лизать их. Наконец бессильно вытянула

тело, положила голову на лапы, слегка дернулась и затихла.

Еще несколько взрывов отозвались эхом по соседству, куда устремились оставшиеся в живых обезумевшие жители кишлака. Но наперерез им уже спешила бронегруппа майора Назарова. В ночном сумраке "броня" безжалостно расстреляет спасшихся от бомбежки людей и, не заходя в селение, уйдет догонять основные войска, участвующие в операции.

Игорь уже давно валялся на дне ямы, инстинктивно прикрывая голову руками. Наконец-то на верху все стихло. Сознание прояснилось. С облегчением понял, что бомбежка кончилась и он остался жив. Остро почувствовал вонючий запах дерьма, чихнул несколько раз, поднимаясь на ноги. Решил немедленно выбраться наверх. Присел на стальную крышку и окинул рассеянным взглядом улицу. Заметил убитую женщину с ребенком на руках и сидевшего в прежней позе старика. Пошарил глазами, стараясь отыскать мужчину с винтовкой, и вдруг заметил в дверном проеме горевшего дома мордашку девчушки, смотревшей широко открытыми глазами в его сторону. Малышка захныкала и дернулась, пытаясь выползти наружу.

"Сгорит!" - обожгла мысль голову Игоря. Вдохнув полную грудь воздуха, добрался до дверного проема и отшатнулся от языков пламени, вынырнувших из-под крыши. "Вовремя", - подумал он, вытаскивая девчонку на улицу. Подошел к убитой матери и с удивлением обнаружил, что грудной ребенок жив и спит. Забрав его, усмехнулся: "Надо же, двоих деток заимел". Он пристроил на руках и первую, которая успокоилась, зевнула и, прикрыла глазенки.

Игорь долго сидел в неподвижности, прижимая к груди детей. Смотрел на лучи заходящего солнца и ни о чем не думал. Почувствовал, что хочет пить,

встрепенулся, выходя из сосотояния оцепенения. Осторожно положил девочек на землю и направился к убитому охраннику, на боку которого заметил фляжку с водой. Жадно выпил несколько глотков и подошел к старику. Пощупал на руке пульс и понял с удивлением, что старик мертв.

"Сердце встало? Видно перенервничал. И правда, психом станешь от такой бомбежки. Мне самому жутко, а каково им?". Игорь вспомнил о детях с жалостью и тревогой. Поспешил к ним. Поднес горлышко фляжки к ротику старшей. Не просыпаясь, девочка с удовольствием глотнула воды, протянула ручонки и крепко обняла его за шею. Плеснув в ладонь воды осторожно смочил губы грудного ребенка. Наконец-то задумался: как быть дальше. Явственно услышал выстрелы на краю селения, дробь танкового пулемета. Догадался, что "броня" послана за ним и вероятно бомбежку кишлака произвели тоже по причине его плена. Только сейчас отчетливо осознал, что был виновником ужасной бойни, свидетелем которой невольно стал. Понял, что пощады ему от духов не ждать. И девчонки его не спасут. Но все же... Он был летчиком и мог принимать мгновенные решения. Правильные или нет – покажет время.

Игорь вернулся к мертвому старику. Снял с него длиннополый халат и напялил на себя. Чалмой кое-как обмотал голову. Пришлось снять со старика и обувь. Осторожно положил его на спину и прикрыл ладонью веки мертвых глаз. До выхода к своим решил для прикрытия детей взять с собой. Аккуратно поднял девочек на руки и осторожно двинулся навстречу пулеметным выстрелам. По пути попадались убитые и раненые жители кишлака. Иногда они стонали и звали на помощь. Он жалел, но и боялся кричащих, стонущих, страдающих, гордых, чужих, страшных в его

понимании людей. Прижимая девочек к груди, опустив голову, не останавливаясь, Игорь благополучно выбрался из замысловатых лабиринтов селения. Дети, как будто чувствовали важность момента, ни разу не пикнули. По вспышкам выстрелов определил точное местонахождение "брони". Метрах в пятидесяти облегченно вздохнул, остановился, пошарил по земле рукой и аккуратно уложил девочек на мягкую бахрому зеленой травяной поросли. Подумал с грустью и нежностью, что спас двух малюток, с которыми ему уже никогда не придется встретиться. Напоследок ладонью погладил их маленькие головки, положил рядом фляжку с водой. Выпрямился и, облегченно улыбнувшись, шагнул навстречу своим высоко подняв руки.

Его заметил пулеметчик раньше, чем думал Игорь. Русоволосый боец повернулся к майору:

-Командир! Еще «дохляк» появился.

-Подпусти ближе, Семен, и одной очередью... Темнеет. Пора сматываться.

-А как же летчик? Может в кишлак рванем?

-Черта с два. Я еще не спятил в кишлак ночью лезть. Видишь, под пули всякая "шантрапа" прет, а "душки" попрятались. Войдем в селение, сожгут и фамилию не спросят. Нет, мы теперь ученые. А летчик сам выберется, если в счастливой рубашке родился. Мы ему знак подали, часок подождали, теперь как судьба вырулит. Стреляй этого суку, Семен, и отступаем во славу Родины.

Пулеметчик повел стволом пулемета, алчно прищурился и громко, отрывисто рявкнул:

-Подыми выше руки, гад! Кому говорят, выше! Козел вонючий!

Игорь, услышав русскую речь, вновь улыбнулся. Хотел крикнуть: "Братишки, я свой", но поперхнулся дымом, закашлялся, согнувшись пополам телом и опустив

руки. Сумел услышать, но так и не смог осмыслить последние фразы на родном языке.

-Не тяни, стреляй, Семен. Еще одним «духом» меньше будет. Вжарь ему ниже пояса, а потом в башку, по мозгам...

Игорь попытался скинуть с плеч халат, в ужасе широко раскрыл глаза, с трудом воспринимая разумом эти страшные слова. Хотел предостерегающе поднять руки и закричать, не успел. Ноги его обожгло жутким огнем, швырнув, как недавно мать девочек, на спину. Игорь умер мгновенно, уставившись удивленными, огромными глазами в любимое им с детства небо. Пулеметчик удовлетворенно похлопал по стволу пулемета:

-Точняк. Еще одного олуха прищучил. Темнотища. Самих могут из гранатомета кокнуть. Пора сматывать удочки, командир.

-Пора, Семен. Колян, доложи, что летчика не нашли. Ни в зеленке, ни в кишлаке... Возвращаемся на базу.

На рассвете в селении показались люди. Они разбредались по улицам и молча искали своих близких. Среди живых и убитых.

Чужак лежал на спине, раскинув руки, уткнувшись головой в живот старшей малышки. Проснувшаяся девушка распутала его чалму и маленькими пальчиками перебирала русые волосы. С печалью и болью смотрела на мертвое осунувшееся лицо русского. Громко захныкал грудной ребенок. Быстро собралась толпа изумленных соплеменников. Родственники девочек, всплеснув руками, попытались вытащить малышей из объятий убитого “шурави”. Истошно зарыдала, что-то лепеча и вцепившись мертвой хваткой ручонками в прядь Игоревых волос, старшая девчушка. Кое-как ее оттащили от тела убитого пленника. О чем-то долго спорили убеленные сединами

аксакалы. Еще долго плакали обиженные людьми девочки. Самый древний из стариков встал на колени и легким движением ладони прикрыл глаза Игоря. Прочитал молитву, тяжело вздохнул. Попросил перенести тело убитого “шурави” на сухое место.

Похоронили его по-божески. В отдельной могиле, на пригорке, под солнцем и синим небом.

КОНТИНГЕНТ

Двадцатичетырёхлетнего полевого командира Керима Исламбекова уже с месяц не покидало чувство опасности. Каждый вечер он засыпал с мыслью, что

утреннюю тишину снова нарушит лязг танковых гусениц, рокот вертолётов и смертоносные залпы ракетных установок. Беспокойство росло с каждым днём. До кишлака дошла молва, что "шурави" уходят. Позже об этом стали писать газеты, говорить радио. Радостная весть вселила в душу молодого командира тревогу и главный вопрос "Как?" Об этом не писали газеты, не говорило радио. Для них важен факт, а не сам процесс, так сказать, черновая работа. Керим знал, как чужеземцы уходили из захваченных стран. По договору правительств, организованно, без лишних жертв. Это где есть сильная власть. А если её нет? Из той же России Наполеон бежал, бросив на произвол судьбы свои войска. Советские генералы никогда на это не пойдут. Гитлер уходил, уничтожая за собой города, сёла, мирных жителей, вёл кровопролитные бои. Сейчас не те времена и Горбачёв не рискнёт уподобляться фашистам. В обоих случаях русские били в лицо и в спину немцев, и французов. Теперь они сами в чужой стране попали в ловушку. Как они будут уходить — вот что беспокоило его в последнее время. И ещё Керима тревожила память.

всё чаще приходило в снах. Его отец, горный инженер, выучившийся в России, любил приговаривать:

— Учи, сынок, языки и друзей и врагов. Всё пригодится в жизни.

Он с юношеских лет вместо винтовки держал в руках циркуль и карандаш. Перед войной с русскими специалистами, проектировал и строил систему водоканалов на юго-востоке страны. Жили в палатках, землянках, по-походному, налегке, в сугубо мужской компании. Летом начальник строительного участка, Сергей Николаевич, привёз своего сына Вадима, который мечтал стать геологом. Его мать погибла в автокатастрофе, отец переживал за сына, сын за отца и им было легче вдвоём в трудное время.

Мальчики подружились с первой встречи и весело проводили время. Особенно ребятам нравилось играть в казаков-разбойников. Лазали по горным кручам и каньонам, бесшумно подползали к караванам, идущим с товаром из Пакистана, и громко “ухали” через мегафон, на манер американских индейцев, не на шутку пугая мирных кочевников. Крикнув победный клич, мальчишки исчезали в скальных нагромождениях Гиндукуша. Их опасные проделки не проходили бесследно. Особенно подводил “разбойников” мегафон, которого никто в кишлаке не имел. А без него выходило не страшно и скучно. Караванщики жаловались отцам, беспокоясь за жизнь детей. Ох, и попадало им от родителей за опасные проделки. Приходилось за грехи отбывать трудовую повинность с лопатами в руках. Хотя, какая там повинность, если работа увлекала ребят не меньше, чем разбойничьи игры. Результатом труда была вода — начало всех начал в песчаных пустынях субтропиков. Оживали истосковавшиеся без влаги плодородные земли, зеленели долины, светились счастьем и надеждой лица крестьян, они искренне благодарили великую северную

страну за бескорыстную помощь. Мечтали о многом два юных друга. Но, случилась война, будь она проклята.

"Ограниченный контингент советский войск", — мысленно повторил Керим ненавистные слова. В сотый раз отчётливо вспомнил тот холодный по-зимнему день, когда по новой "Кабульской" дороге вереница натужно урчащих двигателями русских танков вползла в сказочный, благоухающий оазис, сотворённый руками отцов и жителей близлежащих кишлаков. Ни в Москве, ни в Кабуле не поинтересовались: а хотят ли простые люди военной помощи. Этим решением правители наплевали в души людей. Избороздив стальными гусеницами танков живительные отводы оросительных каналов, пахотные земли, испоганив святые места вчерашние друзья превратились во врагов. Тысячи равнодушных, чужеземных солдат, бряцая современным оружием, как ядовитым жалом гремучей змеи, ввергло обе страны в смертельную бездну. Первая пролитая кровь порождает ненависть и насилие.

В тот день и на родной земле Керима случилось страшное событие. Кто-то не стерпел обиды, плевка в душу, при виде разрушенной дамбы вблизи кишлака и мазутных пятен на водной поверхности канала. Прозвучал выстрел и молодой русский солдат, черпавший ведром воду, обливаясь кровью, упал вглубь канала. Его кровь, смешиваясь с водою, расползалась вширь, порозовела и поплыла вниз по течению, завораживая и призывая к мщению его друзей. По горячке, по слабомыслию, без разбору, злой шутке, ради любопытства, чувства мести, просто так, от нечего делать, люди стали стрелять друг в друга, превращаясь в врагов. В дело вмешалась техника. Грозно рявкнули пушки бронированной стальной армады и тысячи огненных посланников смерти унеслись искать свои жертвы. Пылали деревянные постройки, в панике выбегали из дувалов жители кишлака в поисках спасения. Трудно, ох, трудно было выжить в

этой дьявольской свистопляске тем, кто находился в селении. Тогда ещё не было в моде слово "зачистка". Это и спасло многих от лютой смерти. Отцы ребят не успели предстать перед выбором: кто кого и за кого? Спящих, усталых после работы, их накрыло в тёплой землянке огнём артиллерии. Одно прямое попадание крупнокалиберного снаряда навеки упокоило двух геологов — русского и афганца. Точнее, их тела разорвало в клочья. Следующие взрывы разветвили прямую линию канала в ряд неровных ответвлений, заканчивающихся заводями из глубоких воронок. Тяжёлые танки проутюжили и развалили рабочие постройки вдоль канала, разрушив стены землянки, надёжно спрятав братскую могилу под прозрачным покрывалом хлынувшей из канала в воронку воды.

Двум мальчишкам Всевышний уготовил другую судьбу. Спозаранку ребята отправились в горы на охоту. Их планы прервал далёкий грохот техники, не вписывающийся в обычную утреннюю тишину. Наперегонки они влезли на вершину горы и с восторгом смотрели на длинную колонну техники, вынырнувшую из пасти ущелья. Два юных чудака ликовали, восторженно кричали, решив немедленно сделать разбойничье нападение на железных чудовищ. Строя разные планы, они стали спускаться по тропинке. И вдруг услышали эхо винтовочного выстрела, которое стало роковым для их кишлака, судьбоносным для Керима и, может быть, всей страны. После выстрела всё пошло шиворот навыворот. Ровная цепочка колонны резко сломалась. Часть танков и бронемашин съехала с основной дороги прямо в зелёнку. По пути ломая посадки нежных деревьев, помчались к водной поверхности канала. Оставшийся на дороге передний танк дёрнул стволом пушки, выплюнув из своей утробы смертоносную жабу. Произведя пристрелку, всё скопище техники дружно фыркнуло из орудий, застрочило из пулемётов по каналу

и предгорной долине, где приютился родной кишлак Керима.

Мальчишки остановились на пригорке и с ужасом наблюдали за ходом трагедии. Один Аллах знает, как они смогли пережить тот миг, когда снаряд развороти их землянку. Видеть, как танк гусеницами утрамбовал на месте землянки землю, тяжело выполз из глубокой воронки, уступив место грязевому потоку воды. Керим навсегда запомнил залитые слезами глаза Вадима и его отчаянный, рыдающий крик:

— Не надо, не стреляйте, там мой папа, дядя Вазиль, не убивайте, не убивайте их!

Что-то кричал и он, путая афганский и русский языки. Но вопли и крики ребят терялись в грохоте стрельбы орудий и рокоте работающих двигателей техники. Вадим, обессилев от криков и рыданий, лишь хватал пересохшим ртом воздух, слабо махая руками. Ноги его подкосились и, потеряв равновесие, он свалился в расщелину, разбив о камни голову. Керим скинул с себя голубую майку, умело перебинтовал голову друга. Удар плюс нервное перенапряжение Вадима принесли новые заботы афганцу. Друг приходил в себя, бредил и вновь терял сознание. Пришлось весь день просидеть в расщелине, держа его голову на коленях, промывая рану водой и смачивая влажной тряпкой пересохшие губы. Так сидя и задремал, уставший от вороха беспорядочных мыслей. Лёгким толчком его разбудил пришедший в себя Вадим. Глаза его ясно и с нежностью смотрели на Керима, тихо прошептал:

— Спасибо, друг, что не бросил меня подыхать в расщелине, в отместку нашим. Что будем делать дальше?

Афганец ждал этого вопроса. Ещё в обед он сделал обзор местности, убедился, что солдаты остановились на ночлег на предгорной равнине.

— Теперь нам вместе нельзя, — вздохнул он, положив

ладонь на плечо друга, — Ваши убьют меня, наши — тебя. Колонна остановилась на равнине. Я провожу тебя к ним, а сам вернусь в кишлак. Надо похоронить отцов, узнать, жива ли мать, и решить, как жить дальше.

Вадим кивнул обвязанной головой, перехватил руку друга на своём плече, благодарно сжал её:

— Это начало войны. Только не между нами. Давай поклянёмся никогда не стрелять друг в друга. Как наши отцы. Обозначь и сохрани их могилу. Я обязательно вернусь сюда. Если меня призовут воевать, знай, я буду стрелять только в воздух. И ещё отличительный знак. Запомни — голубая повязка на голове, как твоя майка. Не забудь наш боевой клич. Это пароль.

Ребята по-мужски, крепко пожали руки, и Керим проводил друга до передового поста русских. Всё было переговорено по дороге. Они последний раз обнялись и расстались, быть может, навсегда.

— К своим пришёл, теперь не пропадёт, — облегчённо подумал Керим, высунувшись из-за скалы. Его случайно заметил молодой симпатичный боец с веснушками на лице и испуганно полоснул длинную очередь из пулемёта. Правое плечо афганца прожгло острой болью, он вскрикнул и бросился обратно в горы. Бежал, спотыкаясь о камни, и горько плакал от боли и обиды, вспоминая отчаянный вопль друга.

— Не стреляйте, не стреляйте! Это мой брат.

Ещё одна пуля, выпущенная на всякий случай, сделала своё чёрное дело, превратив юношу в мужчину и лютого врага пришельцев. Только на третьи сутки ослабевший и исхудавший он приполз в родной кишлак, где узнал о смерти матери и двух сестёр. Через неделю ему вылечили плечо, и Керим пришёл на кладбище. Долго молился за отца, мать, сестёр, но не плакал, не мог. Кусал нижнюю губу до посинения, клялся отомстить за родных и близких. Очередной матерчатый символ мусульманского горя затрепетал над могилой, призывая к мщению.

Прямо с кладбища он отправился на канал. Место, где были землянка, нашёл сразу, определив по воронке, залитой сверкающей на солнце водой. Тихо и уютно щебетал ручеёк, выбегающий из заводи по глубокой гусеничной колее. Он впился глазами в песчаное дно, сидел на солнце не шелохнувшись до вечернего заката. Сильно хотелось пить, но не смог утолить жажду. Казалось, где-то там, под песком, сочится кровь отца и капля за каплей вытекает наружу. Керим больше никогда не пил воду из заводи. Случайно его взгляд обнаружил сохранившийся на берегу плоский зеленоватый камень, вспомнил, что именно на нём отец Вадима раскладывал карту-схему водосточных каналов. Бережно разглаживал складки на карте и увлечённо рассказывал отцу Керима и ребятам о своих грандиозных планах. “Его место на могиле, как вечная память, это их камень”, — подумал Керим, приподнял его с земли и осторожно опустил в воду, где когда-то была землянка. Топориком срубил два дерева, аккуратно ошкурил ствол. Первый глубоко воткнул в землю над обрывом, в точности, как на могиле матери и сестёр. Из второго сколотил крест и воткнул рядом. Поклонился ещё раз, пожелав всех благ небесных дорогим сердцу людям, и вернулся в кишлак.

Утром старейшины рода держали совет, куда пригласили оставшихся в живых мужчин. Долго спорили, как жить дальше. Решили объявить свою территорию нейтральной, не воюющей ни с кем и ни за кого. Желающих немедленной мести не отговаривали, а предложили уйти в другие районы страны, где можно без угрозы для мирных жителей убивать неверных. Против выступил тщедушный, длинный, высохший, как скелет, с жёстким, пронизывающим взглядом Ахмет, виновник того рокового выстрела:

— Мы должны убивать захватчиков везде и всегда, — злобно проговорил он, — объявить газават под зелёным

флагом ислама. Война, только война искупит грехи перед Всевышним. Во славу Аллаха винтовка в моих руках будет стрелять в каждого, кто против священной войны независимо от веры.

— Ты стервятник, злобный и неугомонный. Мало тебе крови пролитой по твоей вине? Ты первый выстрелил в русских, — неожиданно заговорил самый мудрый и уважаемый в кишлаке аксакал, не проронивший доселе ни слова. — Аллах призывает к милосердию, миру, любви. Тебе этого не понять, уходи из кишлака, на тебе кровь земляков, ты стервятник и провокатор, твоё место в аду.

Гул одобряющих голосов и злые огоньки в глазах мужчин и юношей, потерявших близких, заставили Ахмета удалиться, бубня себе под нос:

— Погодите, пробьёт час, вспомните мои слова.

После его ухода дела пошли быстрее. Для охраны территории решили создать постоянный военный отряд, объединиться с соседними селениями. Пятнадцатилетнего меткого стрелка и грамотея, сына Визиля, старейшины назначили командиром. Так в короткий период времени Керим превратился в настоящего мужчину, потерял всех своих близких, сделался полевым командиром и лютым врагом ограниченного контингента советских войск.

За мать и отца он отомстил за пару лет в схватке с Кабульскими войсками, пытавшимися установить правительственную власть над свободной территорией. В боях не щадил и русских, помогавших Бабраку Кармалю прибрать к рукам всю страну. Но Вадима так и не встретил.

Керим воевал только на своей территории. Последние пять лет никто не лез в его владения, и здесь наступила мирная жизнь. Воины отряда восстанавливали каналы, сеяли зерновые и собирали богатые урожаи цитрусовых. Там, где война, мир хрупок и недолговечен.

Гонец прибыл вечером. Им был Ахмет, прозванный "стервятником", выгнанный старейшинами из кишлака. Он почти не изменился, стал лишь худее и злее прежнего. Такие люди есть в любой стране и народе, существуют в поиске вражды, смертельной наживы, болея вечной и страшной болезнью уничтожения себе подобных. На протяжении всей войны Ахмет был для кишлака чёрным вестником тревожных событий, глазами и ушами курбаши Билибека, контролирующего всю провинцию. Посланник зловеще сверкнул своими угольными глазами и сразу перешёл к делу:

— Привет тебе от курбаши и пожелание удачи в борьбе с неверными. Он велел сообщить, что русские собаки наконец-то решили покинуть нашу страну. Теперь чем больше мы убьём солдат, тем скорее "шурави" уберутся на Родину, тем милостивее будет к нам Аллах. На рассвете сюда прибудет сам Белибек с крупным отрядом моджахедов. Завтра ожидается отступление большой колонны техники на север. Мы ударим по ней и победим.

Керим, внимательно слушая "стервятника", с горечью понимал, что снова рушится мир и покой. Не глядя в лицо Ахмета, грустно рассудил:

— Знаю, что уходят, и слава Аллаху. Пусть идут. Зачем нападать? В крупной колонне будут танки, артиллерия, воздушное прикрытие. О какой победе ты говоришь? Нас разобьют в пух и прах. Помнишь, как десять лет назад. Я не хочу нового кровопролития.

Наконец-то пробил час стервятника! Не забыл Ахмет, и никому не простил, как с позором был изгнан из кишлака. Помнил, ох помнил свои последние слова. Сейчас он их хрипло выплюнул, брызгая слюной:

— Во славу Аллаха мы будем стрелять в каждого, кто против священной войны. Усмири гордыню, не накликай беды на весь свой род, выполняй приказ и готовь людей к бою. Жди Белибека и его людей, выбора у тебя нет.

Молодой командир уклонился от ссоры, понимая, что Ахмет лишь исполнитель чужой воли. Курбаши Белибек. С ним шутки плохи. Заносчив, прямолинеен, но умный и рассудительный человек. Его отряды останавливались на отдых в кишлаке и не нарушали законов гостеприимства. Ходил и Керим под его началом в те первые военные годы. Неплохой стратег, умел производить внезапные налёты и вовремя отходить. Неужели выдержка изменила ему? Ударить в лоб по колонне, затяжной бой… Верная смерть. Он не кровожадный Ахмет и за просто так не будет рисковать людьми. Тут что-то другое. Какой-то важный политический заказ. Нужно обсудить на совете план спасения жителей, поставить курбаши перед фактом.

Приход "чёрного вестника" ни для кого не остался незамеченным. Всевозможные слухи повисли в воздухе, люди потянулись к мечети, где на небольшой площади проводились общие сборы.

Керима встретил встревоженный гул голосов, стихший при виде его поднятой руки. Тревожные глаза воинов и старейшин с надеждой смотрели на молодого мужчину, которому когда-то доверили свою защиту. Он поклонился им и решил сразу предложить свой план действий.

— Земляки, война кончается. Это большая радость для всех нас. Нам долго удавалось сохранять нейтралитет и оберегать женщин, детей, стариков, свои жилища, поля, водные каналы. Но судьба приготовила нам новое испытание. Завтра по дороге пройдёт большая колонна советских войск, русские возвращаются на Родину. Знаю одно, если мы пропустим их через ущелье, то они уйдут без единого выстрела. Так было не раз за последние годы. Ночью к нам придёт курбаши Белибек со своим отрядом. Они нападут на колонну. Отговорить их не удастся, скорее всего, это политический приказ, где моя, ваша жизнь не принимается в расчёт, как и жизнь самого курбаши и его воинов. Мы оказались между двух огней. Нам остаётся

попытаться спасти женщин и детей — будущее рода. Прятать в горах поздно и опасно. Русские пробомбят каждый каньон и расщелину вблизи кишлака. Я предлагаю разбить лагерь на равнине за водным каналом, на виду, вывесить белые и красные флаги. Их спецназ сразу проверит, кто находится в лагере. Не должно быть и намёка угрозы на возможный удар в спину. Поэтому все мужчины останутся здесь. Ближе к дороге, между лагерем и колонной, расположаться старики, одетые в белые одежды и без оружия. Поставьте в известность русских, что это нападение совершено не по нашей вине, тогда есть надежда на их милосердие. Долго бойня не продлится. В открытом бою решает всё техника. Первым делом они уничтожат наши жилища, которые люди курбаши превратят в крепости. Затем по долинам, ущельям, высотам ударит авиация. Я предвижу полный разгром, печальный конец, который, увы бессилен предотвратить.Наш отряд должен участвовать в этой политической игре, иначе с нами расправятся за предательство. Вы это знаете не хуже меня. Постараюсь уговорить Белибека уйти в горы, но вряд ли он согласится. Главное сохранить людей и колодцы, тогда будем жить. Сейчас попрощаемся и в путь. Аллах велик и не допустит нашей гибели.

Быстры на сборы потомки древних кочевников в минуту опасности. Без суеты, без паники, присущих большим городам, покидали кишлак люди. Уже через час навьюченные верблюды и ослы послушно перешли дорогу в сторону песчаной равнины. Из домов вывезли всё, вплоть до консервных банок, зная наверняка, что жилища будут разграблены и уничтожены артиллерией и авиацией.

После полуночи прибыли моджахеды курбаши Белибека, они заняли кишлак, часть зелёнки и приступили к строительству линии обороны. К утру пробили в саманных стенах домов амбразуры, вырыли окопы, закопали взрывные фугасы. На возвышенности

замаскировали два безоткатных орудия. Быстро перекусили и приготовились к бою.

Курбаши Белибек, поджарый, красивый, чернобородый сорокалетний мужчина, одетый в полувоенную пакистанскую форму с неизменной чалмой на голове, дал последние указания своим людям и повернулся к терпеливо ожидавшему Кериму. Жестом пригласил присесть рядом на услужливо поданную подушку. Взял в руки кривую палку, рассеянно ковырнул ею золу в прогоревшем костре, неожиданно улыбнулся и наконец-то заговорил мягким, приятным голосом:

— Пока я доволен твоими действиями, сотник Исламбеков. Посмотри на костёр. Видишь, зола быстро остывает, когда нет огня. Вот и в тебе нет огня, ты забыл лютую смерть отца, матери, сестёр, остыл, превратился в холодную золу, в которую можно тыкать палкой, растоптать ногами, а она и не огрызнётся. Теперь надо вновь зажечь в сердце костра огонь и тогда пламя сожрёт палку, омолодит золу, которая испепелит, изгонит из костра любое инородное тело. Ненависть — это отличное топливо для огня, которое будет вечно подогревает золу, и горящие угли не дадут никогда властвовать чужаку в твоём костре.

Молодой командир неторопливо отпил несколько глотков чая из пластмассовой кружки и решил выдержать манеру разговора курбаши. Он подобрал брошенную на землю палку, повертел в руках, осторожно положил в потухший костёр, философски ответил:

— Нет ничего вечного в мире, кроме Аллаха. В конце концов и палка, и угли превратятся в холодную золу, которую ветер разгонит по свету. Ненависть опасное топливо для человека ответственного за судьбы людей. А я в ответе за продолжение жизни моего рода. Можно сгореть раньше времени и утащить за собой в огонь ни в чём не повинных людей. Я отомстил за своих родных, ты хорошо знаешь об этом, теперь разум руководит моими

действиями. Он подсказывает, что апозиционную войну мы никогда не выиграем. Я противник предстоящей бойни, ты это хорошо знаешь. Мирные люди кишлаков выведены на равнину. Ставлю тебя в известность, что старейшины рода попросят русских не открывать огонь по полевому лагерю. Это моё право спасти людей. Твои воины готовы, и в лоб ударят по колонне, но твой тыл не прикрыт. Там, — Керим рукой показал в горы, — есть широкое, ровное плато, удобная позиция для высадки десанта. «Шурави» не дураки и постараются перекрыть тебе тыл. Удар нанесут с двух сторон и уничтожат нас в считанные минуты. Я предлагаю своим отрядом блокировать десант, что даст тебе возможность дольше продержаться здесь, в кишлаке. Повторяю, я не верю в успех авантюры, на ненависти далеко не уедешь. Своими действиями я продлю агонию твоего отряда. У русских нет выхода, они возвращаются домой. Своими танками, артиллерией и авиацией они сотрут нас в порошок. Ты сам это хорошо понимаешь, курбаши. Я буду надёжно прикрывать вашу спину, пока жив, но и ты не провоцируй врагов на уничтожение стариков и женщин. Пусть мы погибнем, раз так суждено, но живут дети. Белибек, последний вопрос к тебе. Они уходят, уходят навсегда, к чему новые жертвы?

— Для избежания более кровавых событий, Керим. Генералы в Москве, марионетки в Кабуле затягивают вывод войск. В Советском Союзе задурили народу головы идеей интернациональной помощи. Со мной прибыли западные журналисты, которые напишут правду. Во всём мире люди должны понять, что в Афганистане давно идёт война. Кто-то должен пожертвовать собой и провести показательный бой. Жребий выпал нам. Это судьба. Ты сделал правильно, что удалил женщин и детей на равнину. и я не шакал устраивать провокации против своего народа. Я принимаю твой план — ты прикрываешь тыл. Но запомни, если предашь или струсишь… Я накажу за подлость весь твой

род, по закону кровавой мести. Вот такой наш будет договор, согласен? И последнее. Возьмёшь с собой Ахмета и журналистов. Старик своим присутствием будет напоминать о договоре, а газетчики наблюдать сверху о ходе боя. Если я погибну, ты отвечаешь за них собственной головой. Там, в Пешаваре, знают об этом. Тогда спасай своих родичей, как сумеешь. Думаю, Аллах тебя за это не осудит. Прощай и ступай с миром. Помни наш договор.

Бой длился всего несколько часов. Точнее шла перегруппировка техники внутри советской колонны, воздушная разведка и плотная бомбардировка всеми видами оружия кишлака, зелёнки и горных вершин.

Внезапный удар моджахедов Белибека не принёс видимого успеха. Армейская колонна, состоявшая только из боевой техники, танков, артиллерии, зенитных комплексов, боевых машин пехоты и десанта замерли при подрыве передней машины. Немедленно вперёд выползли три тяжёлых танка, надёжно прикрыв нос колонны. На разминирование пустили сапёров и спецмашину по обезвреживанию взрывных устройств. Корректировщики молниеносно засекли батарею безоткатных орудий моджахедов и выдали координаты на зенитный ракетный комплекс. Ураган снарядов разворотил вершину высоты, уничтожив орудия курбаши. Колонна развернула стволы пушек и пулемётов в сторону кишлака и открыла дружную беспорядочную стрельбу.

Отлично понимал Белибек, что в позиционной войне техника противника раздолбает его в два счёта. Но такого беспощадного, скоротечного разгрома он не ожидал. Залитый и харкающий кровью, курбаши жил последние секунды и думал о тех двух журналистах, ушедших с Керимом, которые видели бой своими глазами и должны написать правду. Успокоив себя тем, что свой долг выполнил до конца, он закрыл глаза и умер. Погибли почти все, кто нападал на колонну из зелёнки и кишлака не успел вовремя отступить в глубь ущелья. Получился

бестолковый, глупый бой со стороны моджахедов. Схватка ящерицы со слоном, правда, в будущем сыгравшая определённую роль в оперативных сводках боевых потерь и войсковых операций на последнем этапе войны. А оставшиеся в живых журналисты подлили масла в огонь, рассказав о героической смерти Талибека и его людей. Эти сводки и публикации делали своё дело в высших советских штабах и умах генералов, торопили их вылезти из опасной трясины, в которую попала великая страна десять лет назад.

Это будет позже, а в тот солнечный день смерть собирала обильную жатву, пыталась скосить в свой ужасный бункер и отряд Керима. Его бойцы укрылись в скалах по периметру широкого горного плато и могли только догадываться и слышать о трагедии, разыгравшейся в кишлаке. Их молодой командир занял удобную позицию, откуда хорошо просматривался лагерь на равнинной местности. Он видел, как при первых выстрелах моджахедов от хвоста колонны оторвался клочок пылящей брони и направился напрямую к лагерю. На полпути бронемашины встретила делегация старейшин в белоснежных халатах, с белыми флагами в руках. Керим удовлетворённо вздохнул, заметив, как солдаты подсадили несколько стариков на броню боевых машин, развернулись и помчались обратно к колонне. Остальная техника окружила кольцом лагерь мирных жителей в ожидании результатов переговоров. Его наблюдения прервал мрачный, тяжёлый шёпот Ахмета:

— Вертушки в круг встали, по нам ударят, значит, десант будет.

Действительно, его пророчества не заставили себя ждать. Боевые вертолёты своей стрельбой прижали моджахедов к земле, прикрывая огнём десантников, высаживаемых на плато.

Полуоглохший от взрывов Керим попытался вновь навести бинокль на лагерь, но резкий толчок в плечо

нарушил его план.

— Курбаши Талибек убит и все его люди погибли, — услышал он вновь голос Ахмета, — удалось спастись лишь пятерым. Теперь ты за главного, Русские как на ладони, прикажи открыть огонь.

Керим повернул голову в сторону плато, поднёс бинокль к глазам. О, Аллах! Этого не может быть! В окулярах стёкол он увидел широкоплечего русского офицера, который, выпрыгнув из вертолёта, что-то прокричал солдатам, повернулся лицом в сторону канала, низко поклонился, достал из-за пазухи голубую материю, снял кепку и умело обмотал ею голову. Керим с надеждой, внимательно разглядывал скуластое, загорелое лицо офицера, с радостью разглядел крупную родинку на щеке. Это был он — его русский друг, который всё же вернулся на землю, где похоронен отец.

— Без команды не стрелять, —громко крикнул Керим, вдруг поверив, что именно сейчас можно прекратить кровопролитие.

В сопровождении телохранителей ловко пополз к кромке скалистого плато. Спрятался в широкой расщелине и несколько раз, на удивление охранников, гортанно ухнул. Выкрикнул на полузабытом русском языке:

—Вадим, Вадим! Я здесь…

И тут раздался ответный их боевой клич и звонкий, ликующий возглас детского друга.

— Керим!, Я, иду к тебе. Не стрелять, ребята, не стрелять!

В безудержном порыве, забыв обо всём и обо всех, как будто нет войны, командир моджахедов вскочил на ноги и пошёл навстречу.

— Щенок, предатель, — услышал позади визгливый голос Ахмета и зловещий щелчок затвора винтовки в его руках. Мгновенно упал лицом вниз, повернул в руках ствол автомата и нажал на спусковой крючок.

Всё же Ахмет успел сделать один выстрел и скрючившись пополам, выпустив из рук дымящуюся винтовку, кувыркнулся с отвесной скалы в пропасть. Раненный его выстрелом в плечо Вадик проследил взглядом за летящим в небытие телом врага и, смутно понимая, что сейчас может случиться страшная, бойня, морщась от боли, раскинул в стороны руки:

— Не стрелять, ребята, не стрелять! Их командир мой друг. Слышите, друг. Договоримся,обойдёмся без войны. Ребята, не стрелять!

Керим уже стоял на ногах и, направив ствол автомата в сторону своих, громко кричал:

— Кто следующий желает попасть в ад? Всем положить оружие перед собой на землю. Джамиль, проверь, — повернулся он к командиру охраны. — Тех, кто не выполнит приказ, расстрелять на месте. Пока я жив — не стрелять в русских. Все слышали?

Сзади его обняли крепкие руки Вадима и прижали к груди. Они долго смотрели друг другу в лицо, сжимая в крепком рукопожатии ладони. На глазах изумлённых врагов афганец бережно перебинтовал раненное плечо друга, неожиданно вспомнил:

— Как мне в правое плечо. Помнишь, тогда ваш солдат из пулемёта врезал? Теперь мы оба мечены. Ещё одна отличительная тайна.

— Ты меня снова спас, своего убил. Не жалеешь?

— Такие стервятники не дают людям в мире жить. Это тогда он первым выстрелил в колонну, а сейчас в тебя. Аллах моей рукой покарал гадюку, больше не будет смертельно кусать людей. Теперь надо решить, что делать дальше.

— Немедленно прекрати бой, Керим, и пропусти по дороге колонну. Мы уходим, друг мой, уходим на Родину.

— Знаю. Бой начинал не я, старейшины должны объяснить вашим, что и как. Курбаши Белибек убит, за старшего теперь я и предлагаю вам мир. Срочно по рации передай в колонну: там, на равнине, только мирные

жители.Прошу сохранить им жизнь. Твой отряд в сопровождении моих проводников может немедленно спускаться по ущелью в долину. Мы пойдём замыкающими. Передай, что больше ни один выстрел не нарушит движение колонны по нашей территории. Такой выход устроит всех.

Вадим одобряюще кивнул, приказал радисту связаться с колонной и доложил командованию о ситуации, сложившейся в горах после высадки десанта.

— Действуй по обстановке, — услышал он глухой голос полковника. — Командиру моджахедов, твоему знакомому, как ты говоришь, передай: лагерь не тронем, вечером колонна уйдёт. Мы не хотим человеческих жертв и новых сюрпризов. Начинай спуск вниз, к дороге, и держи связь с вертушками. Вертолёты будут постоянно кружиться над твоей головой — не ровён час подлянку устроят. Доверяй, но и проверяй. Мир так мир. А кто против?

— Освобождай ущелье, Керим, будем спускаться, постарайся без сюрпризов, командир согласен, — радостно сообщил лейтенант афганцу. — Ты иди к своим, я — к своим. Как тогда, девять лет назад, дадим указания и встретимся здесь, — грустно добавил он, возвращаясь на плато.

Керим приказал Джамилю собрать командиров на дне ущелья, следом спустился сам. Обвёл взглядом их суровые лица, с надеждой смотревшие на него.

— Договорился. Обойдёмся без стрельбы. Помните русского инженера, строившего канал? Десантом командует его сын. Обстановка такая: отряд курбаши Белибека уничтожен, он сам погиб. Мы блокированы в ущелье снизу и сверху, воевать нет смысла — все погибнем, но и позорно сдаваться не будем. Нам надо покинуть ущелье, освободить проход десантников к

колонне. Уведите людей на запасные позиции в скальные укрытия. Спрячьте журналистов и оберегайте их. После ухода колонны вернётесь в кишлак, будем строить новую жизнь. Со мной останется только охрана, мы будем в роли заложников. Любая провокация для нас смерть. Хватит одного шакала, как Ахмет, чтобы снова начать войну. Не поможет и мой друг. Всё понятно? Не теряйте времени, начинайте отход.

Когда авангард десантников занял ущелье и вышел в долину, начался спуск основных сил. Настороженно всматриваясь в горные вершины и нагромождения скальных пород, держа оружие наизготовку, отделение за отделением покинули плато. Последними, в полный рост, шли два друга детства, ставшие противниками не по своей воле и союзниками в желании прекратить бесславный бой.

Керим с Вадимом прощались на берегу канала, где под мирно журчащей тёмной водой вырисовывался силуэт памятного камня. Вдвоём они сколотили из добротных досок от зелёных снарядных ящиков новый православный крест и врыли его глубоко в землю, рядом со старым памятником, сделанным когда-то Керимом.

Афганец бережно снял с шеста свой знак кровавой мести:

— Контингент ушёл.. Нельзя жить вечно в ненависти и злобе, ты сам меня учил любви и доброте к людям, уважению к великим соседям. Прости нас с Вадимом за всё, отец…

Вскоре два бронетранспортёра запылили вдогонку скрывшейся за поворотом колонны. Долго видел Керим силуэт друга, сидевшего на броне и прощально махавшего здоровой рукой. В душе надеялся, что Вадим когда-нибудь вернётся помогать строить оросительные

каналы. И сбудутся тогда мечты отцов, их жизнь повторится в детях. Счастливо будут жить жители кишлака. Без войны.

О ВОЙНЕ И О СЕБЕ

Андрей Кочелягин, детина двухметрового роста, занимал половину прихожей моего дома. Он добросовестно морщил лоб и старательно вспоминал свой Афган.

— Надо, так надо, – ответил он, когда я попросил его отправиться в дебри афганской юности, рассказать о войне и о себе.

О Лещинском

Я тогда зелёный был, первый раз в боевой обстановке из пулемёта стрелял. Правда, и боевой-то её не назовешь. Игра в "войнушку" для телевизионщиков.

Служил я тогда в разведроте, в центре Кабула. Рядом находились американское и французское посольства. Дворец такой. От него разбегались дорожки, по бокам которых росли стриженные, ухоженные акации. Были рисунки шаров, макеты корабликов, фигурки людей. Красиво.

На рассвете нас подняли по тревоге и вывезли за город в район горного хребта, к столбу Александра Македонского. В полдень пылят к нам две "бээмпэшки". Появляются телеоператоры с аппаратурой. Мать моя! Сам Лещинский пожаловал. В то время его физиономию все в Союзе знали. Парторганы ему единственному доверили "всю правду" советскому народу об Афганской войне

рассказывать. Приём детишек в пионеры, посадка деревьев на полях, дружба навеки — это всё его телепроделки.

Соскакивает он с боевой машины со своей аппаратурой и кричит комбату:

— Рассредоточьте бойцов за булыжники, скалы, камни, как на войне. Устройте мне настоящий бой. Ты, русоволосый, – так он ко мне обратился, – жахни из пулемёта по скалам так, чтобы щебёнка посыпалась. А ты, бритоголовый, пару гранат брось, из пушки пальните. Что вам боеприпасов жалко? Этого добра в Союзе навалом. Сделайте шум, чтоб всё вокруг бухало и ахало.

Лещинскому не впервой игровые бои устраивать. Мужики мои хмурятся, но делать нечего. Своим азартным порывом он и нас завёл. Полную ленту я из пулемёта в скалы выпустил. Ребята гранаты бросают и кое-кто ура кричит. Пальба, взрывы, крики, как при взятии рейхстага в Берлине. А Лещинский вскочил на бэтээр во весь свой богатырский рост и хрипло кричит в микрофон:

— Веду репортаж с боевых позиций. Наши славные солдаты заканчивают уничтожение ещё одной группы бандитов, которые мешают мирно жить людям. Слышите: смолк пулемёт, и нет взрывов гранат? Это значит — наши славные десантники пошли в рукопашную. Пока мы обошлись без потерь. Вот и возвращаются наши герои-интернационалисты, с честью выполнившие свой воинский долг. Сейчас я отправляюсь в следующий район, где, как доложила разведка, обнаружен новый отряд непримиримых. До встречи в новостях.

А вечером мне стыдно было перед ребятами и досадно смотреть по телевизору на своё с открытым ртом и дикими глазами лицо.

Много было вранья, ох много. Одни спецзаказы и спецпоказы.

Жена на подносе принесла чай, и молча удалилась в комнату. Она деликатно не хотела мешать нашему разговору.

Глотнули по глотку чая. Закурили по сигарете, каждый думая о своём. Андрей пустил замысловатое кольцо дыма, проводил его взглядом, повернулся ко мне.

— Рассказать о первом бое? Хорошо. Слушай. Только ничего героического я не совершил. Ещё, слава Богу, жив остался.

ПЕРВЫЙ БОЙ

Осенью 1985 года нас на вертушках забросили в горы Кунара. Я пулемётчиком был. Обмундированный железом с ног до головы. Шли мы гуськом пару десятков километров, устал, как собака. В душе мечтаю от груза освободиться. Молодой был, дурак, не брал во внимание поговорку ротного: “Патроны и вода – наша главная еда”. Где-то сверху по нам открыли огонь.

Как нас учили, я мигом нырнул в первую попавшуюся расщелину. Установил пулемёт и открыл ответный огонь в никуда. Ладно Жора рядом был, крикнул: “Брось стрелять, береги патроны. Сейчас по гадам вертушки отработают”. И, действительно, после огневого шквала ракет, выпущенных из вертолётов, пальба прекратилась. Не знаю, что стало с духами. А вот мне пришлось попотеть и покраснеть.

Влез-то в расщелину, с перепугу, с пулемётом, а вылезти налегке не могу. Ладно, ребята помогли. Краснеть пришлось за патроны. Половину боекомплекта я в молоко

выстрелил. Вот так и начал воевать.
Он допил кружку чая, вновь закурил сигарету, улыбнулся, и спросил:
— Можно я тебе о советском спецназе расскажу? Кровавая, но забавная получилась история.

СПЕЦНАЗ ИЗ СОЮЗА

Мы взлетели из Кабула на трёх парах вертушек. Человек пятьдесят. Высадились в предгорье на площадке. А потом часов шестнадцать пёрли пёхом. Вышли в район мотопехотного полка, который духи сильно расчехвостили. Мы зашли с тыла, заняли господствующие высоты. При захвате горок у нас убило двоих, несколько человек ранило. Поработали мы хорошо на пару с вертушками. Сбили духов с высот и держали под прицелом, пока нашу мотопехоту вывезли. Пришлось и нам оставить позиции, не вечно же на вершинах куковать. У духов тоже потери дикие. Пока спускались, с полсотни раненых и убитых духов насчитал. Что делали с ранеными? Понятно дело: тех, кто не мог идти добивали, остальных брали в плен. Да и то редко, если начальство засекло – брали. Они лишняя нам помеха. Самим бы выбраться.

В сумерках нас духи крепко зажали. Они вновь заняли господствующие высоты и мы оказались в положении мотополка, если не хуже. Неожиданно стихли выстрелы с их стороны и кто-то на чистом русском языке крикнул:

— Сдавайтесь! Или вам всем крышка. Солдатам обещаем жизнь, убейте своих офицеров и в плен, все в плен. На раздумье даём вам пять минут.

В ответ Жора Анучин и все мы хором рявкнули:

— Хер вам в рыло! Хер вам в рыло...

Затем в мёртвой тишине Жора громко крикнул:

— Вы, падлы наёмные, видно ещё не поняли, с кем тягаетесь. Завтра к утру от вас сырого места не останется. Сейчас уже не секрет, что мы лучший спецназ, прибывший прямо из Москвы. Каждый из нас троих зеленых американских беретов стоит. Слышите, духи, с кем имеете дело? А вы нам про плен лапшу вешаете. Я предлагаю по мирному разойтись. Освободите ближайший каньон, и мы без выстрелов уйдём вслед за своими. Не дадите прохода – мы из вас кишки выпустим. Так, переводчик, слово в слово и передай командиру.

В ответ тишина и потом единственное громкое слово: “Согласны”.

Его обрамленное светлой бородкой лицо оживлялось, когда он вспоминал весёлое, и меркло при рассказе о плохом. Нам никто не мешал. Котёнок, и тот сладко спал на стульчике.

— Кого помню из погибших ребят? Да всех. Разве такое забудешь?

СЕРГЕЙ СНЕЖКОВ (СНЕЖОК)

Я учился с ним в одной учебке, в Фергане. Дружили мы. Накануне он весь вечер ныл. То каша плохая, то чай слабо заварен, то спать мешаем. Сам сигарету за сигаретой курит. На душе у него было муторно. Как чувствовал, что погибнет.

Мы шли с ним в паре, параллельно, в двух–трёх шагах друг от друга. Дух выбрал в качестве мишени Серёгу, хотя мог и меня. Прозвучал одиночный выстрел и точно ему в переносицу. Мы ворвались в пещеру и увидели молодого, испуганного афганца, который дрожащими руками загонял очередной заряд в ствол старинного кремнёвого ружья. Духа ребята ногами

забили до смерти, а тело скинули в ущелье. Тогда и погибто один Серёга. Видно, судьба.

Андрей откинулся на спинку сиденья, прикрыл глаза. На его лице мелькнула улыбка. Повернувшись ко мне, он спросил:

— А хочешь, расскажу, как мы в плен француженку брали?

ФРАНЦУЖЕНКА

Мы взяли хорошо оборудованный горный госпиталь. Эта баба стреляла из крупнокалиберного пулемёта. Целых полчаса потеряли на стерву. А подловили её на перезарядке ленты.

Я, Миша Лачинов, Серёга Грибщик зашли ей с тыла. Убедившись, что это баба, на свою беду решили её живьём взять. Лихо махалась курва руками и ногами. В общем, по мордасам досталось всем троим. Мишка был ростом два метра с копейками. Бугай бугаём. Он её стерву и придавил телом. А дальше дело техники. Связали накрепко её рученьки и ноженьки – и на беседу к комбату. Села перед командиром, ноги раздвинула и жалуется на нас курва. Порядок у нас в дивизии строгий был. За изнасилку могли десяток лет впаять. Кому охота за неё срок тянуть? Вот командир и говорит:

— Не хрен было живьём брать. Вы взяли, вы и ведите красавицу в спецотдел.

—А как вести, если она кусается? – спрашиваю я.

— Дай по заднице ногой, вмиг сообразит. А я не видел, отвернусь в сторону.

С глубоким удовольствием заехал я своим сапогом по её оголённым бёдрам. Так втроём и этапировали. Её после на большую землю отправили. Как сложилась

судьба француженки? Кто знает?

На дворе разгулялся полдень. Я предложил перекусить и после продолжить разговор. Андрей протестующе замахал рукой:

— Пока я разговорился – спрашивай. Был ли я в рукопашном бою?

РУКОПАШНЫЙ БОЙ

Дрались мы жёстко, отчаянно. Мы их саперными лопатками, они нас – ножами. И силы были равные. Сцепились во дворе большого дувала. На войне бывает и такое, когда у противников в одночасье кончаются патроны. Первого мне помог завалить Серёга Грибщик. Двумя лопатками мы ему башку срезали. На нас двоих выскочило сразу трое. Двое прыгнули на Серёгу, а самый плечистый и рослый бородач – на меня. Вначале я автоматом выбил из его рук автомат. В горячке бросил и свой, хотя мне им только раз и молотнуть надо было бы. Ох и любили они позировать, оборонительные стойки принимать. Насмотрелись в своих пещерах видиков. Пока он стойку принимал, я кулаком его прямо по темечку, он и рухнул с копыт. Для верности ещё и придушил. В рукопашке звереешь, точнее – сатанеешь. Или ты его, или он тебя.

Схватил я свой автомат, гляжу, те двое Серёгу душат. Я на подмогу. Одним ударом приклада духу башку проломил, а со вторым Серёга справился сам.

В той рукопашке мы сильнее оказались. Одним словом – спецназ.

Он на миг опять замолчал, вспомнил что-то своё. Я высыпал в ведро полную пепельницу окурков и спросил о контузии.

КОНТУЗИЯ

Напоролись мы на засаду. Это обычное явление в горах. Духи жахнули по нам из миномётов. Меня взрывной волной сбросило в яму глубиной около трёх метров. Я потерял сознание. Ребята вытащили из ямы, спасли. В итоге два осколка в ноге, трояк в рюкзаке и частые головные боли. Кстати, от ранения в спину спасли патроны и сухпайки, которые были у меня в рюкзаке. А так ерунда. Осколки из ноги выковыряли, и снова вперёд.

Мы вышли во двор. Прищурили глаза от яркого солнца. Где-то послышались звуки похоронного марша. Грусть и уныние обволокли наши сердца. И последний, о ком поведал Андрей, был Жора Анучин.

ГИБЕЛЬ ПРАПОРЩИКА ЖОРЫ АНУЧИНА

Мы в шутку его называли главным старшиной 40-й армии. Головастый и хозяйственный мужик был. К тому времени он два срока отмахал, домой собирался ехать. А погиб он глупо, на выходе из боевых. На БМП молодой сержант случайно нажал ручной спуск взведённой пушки. Снаряд угодил точно в кабину Урала, где находился старшина. Жору нашего наповал. От водителя только ноги нашли. Понимаешь, даже сапог не обнаружили. Стрелявшему солдату дали восемь лет поселения, а позже он под амнистию попал.

Трудно на войне виновных искать. Всякое бывает. Нас тогда к войне готовили здорово, не знаю как сейчас.

Мы попрощались с Андреем за калиткой моего дома. Я долго смотрел вслед его иномарки. Он выжил, нашёл своё место в сегодняшней сумбурной жизни. И

крутился последний вопрос на моих устах, который задать ему я не посмел. И смог ли бы он искренне мне на него ответить? Вопрос связан с Чечней и глубокой раной на могучем теле страны. Пусть останется эта тема для отдельного разговора. Кто знает, как повернёт жизнь.

ПОСЛЕДНИЙ МОСТ

Генерал шёл по скользкому широкому автомобильному мосту неторопливой поступью, уверенно, по-хозяйски ставя ноги в высоких армейских ботинках, на выбоины и

белёсые проплешины замызганного бетона. Официально он пос-ледним из ограниченного контингента советских войск возвращался на Родину, на северный берег реки, оставляя за своей спиной разорённую, воюющую страну. И не только страну, но и десять лет жизни миллиона русских солдат, которые воевали и погибали там, в отрогах Гиндукуша, в ущельях Пандшера, в Герате и Газни, Джелалабаде и Кандагаре. Только сейчас молодой генерал вдруг понял, что старый мост стал границей между двумя геополитическими пространствами, которым никогда не воссоединиться воедино, как Луне и Солнцу. Эти миры должны существовать отдельно друг от друга, взаимодействуя и выполняя определённую роль в сложной системе мироздания. Честь и хвала мудрецу, который первым поймёт, признает и исправит ошибку. Но понимать, признавать и исправлять содеянное придётся всей стране и кто знает, как повернётся для народа этот злосчастный поход на Средний Восток.

О многом думал, твёрдо печатая шаг под прицелом телеобъективов, не побеждённый в боях, не сломленный духом командующий боевой армии, уходящей из Афганистана, бросая прощальный взгляд

на скальные нагромождения, омываемые тихими волнами реки.

... Он шёл по мосту последним. Войска уходили достойно, походными колоннами, с флагами над бронёй и наградами на груди. Пыльные лица солдат светились улыбками, они весело махали руками толпам встречающих. Люди приветствовали их, как героев, осыпали цветами пыльные, мазутные с пулевыми и осколочными метками бронемашины. Они возвращались победителями в этой проклятой, ненужной войне. Победителями для самих себя, своих родных, своей Родины, с честью выполняя приказ своих высших горе начальников. Победителями были и моджахеды, столпившиеся с южной стороны моста, восторженно крича и потрясая в воздухе оружием. Победителями были вчерашние противники, покончившие с ненужной войной. Побеждёнными стали политики, не сумевшие спрогнозировать ни настоящее, ни будущее двух стран.

В тот миг молодой генерал отчётливо осознал, что не только судьба солдат, но и будущее страны туманно и непредсказуемо. Лёгкий вздох горечи слетел с его уст, обдумать, оценить, проанализировать пришедшую мысль не хватило времени. Прямо перед ним из толпы выскочил суетливый видеооператор и попытался снять исторический момент. Его решительно, выразившись русским матерком, отодвинул в сторону широкоплечий коренастый крепыш, с поредевшими русыми волосами на голове и с боевым орденом на лацкане расстёгнутого пиджака, гордо крикнув стоявшему рядом товарищу:

- Смотри, Павел, сам командующий, наш командующий!

Генерал услышал его слова. Дружески помахал рукой, навсегда запомнив этих двух русских парней и

слова, сказанные молодым ветераном их общей военной беды.

Только сейчас, пройдя пешком автомобильный мост, вступив на родную землю, увидев восторженные глаза и радостные лица встречающих, генерал окончательно понял, что он сам и его страна действительно вернулись из десятилетнего военного похода. Его армия и он наконец-то дома.

Неожиданно из глубины памяти протянулась тонкая, крепкая нить, заложенная в его генетическом древе, впитанная с молоком матери. Атеистически воспитанный генерал мысленно перекрестился и прошептал слова, которые в разные века говорили тысячи русских людей "Боже! Спаси и сохрани Отечество". Что-то дрогнуло в сердце боевого генерала печально, грустно, но радостно. Как будто его далёкий предок русоволосый воин, легший костьми на Куликовом поле брани, внятно, скорбно, клятвенно, молитвенно напомнил своему героическому правнуку старинную и вечную мудрость: "Храни, сынок, храни матушку Русь".

А вечером случился ещё один эпизод, который никогда не войдёт в учебники истории, о котором знает только круг близких друзей. Эпизод, каких тысячи.

Двое друзей находились в гостях на погранзаставе, где когда-то нёс срочную службу Виктор, откуда он уходил в опасные и тревожные рейды на противоположную сторону реки. Теперь они лениво лежали на плотном темно-зелёном брезенте, в ложбинке, на каменистом грунте и с удовольствием вспоминали встречу с командующим. Виктор не уставал горячо убеждать товарища:

—Точно говорю, Павел, узнал он меня, рукой помахал. Ты же сам видел?

— Он всем махал, приветствовал. Рад был — с войны домой вернулся. Грустный какой-то был, сумрачный, о чём-то своём думал.

— Когда ты, Павлуха, будешь генералом, тоже видок представительный заимеешь — положение обязывает. Вывод армии и он, командующий, последним мост перешёл. Вот как.

Теперь всё, конец странной войне, мир во всём мире. Если честно, никак не могу понять, Павлуха, за каким хреном мы туда десять лет назад залезли. Для того, чтобы сегодня походным маршем через мост пройти? В принципе, не моего ума дело. Было и прошло, быльём поросло. И то хорошо, лежим брюхо на солнце греем. Не было бы Афгана — не было бы сегодняшнего дня, не было бы мне так хорошо. Всё, что ни делается в жизни — всё к лучшему. А всё-таки генерал меня узнал.

Павел вскочил на ноги, подобрал с земли несколько плоских круглых камешков и ловко пустил "блинчиков" по мелким, пузырящимся у берега, волнам. Обеими руками взъерошил длинные русые волосы, долго, насторожённо и внимательно смотрел на далёкие вершины гор. Повернул лицо в сторону друга и тихо спросил:

— Витёк, ты снова пошёл бы туда, за речку?

Виктор, по-турецки поджав ноги под себя, фыркая и дуя, пил горячий заваренный чай из пластмассовой крышки от термоса. Поперхнувшись кипятком, облизав кончиком языка обожжённую нижнюю губу, недовольно выдавил:

— Типун тебе на язык, обжёг всю глотку. И вопросик твой провокационный. Вспоминаю часто Афган. Ночные засады, ребят живых и мёртвых. Всё было — и весёлое, и печальное. Настоящая дружба, мужская работа, судьба общая. Под одним богом ходили. Скажу

честно: на экскурсию — да, посмотреть что и как, юность свою вспомнить. Но так, чтобы снова на пузе по скалам, без воды, в сорокоградусную жару? Бр-р. И зачем мне это надо и для чего? Вот об этом надо спросить? А я отвечу: а хрен его знает. Нет. Навоевался, баста. Надо и для себя пожить. Дома у нас хорошо — всего вдоволь и не стреляют.

Павел присел рядом, обхватил колени жилистыми руками, взял из рук Виктора чайную посудину, повертел в руках и тонким ручейком вылил содержимое на землю.

— Так и жизнь наша струится, мелеет, иссыхает животворный ручеёк, — философски изрёк он, вздохнул, положил крышку на позеленевший от времени камень и рассеянно стал рассуждать:

— Говоришь, навоевались, нахлебались кровушки человеческой? И то верно. Всё воюем. Вот уж скоро сотню лет. Приелось, говоришь, нет желания вновь по горам шнырять, не зная во имя чего и зачем? Слабо, но верится, что мы, русские, сыты по горло. Но все ли? Ты посмотри, Витёк, с кем мы только ни воевали за тысячу лет. Практически со всем миром. Себя, других освобождали, но главным образом свои владения расширяли. Русские кости, Витёк, по всему миру разбросаны. Во Вьетнаме, Корее, Египте, теперь вот в горах Гиндукуша. Это факт. Мы, дружок, с 1905 года ведём постоянную войну. Столетнюю. И никто не ответит на простой вопрос: зачем? Для чего?

Виктор, внимательно слушавший своего философствующего друга, не желая спорить и разглагольствовать на глобальную тему, решил отмочить свою “хохму”. Он скинул с плеч рубашку, с ног — помятые голубые джинсы и с весёлым гиканьем плюхнулся в воду. Ахая и охая от удовольствия и резкого

холода, сменил тему разговора:

— Что, Павлуша, слабо? Только так поступают «погранцы-огольцы». Решительно, смело, напористо. Как в атаку, там, в Афгане. Главное — не струсить в первый миг, дальше пойдёт как по маслу.

Павел рассеянно улыбнулся, кусая сухую травинку, думая о чём-то своём. Краем уха уловил, как добродушный, рано начавший лысеть его друг, мурлыкал себе под нос слова незнакомого четверостишия:

“Мне б за речку по бережку
На свидание к своему дружку.
Найти его заброшенную могилку
И выпить за упокой горилку”.

“Горилка — водка по-украински”, — вспомнил он, слушая простые слова текста. Тоска по прошлому звучала в словах Виктора, по погибшим ребятам, которые, не всегда возвращались на Родину в первозданном виде. Часто в цинках шли обрубки, обрезки, ополовиненные тела. То, что смогли собрать и вынести с поля боя. Иногда и собирать было нечего. Зарывали останки прямо в горах, в чужой земле. Но на Родину шли гробы, как положено. Только их не вскрывали. В мирное время не может быть без вести пропавших. Что запаивали в полупустые гробы? Кто знает. Всё было за десять лет на этой странной войне. И всё же Павел всегда искренне завидовал своему другу, сожалея, что ему самому не пришлось побывать там, за речкой.

Утром суровый, молодой, симпатичный генерал, как капитан с корабля, последним перешёл мост и официально закончил вывод сороковой армии. На войне поставили крест. Но последний ли он покинул

пределы чужой страны? Нет. Ещё маются в лагерях наши военнопленные офицеры и солдаты. Остались навсегда, как в Витькиной песне, безымянные могилки, останки бойцов. Ещё свежа память, болят раны, унося мысленно многих обратно в горные ущелья, на караванные тропы и снежные вершины гор. Выполняют свою работу и спецподразделения, не входящие в состав армии, как не входил и Витёк со своими пограничниками. Вероятно, мы надолго останемся ещё там, за речкой, за другими морями и океанами, где пролили кровь и сложили головы русские солдаты. Точно только то, что генерал сегодня был последним, кто пересёк мост в обратную сторону. Хотя... Можно, пусть только для себя, но поменять историю. Всего-то переплыть туда и обратно. И последним будет другой. А почему не попробовать мне? Пусть будет мальчишеством, дурачеством — плевать, — оживая и чувствуя, как задрожало в азарте тело, подумал Павел. — Хоть минуту, полчаса я должен побывать там, именно сейчас или никогда. Чёрт возьми! Пусть неофициально, но я сегодня в любом случае последним покину чужой берег. Ведь я не трус, так надо доказать на деле. Витьку, погранцам, этим скалам, реке, небу, всему миру. А самое главное — самому себе.

Наваждение, сумбур разных мыслей кружился в его голове, постепенно выстраиваясь в один ряд, длиною в ширину пограничной реки. Он ещё вспомнил о своей теории столетней войны, которую несколько минут назад высказал угомонившемуся и дремавшему на брезенте Виктору, окончательно решившись немедленно выполнить пришедшую в голову авантюру, громко крикнул:

— Нет, Витёк, война продолжается. Моя война. И я сегодня вернусь из похода.

Последние слова он сказал плавно, пропел своим звонким, мелодичным голосом, как любил петь играя на гармошке в родной деревушке. Сам играл, сам сочинял, сам девчонок завлекал. Всё любил делать сам. Были ошибки, разочарования, предательство, подлость. Зато не грызло душу чувство неполноценности, сожаления об упущенных возможностях, не было подленького чувства собственной вины перед самим собой.

"Для кого-то анархично и смешно, но мне необходимо плыть, а там будь что будет", — последнее, что подумал Павел, стоя на берегу. Более не раздумывая, приняв твёрдое решение, он с разбега забежал в воду и молча погрёб сильными загоревшими руками к противоположному берегу, выбрав в качестве ориентира высоченную косоугольную скалу.

Виктор сквозь сладкую дремоту уловил слова друга о возвращении на Родину, услышал плеск волны об ноги вбежавшего в воду Павла, перевернулся со спины на бок и решил взглянуть, каким походом захотел заняться его друг. Приоткрыл глаза и как после тяжёлого похмелья замотал головой, заморгал, протирая глаза ладонью, увидев Павла на середине Пянджа. Заорал, заматерился выкрикивая:

— Ты куда? Ты куда? Ошалел, мать твою! Дурень сибирский, дубина берёзовая. Я тебе дам поход. Павел, не шути, кому говорю! Вернись, Павлуха, сейчас же вернись!

Его крик не возымел успеха, и надо было что-то предпринимать, а не суетиться, хлопая себя по голым бёдрам, как деревенская баба, утопившая в проруби ночнушку. Рациональный склад ума не позволил Виктору сигануть следом за Павлом. Натянув штаны и накинув

рубаху на плечи, он побежал в противоположную сторону, на передовой пост заставы. Наблюдавшие за происходящим, не менее удивлённые погранцы попытались успокоить старого служаку:

— Друг ведь твой. Мы хотели пулемётом его прижать, не рискнули. Вернётся — разберётесь. А куда ему деваться? Не духам же в плен сдаваться. Пусть побесится, спесь собьёт. Друган-то твой нашей породы, задиристый. Афган ему подавай. Пусть берёт сколько влезет, лишь бы пулей не подавился, хулиган он у тебя, Виктор, приплывёт — снимай с него трусы и по голой заднице, готовь пока розги. Не беспокойся, мы командный пункт предупредили. Помогут огоньком. На бинокль, держи его в поле зрения. Пловец хренов, создал пограничный конфликт. С сегодняшнего дня мы в мире с духами, а он тут снова, того и гляди, войну начнёт. Вот стервец — разлёгся на берегу. И долго он там загорать будет?

Быстро привыкнув к ледяному холоду воды и не обращая внимания на суматошные крики Виктора, Павел повторял про себя как молитву его же слова: “Только вперёд, решительно, смело, напористо, как в атаку”. Всматриваясь в приближающийся чужой берег он чувствовал мурашки, бегающие по телу и свинцовую тяжесть в ногах. Усталости он не боялся, только бы не свело руки или ноги судорогой. Ребятам было труднее с полной армейской выкладкой под палящими лучами солнца, на горных крутых тропах принимать бой. Только вперёд, пусть блажь, пусть дурь. Победителей не судят. Мне нужно побыть там, где были мои близкие друзья, глотнуть их воздуха, полежать на чужой земле, ощутить себя причастным к войне моего поколения. Мне это очень важно, важно, важно. Генерал утром, а я вечером, последним вернусь на Родину.

Покачиваясь на подгибающихся от усталости ногах, помогая себе руками, он шёл по мелководью, преодолевая последние метры. Наконец, упал, распластался на спине на мелких камушках, прищурился и глядя в яркие блики вечернего заката довольно подмигнул заходящему за горизонт небесному светилу. Не удержался, раскатисто, озорно расхохотался, теперь зная наверняка, что этот день будет одним из памятных дней в его жизни.

Вначале он услышал эхо далёких беспорядочных выстрелов, почувствовал явственный запах обожжённого мяса, потянувшийся из глубины ущелья. Блаженно потягиваясь всем телом, подумал: "Победу празднуют, шашлык жарят где-то совсем рядом, дымок оттуда". Спокойно оглядел прибрежные нагромождения скальных камней, узкие тропки, покрытые крупинками каменистого светлого песка, уходящие круто вверх, чахлые, сухие кустарники, вжавшиеся в подбрюшье скалистой кромки прибрежной полосы. Оба берега выглядели одинаково, были пустынны и безжизненны. Громкие крики, шум радостных голосов, раздававшихся из-за поворота ущелья, заставили его резко встрепенуться и сообразить, что люди движутся именно сюда, к речке. И не просто люди, а передовой отряд моджахедов выходит на рубежи собственной границы. При виде голубой ленты воды их радости не было предела. Вновь застрочили автоматы, оживлённо затараторил их главный начальник.

Павел приподнялся, медленно начал отступать к речке, ловко прячась за спасительные серые камни. Где перебежками, где ползком от камня к камню, сначала по колено, а потом и по шею он осторожно спрятался в спасительную воду. В вечерних сумерках его русая голова

почти не отличалась от облизанных волнами обычных камней, поэтому с наскока его моджахеды не заметили. Выйдя на чистую воду, Павлу ничего не оставалось, как набрать полную грудь воздуха и нырнуть, затем, как поплавок, выскочить из воды, хватануть ртом воздуха и снова уйти под воду. И так несколько раз, пока хватило сил. Тихо всплыл, лёг на спину, отдышался и, плавно работая руками и ногами, стараясь не булькать поплыл на спине. Его сильно сносило вниз, но он не обращал внимания, стараясь как можно скорее выплыть из сектора вероятного обзора, а значит и обстрела противника. Но и моджахеды не стояли на месте. Друг за другом они подбегали к реке, бросали на берег оружие, споласкивали лицо и пили, пили воду. Родную воду. Счастливо вскидывали руки в небо, читали молитвы, блаженно улыбались, изредка со злобой посматривая на противоположный берег.

Кто-то всё же заметил предмет, плывший перпендикулярно течению. Затараторили, заспорили на своём языке. Его приняли за собаку или за другое животное, которое, напуганное людьми, спрыгнуло с берега. Дали очередь из автомата и близкие всплески пуль испугали Павла. Он сделал ошибку, забултыхал руками и ногами, стараясь скорее достичь спасительного берега, чем и выдал себя. Послышались требовательные крики остановиться и плыть обратно. Команды можно было понять и без знания языка. Сообразив, что пловец и не думает выполнять их указания, моджахеды начали стрелять из всех видов оружия, стараясь свинцовым дождём перекрыть чужаку движение вперёд. Начался поединок, смертельная схватка, в которой трудно предугадать победителя. Для одних проигрыш поединка это лишь сиюминутная досада, для других — смерть товарища.

Этого не могли допустить погранцы, внимательно наблюдавшие из укрытия за действиями хулигана.

Первый раз в жизни Павел ощутил всеми клеточками и жилками своего тела, что означает литературное понятие “животный страх”. Его мозг ясно переваривал внешнюю информацию, поступающую через уши, давал команды, но вдруг произошёл сбой, секундная паника — и всё полетело в тар-тарары. Он вдруг осознал, как беззащитно, беспомощно и одиноко его тело в булькающей от разрывов пуль водной стихии. Заторопился, забултыхал руками и ногами, задрожал от одной только мысли, что не сумеет доплыть до родного берега. Вероятно, в такие стрессовые ситуации и минуты юноши становятся мужчинами, солдаты — настоящими бойцами. Не упустить миг, ситуацию, принять правильное решение, которое приведёт к победе, суждено не каждому. Всё решают секунды, в данной ситуации судьбоносные. Кто есть кто и угодна ли жизнь твоя Богу: познается в критическую минуту и человек сам делает выбор.

Павел по равномерному бульканью фонтанчиков впереди себя понял, что ему преграждают путь вперёд и заставляют плыть обратно. Он вновь глубоко, полной грудью, вобрал в себя воздух и, помахав над головой обеими руками, как утопленник, скрылся под водой. Резко развернулся по течению и энергично поплыл вниз по руслу реки, пытаясь обмануть духов. Плыл долго, захлёбываясь, корчась от страшного желания вдохнуть воздуха. Лишь когда кровь ударила в виски и совершенно ослабло тело, последним усилием воли заставил себя всплыть. Через пять секунд он снова скрылся под водой, развернулся в сторону родного берега. Ещё раз десять он повторил приём, став совершенно

безразличным к тому, что происходило на чужом берегу.

Его, барахтающегося на отмели, подхватил Виктор. Павел продолжал извиваться телом, двигать руками и ногами. Он продолжал плыть. Наконец-то разглядел тревожную, налитую кровью физиономию друга, услышал его речь, которая состояла из одной милой и родной русской ругани. Сознание прояснилось, и он обессилено повис на руках друга.

А в это время с десяток погранцов, надёжно спрятавшись за камнями, ударами из автоматов по вражеской территории, отвлекали внимание моджахедов на себя. Гулко выстрелила батарея дальнобойных орудий, пыхнуло десятком стволов реактивное орудие залпового огня. Противоположный берег засверкал яркими вспышками разрывов. Пышные кудри дымков поднялись вверх, скучковались и тёмным столбиком поползли в горы. Сегодня вечером война продолжалась уже в приграничной зоне двух государств. А может быть, начиналась новая? Совсем другая, которая в конце концов разрушит этот мир, пожрёт всё живое на свете и приведёт человечество к печальному концу. Как знать?

Рядом суетился Витёк, бубнил под нос:

— Вот дурачок, так дурачок сибирский. Думал, шуткуешь насчёт войны, а ты на тот берег. Какой шум поднялся, нагорит нам от начальника заставы. Упрямец твердолобый. Настоял на своём, за границей, в Афгане побывал. Теперь я тебе корочки участника войны выдам, по заднице дубовой. Всё же нашенских ты кровей, Павлуха-евлуха, рисковый парень, погранцы похвалили. Но ты нос не задирай. Толкай пальцы в рот — нахлебался водицы. Сейчас спиртика примешь. Внутрь и наружу. Приведём вмиг в чувство.

Он положил Павла на бетонное перекрытие,

надёжно спрятав от шальных пуль моджахедов. После залпа артиллерии стрельба прекратилась, как будто ничего и не случилось по оба берега реки. Он лежал на спине и блаженно улыбался, как бы заново родился на свет. Позже ему часто будут вспоминаться тяжёлые волны, пузырящиеся в воде дырки от пуль, гортанные крики моджахедов, и буря нахлынувших радостных чувств спасения. А сейчас, глотнув спирта, Павел мысленно разговаривал с молодым понравившимся ему генералом. Стоя вдвоём на мосту, горячо объяснял ему цель своего поступка, рассказывая, как тяжело было плыть.

Командующий, отечески потрепал его по сырой шевелюре волос и сказал:

—Нашенский ты человек, русских кровей. Мы ещё постоим за матушку Русь!

Павел радостно кивал головой, сжимая ладонями кружку со спиртом, по детски улыбался. Он поперхнулся, но проглотил повторную дозу горючей смеси, вспомнил свою “войну”, закрыл глаза и провалился в сон. И отпустила сердце тоска и, засыпая, точно знал, что именно он сегодня последним вернулся на Родину вместе с генералом перешедшим мост через горную реку.

РЯДОВОЙ РЕКС

Посвящается Герою России
Александру Бузину

Рекс был умница. Когда его мама—средних лет овчарка по имени Роза ласково и нежно облизала четверку родившихся щенков, один из них неожиданно тявкнул. В дощатую, просторную конуру заглянула физиономия человека. Мама Роза навострила уши, бочком прикрыла свой приплод и на всякий случай незлобно рыкнула. Поворчала и позволила молодому белобрысому собаководу взять шевелящийся комочек в руки. Осторожно раздвинув хлипкие лапки щенка, он удовлетворенно хмыкнул и с удовольствием чмокнул губами его в теплый носик. Роза зарычала, слабо повизгивая, требуя свое чадо обратно. Потрепав свободной рукой по взъерошенному загривку мамаши, собаковод подсунул щенка ей под бок, улыбнувшись, сказал:

— С норовом у тебя сынок, Роза. Хорошим воякой будет. Назовем Рексом.

Там, в питомнике, и вырос Рекс в мощного черно-серого красавца. Что он был умница, спору не было. Он быстро научился выполнять команды: стоять,

лежать, ползти, бежать, прыгать, барьер и прочей собачьей премудрости. Долго фыркал и чихал, привыкая к запаху взрывчатых веществ. Дико вращал налитыми кровью глазами, воротил морду, кусался и визжал, оставаясь голодным на ночь. Его величество чувство голода и лакомый кусок сахара сделали свое дело. В конце концов, наплевав на мертвячий, прелый запах тола, Рекс все же вынюхал эту нечисть, закопанную в землю и, радостно повизгивая, сделал стойку. Его одобрительно погладили по голове и тут же вручили пайку сладкой подачки, которую щенок мигом схрумкал. Что-что, а сахар он любил. Особенно хрустящие на зубах леденцы. Дальше все пошло как по маслу. Только успевай вынюхивай и получай честно отработанный лакомый кусочек.

Умные, как известно, всегда впереди. В жизни, бою и смерти. Полгода напряженной подготовки и готов рядовой Рекс к службе в армии. Не догадываясь, что его навсегда увозят от мамы Розы и родного питомника, он добровольно прыгнул в дверной проем самолета, обнюхал дальний угол и примостился на мягком сером рюкзаке. Полеживал и спокойно глазел на молодых солдат, грузящихся в самолет, ожидал появления широкоскулой физиономии своего хозяина. Какой-то тип по кличке Шурик неосторожно прикрепил к ошейнику собаки карабин поводка и со вздохом проговорил:

— Повязаны мы одной веревочкой, дружище, вместе воевать будем. Теперь я твой хозяин. Сиди смирно, не дергайся на взлете.

Рекс страшно испугался, когда загрохотали двигатели самолета. Дернулся к двери, но был остановлен рывком поводка и командным криком Шурика “Лежать!” Он был дисциплинированным псом и поэтому незамедлительно лег брюхом на пол.

Лишь самолет взмыл в небо, что-то оборвалось в его животе, защекотало в ушах, закапало из носа. Бежать и

спрятаться было некуда. И мама Роза куда-то запропастилась. Одни незнакомые лица солдат — равнодушные и сонные. Только Шурик гладил его по голове, поглядывая с жалостью и тревогой. Постанывая и повизгивая, Рекс уткнулся мордой в его ноги. Замер, зажмурил глаза, опустил уши, доверив свою собачью жизнь этому человеку. Так он обрел нового и последнего хозяина в жизни.

Наконец-то прекратился грохот двигателей и самолет замер на стоянке Александр подтолкнув под зад, спустил собаку с поводка. Под оглушительный смех десантуры, ловко юркнув между солдат, пес пулей вылетел из грузовой кабины, прыгнув, минуя трап, прямо на бетон Кабульского аэродрома. Отбежал в сторону, пару раз чихнул, поднял ногу и презрительно помочился на вновь обетованную землю. Десантура вновь заржала, и Владик, друг Шурика давясь смехом, крикнул:

— Ну и псина, ну и Рекс! Себе уж памятник воздвиг нерукотворный, раньше нас... Молодчина! Так держать! Будете знать русских кобелей афганские сучки.

Рекс покрутился среди выгружающихся солдат, отыскал Шурика и вильнул перед ним хвостом. Тот благодарно прижал пса к груди и прошептал ему в ухо:

— Вместе воевать будем, вместе. И верно, умный ты песик, мой Рексик.

К вечеру без принуждения собака добровольно впрыгнула в кабину вертушки и полетела с Александром к месту назначения. Выходит, Рекс, как и его хозяин, пусть по своей псинной глупости, но добровольцем отправился исполнять свой собачий интернациональный долг к черту на кулички. Он стал бравым воякой. Только штабисты знают, сколько боевых зарядов обезвредила собака, а сколько солдатских жизней

спас умный пес— не подсчитает никакая статистика.

Шла операция в горной долине, окруженной высокими пиками тысячелетних гор. В вышине парило солнце и некуда было спрятаться от проклятой жары. Ни кустика, ни деревца, сплошные горячие камни и валуны, да песок, хрустящий на зубах. Усталость в лапах, усталость в глазах, усталость в голове.

— Рекс, вперед, — прохрипел, облизывая ссохшиеся от жары губы, Шурик, лениво поправляя на спине ремень автомата и стирая со лба пот.

Пес неторопливо вышел из-за БТРа на дорогу, взглянул на своего хозяина, который, приспустив поводок ошейника, подбодрил его слабой улыбкой, привычно уткнулся горячим носом в землю и засеменил по выбитому взрывами грунту. Следом двинулся БТР, на броне которого, держа автомат в руках и свесив ноги, сидел голый по пояс Владик. Позади танк и длинная вереница автомашин. Внизу, в глубоком ущелье, дымились остатки подорвавшейся БМП. В небе урчал вертолет, увозивший убитых и раненых после подрыва солдат.

То ли опротивели четвероногому саперу леденцы, которыми с утра пичкал Шурик, то ли устал и был рассеян, вспоминая вчерашний роман с косматой сучкой Лорой, или заряд был особенный, закопанный на большую глубину — Рекс прошляпил, прошел мимо, не принял положенной стойки. А хозяин, уверенный в своем поводыре, оглянулся назад, махнул рукой: «Все, мол, нормально». Неторопливо отстегнул с пояса фляжку с водой, запрокинул голову, отпил пару глотков, прополоскал рот, выплюнул теплую жидкость и, не закручивая колпачка, сделал роковой шаг. Земля вздыбилась под его ногами, словно из ада, из преисподней вырвался страшный черт, не пожелавший жариться на сковороде. Сильный взрыв сотряс разряженный воздух, и

десятки мелких чертей огненным смерчем разлетелись в разные стороны, достав своими смертоносными щупальцами и беднягу Рекса. Где-то сверху застрочил пулемет, ударили автоматы, кувыркаясь, поскакали на дорогу заросшие мхом камни.

— Засада! — заорал Владик, скатываясь с брони БТРа и прячась за огромный валун на краю обрыва. Гулко бухнули пушки брони. Завязался короткий, яростный бой. Под прикрытием плотного огня танков раненый в голову Вадик и еще двое десантников осторожно выволокли повизгивающего Рекса из зоны обстрела. Друг Александра, размазывая по лицу слезы, плакал, непрерывно повторяя:

— Одна фляжка, только фляжка, фляжка, фляжка...

Он вдруг вздрогнул всем телом, перестал всхлипывать, сощурил глаза, плавным движением правой руки заменил патронный рожок, передернул затвор автомата и резко повернулся в сторону полумертвой собаки. С каким-то ожесточением, ненавистью, выдавил:

— Ты, псина, виноват, ты... Нюхало хренов.

В последний момент Рекс на минуту пришел в себя. Сквозь кровавый туман, застилавший глаза, увидел наведенный на него ствол автомата в руках друга своего хозяина, его колючий, помертвевший взгляд. Они долго смотрели друг другу в глаза. Человек и собака. Два воина, два бойца.

Рекс не просил милости. Да, он виноват в случившемся и должен понести наказание. Стреляй, Владик, и будешь прав. Рекс умница, он все понимает. Все, все... Что прочитал в глазах собаки Владик, останется тайной. Он неожиданно вновь всхлипнул, по-мальчишески шмыгнул носом, положил автомат под ноги, присел на корточки, долго гладил понурую голову собаки. Встрепенулся и, повернувшись к БТРу, крикнул:

— Серега! Тащи бинт. Может, выживет, — он

осторожно перевязывал собаку и его губы непрерывно бубнили: —Прости, Рексик, прости, если сможешь. Ничего, будешь жить, еще повоюем, отомстим гадам заШурика.

По команде радиста взлетевшие несколько минут назад вертушки приземлились на площадку. Перевязанную вдоль и поперек, тоскливо смотревшую слезящимися глазами вдаль собаку несли на носилках четверо десантников. Позади, еле передвигая ногами, плелся обрызганный собственной и собачьей кровью Владик, матерясь и приговаривая:

— Повоюем еще, Рекс, повоюем, мать духов за ноги. В вертолете он бредил, рвал на голове бинты, искал автомат и все порывался бежать на выручку друга. Его держали за руки, пока не упал плашмя, потеряв сознание. Они даже не попрощались. Владика отправили в госпиталь в Союз. Больше в часть он не вернулся.

Собака выжила и через месяц впервые, зажмурившись, взглянула на солнце. Через три месяца Рекс превратился в отличного сторожевика, стал грозой местных низкорослых кобелей и любимцем неприхотливых сучек. Но где бы ни находился пес, услышав шум вертолетных двигателей, летел на площадку для посадки и замирал вблизи в тревожном, возбужденном ожидании. Из вертолета выходили десантники, весело окрикивая собаку. Рекс благодарно прижимал уши, вытягивал шею, но не двигался с места. Он искал среди молодых парней долгожданного хозяина, своего Шурика. Не дождавшись, тяжело вздыхал, понуро опускал хвост и осторожно впрыгивал в пустую грузовую кабину. Усердно обнюхивал все углы, выискивая запах хозяина и, не найдя, ложился на броневую обшивку днища вертолета. Лежал, положив голову на передние лапы, уставившись в одну точку. Часами ждал, сам не зная

кого, вспоминал и думал о чем-то. Лишь летчики включали двигатели, Рекс впадал в панику, и никакие силы не могли удержать его в вертолете. Как-то попытались и поплатились за это. Пес вихрем скакал по грузовой кабине, кусал всех, кто подвернется под клыки. Борттехник, услышав шум, в недоумении открыл дверь пилотской кабины и был ошарашен прыжком собаки через голову. Правый летчик в страхе от разгневанного взгляда и рычания Рекса механически схватился за ручку сдвижного блистера и открыл его. Собака, почувствовав струю свежего воздуха, не раздумывая, нырнула в дверной проем и с высоты нескольких метров рухнула на землю. Благо, вертолет был в режиме висения. Все обошлось легкими ушибами. Но больше никто и никогда не шутил с собакой.

Рекс же страшно боялся опять лететь на войну. Встретиться с тем приторным запахом в земле, после которого что-то вздыбилось под ногами хозяина и обрушилось на собаку градом укусов и жгучей, режущей болью живота.

Прошло время. Войска уходили на север. По дороге пылили БМП, танки и БТРы. На броне сидели знакомые солдаты, кричали, звали к себе Рекса. Но нигде не было хозяина и друга его Владика. Он долго бежал следом, иногда обгонял колонну, застывая на месте, внимательно вглядывался в веселые лица десантуры. Весь запыленный, наконец, отстал и, опустив хвост, рысцой вернулся в пустой лагерь. Завыл, залаял от непривычной тишины и одиночества. Напрасно тарахтела последняя вертушка, и летчики усердно пытались отловить упрямую собаку. Рекс дал стрекача и спрятался в укромной дыре, выдолбленной в скале. Он удовлетворенно вздохнул, когда хорошо знакомый летчик, обреченно махнув рукой, сел в пилотское кресло. Вертолеты сделали прощальный круг над площадкой и

улетели догонять автоколонну. Долго и тревожно наблюдал Рекс за последней вертушкой. Словно понимал, что остался совсем один. Он вышел из-за скалы, огляделся. Кругом было пустынно и мусорно. Ни людей, ни палаток, несколько пустых строений с выбитыми стеклами да железные решетки вертолетной площадки. Не было и его жилища, где стояла койка хозяина, под которой на подстилке всегда спала собака.

Но рядовой Рекс четко знал свои обязанности. И еще двое суток его грозный лай отгонял от брошенного военного городка случайных прохожих и любопытных гостей. До последнего он надежно нес службу. А потом пришло много людей в чужой одежде с оружием в руках, радостно палящих в воздух. И это были лютые враги, стрелявшие во Владика и Шурика, разлучившие Рекса с ними. Этих людей он знал, он их помнил, он их ненавидел. Весь день собака притаившись пролежала за скалой. Ночью загрызла первого, зашедшего за скалу, тем самым рассекретив свое убежище. Поутру встревоженные люди с ужасом обнаружили товарища с разорванной глоткой и изуродованным лицом. О чем-то с жаром поспорили и по команде чернявого властного командира окружили скалу.

Рекс спрятался в пещере, притаился, готовый к прыжку. Обнаружили его сразу. Постреляли из автоматов, поспорили на непонятном языке, смолкли. Наспех сколотили лестницу и приставили к отверстию. По лестнице поднялся заросший бородой человек, отстегнул от пояса гранату, выдернул чеку и метнул ее в отверстие пещеры. Раздался глухой взрыв. Беспрерывно строча из автомата, неуклюже, как-то боком он свалился внутрь пещеры. Послышался протяжный вой, злобное, звериное рычание, пронзительный жалобный человеческий крик. Минутная жуткая тишина. И бешеная, беспорядочная пальба из всех видов оружия. Кто-то

сообразил принести дымовые шашки. Собаку решили выкурить из пещеры. Снова по лестнице поднялся человек и одну за другой стал метать «дымовухи»в отверстие.

Постепенно пещеру заполнил едкий тошнотворный запах, напомнивший Рексу проклятый запах тола. Он пару раз чихнул, уткнувшись носом в лапы. Почувствовал, как побежали из глаз слезы, защекотало глотку, учащенно забилось сердце, от нехватки кислорода сдавило легкие. Отчетливо понял, что надо выбираться отсюда на волю и солнце.

Его ждали десятки жестких глаз и стволы автоматов. Морда собаки вынырнула из дымовой завесы. Рекс прыгнул, зацепив лапами человека на лестнице. Одновременно они упали на землю. Собака успела схватить врага за горло и мертвой хваткой стиснуть зубы. Кто-то с испугу в упор застрочил в вертящийся на песке клубок с яростно рычащим Рексом и хрипящим, еще живым товарищем. Чернявый что-то крикнул, схватил стрелявшего за руки, размахнулся и ударил по лицу. Быстро повернулся, выхватил из кобуры пистолет и хладнокровно добил собаку.

Пес и его жертва умерли мгновенно, от пуль, беспорядочно выпущенных из автомата. Последнее, что промелькнуло в угасающей памяти Рекса, это ласковые руки, добрая улыбка и ждущие глаза Шурика. Он удовлетворенно глубоко вдохнул чистый утренний воздух, обвел помутившимся, ненавидящим взглядом напряженные лица врагов, дернулся и умер.

Еще целые сутки на побуревшем от крови песке валялась мертвая собака. А рядом, на камне, сидел часовой с автоматом на коленях. Приходили люди, с отвращением и страхом рассматривали пса, плевали на его тело. На второй день на солнцепеке Рекс стал разлагаться и повонивать мертвячиной.

Совершенно случайно, именно на том месте, где

стояла палатка хозяина Рекса, вырыли яму и, брезгливо морщась, шестами столкнули собаку на дно. Быстро засыпали яму песком, утоптали ногами, положив сверху могилы огромный камень. Они как будто боялись, что злой дух пса вырвется из могилы наружу и будет мешать жить людям.

ТРИШКИН СЫН

Иван Ильин, сын Кузьмы, по натуре своей был трус. Об этом знала вся деревня. В детстве он страшно боялся

соседских гусей, рогатой коровы и всех деревенских кобелей. Бывало мать, завидев его зарёванную рожицу, всплеснет руками и горько скажет:

— И в кого ты такой непутёвый родился, своей тени боишься. Ни в отца, ни в деда, в Трифона-соседа. Господи, спаси и помилуй. Не грешила, не гуляла, а благодаря сыночку в блудницы попала.

Дядя Трифон, по кличке Тришка-дурачок, жил с бабкой Дарьей по соседству в старой покосившейся и почерневшей от времени избёнке. В детстве его лягнула необъезженная лошадь. Сильно, прямо в голову. Всей живности бедняга стал бояться, особенно парнокопытных. Кому не лень пугали доверчивого дурачка всякой всячиной. Напуганный паренёк, обливаясь слезами, опрометью нёсся к Маньке-защитнице и жалился девочке.

Добрая будущая мать Вани не давала в обиду своего друга, защищала по-своему, ласкою и терпением. Оба выросли. Маня вышла замуж, родила сына, а Трифон так

и остался большим ребёнком. Вечно торчал на соседском подворье. Великий балагур, седой, как лунь, дедушка Андрей, томившийся от стариковского безделья, скуки ради, в кругу многочисленных почитателей глубокомысленно изрёк;

— Манятка Ванятку с соседом нагуляла. Трусливый — раз, доверчивый — два, русоволосый — три, синеглазый — четыре. Есть и пятый факт. Льнёт мальчишка к дурачку, тяга крови. Вижу, Трифонова порода. Все повадки его. Тришкин сын.

Сказал, как подписал приговор, который обжалованью не подлежит. Сам благополучно по осени помер, оставив в наследство сельчанам кучу прозвищ и весёлых историй. Стали с тех пор звать Ванятку Тришкой. Мать и сама привыкла, путалась, кричала:

— Тришка, принеси то, подай это, не лезь, не пакости, не дури".

И он привык. Отзывался на новое имя. Кузьма, отец Ваньки, добродушный, мелковатого роста, но отчаянный по молодости драчун, посмеивался в усы, иногда одергивал мать, шутил;

— Маня, опять парня Тришкой называешь. Может, и правда в детстве плотно с Трифоном гуляла? Прав дед Андрей был? Родила Трифона номер два.

Мать искренне обижалась, хватала половую тряпку и замахивалась на отца;

—И ты меня травить? Вот уж этот дед, на всю жизнь ославил, осрамил. Побойся Бога, Кузьма. Я труса выродила, а кто ковал его, кузнецом был? Говоришь, Трифон номер два. Всё, ухожу к Трифону номер один, вместе горемычить будем. В усмерть затравили. И меня и его.

Отец подымал руки, сдавался;

— Всё, Манятка, всё. Признаюсь, я Ваняткин кузнец. Мал ростом, в меня парень. То, что русоволосый, доверчивый, синеглазый — так вся Россея такая. Пусть с Трифоном дружит, добрее душой будет. И не трус он вовсе. Придёт его время. Малявки — они задиристые, упрямые. Не плачь, говорю, будет тебе. Давай, милая, сядем рядком, потолкуем ладком. Вытри слезы-то, не горюй, всё образуется.

Дружно, в любви и достатке жили Ванины родители. Обычно после мелкой ссоры садились на скамейку возле огромной русской печи и под треск горящих берёзовых поленьев мирно говорили о житье-бытье, мечтали о будущем.

А будущего-то у них и не было. Видимо, и вправду им на роду была написана злая судьбинушка.

Поздним летом арестовали отца. Приехали на подводах из города разбитные и наглые люди с наганами на боку, в синих фуражках с малиновым околышем. Пили самогон три дня. Ходили по дворам, искали зерно задирались, ссорились с угрюмыми деревенскими мужиками. Который за старшего, мордастый, с опухшей рожей, дородный детина, облапил в сенях красавицу, Ваняткину мать, заржал, обращаясь к пьяным собутыльникам:

— Нет зерна, возьмём компенсацию. Вона как у бабы груди набухли, надави и брызнет. Отъелась тут, на дармовых харчах. Посмотрим, что есть под юбкой, хороша холера, раздвигай ноги.

Мать покраснела, позвала отца, захныкал в страхе маленький Ванятка. Низкорослый Кузьма пронырнул между рук плотоядно гогочущей толпы и испытанным бойцовским ударом свалил мордастого с ног. На него

навалились гуртом, выволокли во двор, связали руки и ноги верёвкой. Старший вытер рукавом кровяную соплю из носа и стал размеренно бить на глазах мальчишки лежащего отца приговаривая:

— В порошок сотру, кишка деревенская. На кого руку поднял, бандит?

Побоявшись насупленных мужиков, выставив перед собой наганы, ватага быстро погрузилась на подводы и укатила восвояси. Чуть живого увезли с собой и отца Ванятки. За сопротивление властям и злостное укрывательство зерна Кузьма был признан врагом народа и расстрелян.

С тех пор до коликов в животе сковывал мальчика испуг. При виде синих фуражек, он стремглав убегал к верному товарищу Трифону-дурачку, пугая бедолагу до полусмерти. До отъезда, повадившихся в деревню страшных людей, они прятались в крапиве, зарывались в траву, убегали в лес. Один трусливый, другой убогий, обнявшись, как два брата, могли часами дрожать в животном страхе, совсем потеряв голову. Пуще гусей стал бояться Ванятка синих фуражек с малиновым околышем. А страх у труса сила страшная. Живёт потаенно в душе и вдруг неожиданно выплеснется наружу. Да так, как обстановка подскажет. На славу или на позор. Мать не вынесла беды, ночью, в хлеву, наложила на себя руки. Один остался Ванятка.

Бабка Дарья, мудро рассудив, что вдвоём горемыки легче проживут, забрала сиротинушку к себе. Накаркал когда-то дед Андрей, и вправду Ваня стал Тришкиным сыном. Дурачок в приёмыше души не чаял. И мальчишка отвечал взаимностью, называл его “татой”.

В сорок втором, в разгар войны, в канун летнего

отступления, стукнуло Ивану Ильину восемнадцать лет и пошёл он воевать с немцами. По ошибке призвали и Трифона-дурачка. Тогда всякое случалось. Под Харьковом дело было, куда срочно привезли новобранцев и, необученных, сходу кинули в бой. Один день воевал Иван, один раз в атаку ходил и Героя Советского Союза получил. За смелость, за отвагу, за находчивость Тришкин сын был удостоен высокого звания.

Тогда вновь наступал немец. И надо было остановить фрицев любым способом. Обритых наголо новобранцев разбили по взводам и ротам. Молодцеватый, в выгоревшей на солнце гимнастёрке, опытный старшина снисходительно посмотрел на низкорослого, неказистого бойца, спросил;

— Откуда, земляк, и что умеешь делать?

— Иван, а это был он, честно признался:

— Из деревни мы. Могу лапти плести, сено грести... Дурак, — сделал вывод старшина, морщась, как от зубной боли, тоскливо осматривая разношёрстную толпу призывников. Один пятидесятилетний Трифон выглядел солидно и уверенно. Около него старшина остановился:

— Стрелять умеешь? Думаю, приходилось, по возрасту положено. Что молчишь? Получишь винтовку, понял?

Трифон весело закивал головой, с детским интересом разглядывая сверкающую медаль на груди старшины, промямлил вечное своё "Ага". Оставшись довольным этим пожилым бойцом, старшина решил толкнуть речь:

— Гитлер наступает, будь он неладен. Завтра пойдём в наступление и мы, брать высоту. Скажу вам, что наши дела хреновые. Мы в котле, нет патронов, нет снарядов. Получите штыковые винтовки, одну на пятерых. Остальные вооружатся сапёрными лопатками. Самые дубовые и мелюзга, как этот, глазами он показал в сторону

Ивана, — получат в руки по гранате. Одна штука на отделение. Гранаты я приготовлю к бою, останется только добежать до высоты и кинуть её в рыло амбразуры. Амбразура — это большая дырка, откуда строчит пулемёт. Задача ясна? Подохнуть, но взять высоту. Предупреждаю, позади нас будет поставлен заградотряд, ребята из НКВД. После сигнала атаки они проверят окоп на наличие подлых тварей. Пощады не ждите. Паникёры и трусы будут расстреляны на месте. Перед атакой всем выпить спирта — этого добра у нас навалом. Пить так, чтобы ноги стояли. По себе знаю, пьяному и море по колено. Не осрамите, земляки. Костьми лечь, но высоту взять. Вот и весь мой сказ.

К вечеру набежали синие тучи, заморосил дождь, ленивый и нудный, превращая болотистую местность в непроходимую топь. Ночью прибыл одетый с иголочки, в плащ-накидках, и вооружённый до зубов заградотряд. Залегли, спрятались в берёзовой роще, позади зигзагообразного окопа, набитого, как бочка селёдкой мокрыми и замёрзшими новобранцами. В полночь подвезли бочку спирта и разлили по фляжкам. Ждать начала атаки стало веселей.

В сопровождении взвода автоматчиков на соседнюю возвышенность, где находился командный пункт, прибыла группа офицеров. Старший из них, высокий и седой генерал, оглядел собравшихся, развернул помятую карту:

— Вот она, эта высота. Отсюда пойдём на прорыв. На рассвете начнём атаку. Знаю, нет оружия, боеприпасов, солдаты не обучены. Но время не ждёт. Не займём высоту, нам крышка. Окружение, котёл, плен, позор, гибель. Атакуем двумя волнами. В резерве только заградотряд. Положим и его, будет третья, последняя атака, которую

возглавлю я сам. Всё понятно? Можете идти.

Генерал долго сидел в одиночестве за столом, думал, смоля папиросы. Вспомнив о пополнении, которое через несколько часов должно будет полностью погибнуть по его, генерала, приказу, он застонал от бессилия, перекрестился, тихо, для себя, пробормотал;

— Ох, грехи тяжкие, бремя великое. Виданное ли дело безоружными на пулемёты идти? Боже, помилуй и сохрани сынков. Беда-то какая, беда над матушкой страной. Виноват, двадцать лет тебя не вспоминал, а сейчас умоляю, прошу. Прости и помоги, Господи, спаси страну и ребятишек, идущих в бой.

Перед рассветом вызвал командира заградотряда, приказал;

— Ты наступаешь,сидя на загривке атакующих. Не раньше, не позже. Закрепиться на высоте и удерживать горку до последнего. Я сам буду наблюдать. К обеду через коридор потянутся наши войска. Продержишься, многих спасешь. И последнее. Пусть твои орлы не зверствуют в окопах. Приказ есть приказ, но надо и понимать. Необстрелянные, молодые, безоружные хлопцы. Их вины тут нет. Война не завтра кончится. Живы останутся, наверстают, Можете сами очутиться в их шкуре на этой высоте. Понял, о чем говорю? Ступай с Богом.

Пятьсот новобранцев и с полсотни опытных бойцов рассредоточились в окопах и ждали сигнала атаки. Ни блиндажей, ни укрытий, в грязных, простреляннных шинелях, снятых с убитых, по-собачьи мёрзли и пили спирт.

Всю ночь Иван дрожал от холода, завидуя веселью Трифона,

Пристрастившийся в колхозе к хмельному, дурачок

частенько прикладывался к горлышку фляжки по своему мурлыкал пока окончательно не закосел. Облапил, согревая, своими ручищами Ивана, захрапел богатырским сном. Пинком ноги их разбудил вездесущий старшина;

— Подъём, бери, — протянул зевающему Ивану гранату, пояснил, — перед дзотом вот эту чеку дернешь, и сразу кидай. Раньше ни-ни... Своих взорвёшь. Понял, деревня?

"Деревня" простуженно шмыгнул носом, покорно кивнул, осторожно взял зловещую, холодную гранату и по-хозяйски засунул в мешок. Старшина взорвался от негодования:

— Олух. Мать честная, и откуда такой взялся? Ты мешок в амбразуру кидать будешь? В руке гранату держи, и береги, как зеницу ока. Потеряешь, — по всей строгости военного времени отвечать будешь. Сейчас она дороже твоей жизни, сопляк. А это кто разлёгся? Одпосельчанин твой? Говоришь, Трифон зовут, ? Вставай, вояка. Во взводе ты самый серьёзный и шустрый мужик. Держи, водрузишь флаг на высоте, на самой вершине. Понял?

Дурачок услужливо закивал головой, захихикал, прижав флаг на груди, доверчиво протянул фляжку старшине. Тот отхлебнул пару глотков, дружески хлопнул дурачка по плечу:

— Напился, молчун, пьян в драбадан, а на ногах держишься. Так-то веселее погибать. Люблю бесшабашных. Уж ты этот флаг воткнёшь, Гитлеру в задницу.

Он прыснул смехом в кулак, довольный своей шуткой, превратившись в шаловливого, двадцатилетнего мальчишку, каким и был на самом деле. Широко заулыбался и Иван, представив, как Трифон загоняет древко флага немцу в жопу. Тыкая Ивана в бок, надрывался

от счастливого смеха и Тришка. Уж больно нравился ему начальник. Вспомнив о своём солидном чине, старшина миролюбиво проворчал:

— Будет вам ржать, пупки лопнут. Скоро рассвет. Надеюсь на вас. Пойду других инструктировать.

Трудяга любой войны, младший командир за всё в ответе. Старшина, воевавший с первого дня войны, только по одному Богу известной причине не погибший и не попавший в плен, всю ночь мотался по окопам. Учил новобранцев как колоть, стрелять, кидать, бежать, объяснял, во имя чего надо умирать. В одном лице командир и замполит преподал за ночь то, чему можно научиться только сидя в окопах, перед самой смертью. И эти уроки несравнимы с месяцами учёбы в тылу. За час, за минуты рождалась и крепла *в* сердцах новобранцев славная суворовская наука побеждать.

Разомлевшие и повеселевшие от спиртовых градусов, бойцы к утру зазубрили простую истину первого года войны.

На войне необходимо победить или умереть. А если умереть, то всё равно победить. Победа — это шанс на жизнь. Проигрыш - смерть. Смерть от чужих и от своих. Клеймёная и постыдная.

Ливший всю ночь проливной дождь, к утру превратился в нудную, слякотную изморось. Как назло тумана не было, и скрыть от врага начало атаки не удалось. По хриплой команде “Вперёд!”, которую шёпотом выдохнули глотки старослужащих солдат, новобранцы дружно полезли наверх из залитых водой, опостылевших окопов. Неровной цепочкой, увязая в болотном иле по колено, выбрались на твёрдое травяное поле перед высотой. Тут и заметили их немцы. Взорвав напряжённую тишину, вспугнув стаю

диких уток, бесприцельно ударил пулемёт. Старшина выматерился, полоснул очередь из автомата и не оглядываясь, с громким криков "За Родину, за Сталина!" побежал впереди всех. Торопливо зачавкали сапоги сзади, заурчали, замычали, заакали сотни глоток, слившись в одном громком и страшном вое. Дружно затукали, защебетали немецкие пулемёты и автоматы, выкашивая неровные просеки в рядах наступающих, подрезая, как тонкие ржаные стебли, десятки русских солдат. Не смогли, не успели новобранцы преодолеть свинцовую стенку, повалились в траву и грязь. Застыли, замерли мёртвые и живые на широком поле в сотне метров от высоты, в шаге от победы. Ни угрозы, ни мат разъярённого и раненого в голову старшины, ни предупредительные очереди заградотрядовцев уже не могли поднять людей в повторную атаку. Победный порыв исчез с предсмертным криком погибших, спрятался в глубине души живых. Немецкие пулемёты стали страшней автоматов заградотрядовцев. И казалось уже никакая сила не поднимет бойцов с земли, не приведёт к победе.

Ивану не суждено было в этот раз идти в атаку. Помешал маленький рост и граната в левой руке. Вслед за Трифоном он полез по скользкой стене окопа, схватился свободной рукой за глинистый, высоченный бруствер и почувствовал, что его ноги повисли в воздухе. Верхний пласт утрамбованной сапёрной лопаткой земли неожиданно сорвался, увлекая его обратно в окоп. Он упал на дно, подвернув ногу, охнул от резкой боли, скинул сапог и стал неторопливо массировать место ушиба. Тут ударили немецкие пулемёты и автоматы, вжикнули по брустверу слепые пули, испугав Ивана похлеще деревенских гусей. Он слышал, как в наступательном порыве громко кричали

атакующие,сменяя победные крики дикими воплями. И вновь наступила тишина, нарушавшаяся немцами, которые одиночными выстрелами методично добивали раненых.

Иван огляделся, и только сейчас понял, что остался в окопе совсем один. Сразу вспомнил о синих фуражках и грозном предупреждении старшины. В его памяти воскресла ужасная физиономия мордастого особиста, увёзшего избитого до полусмерти отца. Он ехидно щурился, злорадно посмеивался, грозил пальцем, с издёвкой говоря:

— Сукин сын испугался? Не в отца трусишка пошёл, не в отца. Сейчас я тебя в порошок сотру, кишка деревенская.

И наяву Ивану послышалось приближающееся чавканье сапог, тяжёлое сопение

— Свят, свят, свят, — стал креститься он, с ужасом ожидая встречи с мордастым призраком.

Вместо призрака особиста в окоп юзом сполз такой же молодой боец из заградотряда и сразу заметил Ивана. Удивлённо и растерянно рассматривая лицо ровесника, он медленно поднял автомат и, приняв ему лишь ведомое решение, указал стволом в сторону высоты. Объяснил, выдавив из себя жалостливое “Иди”, он оглянулся назад, всем видом показывая свое нетерпение. Иван вдруг понял, что надо спешить, пока не пришли другие люди в синих фуражках, которые непременно убьют его. Он кивнул головой, посмотрел на гранату в руке и в одном сапоге, чувствуя боль в ступне, торопливо вскарабкался на бруствер. В эту минуту синие фуражки с малиновым околышем, чёрный ствол автомата в руках бойца, были куда страшнее вражеских пулемётов.

Выпрямившись во весь свой маленький рост, опустив руку с гранатой, подсознательно содрогаясь, ожидая

выстрелов сзади и спереди, пошел по полю в сторону высоты. Впервые в жизни он переборол подлое чувство, не стал ныть и не сдался в плен поглощающей волю стихии страха. Сейчас он не трусил, а сожалел, что так глупо подставил себя под пули. Именно в те секунды, когда сделал первый шаг, Иван перестал бояться синих фуражек и забыл про них. Вспомнился умница-старшина, который надеялся на Тришку. Проявилась в памяти добрая улыбка деревенского дурачка Трифона, ставшего вторым отцом. Лица дорогих людей заслонила ненавистная рожа фашиста, нарисованная на плакате, висевшем на станции, похожая, на мордастого особиста. Сейчас его лютые враги были там, за пулемётом на высоте, и снова грозили Ивану.

Час расплаты настал. За старшину, за Трифона, за горечь унижений, детские и взрослые обиды, за всё должен платить фашист. Что-то прорвало его душу, он яростно закричал и решил непременно взять эту проклятую высоту. Расквитаться с врагами и доказать всем и прежде всего самому себе, что он не трус, не был и не будет им никогда.

Немцы не стреляли. Перекидывались короткими фразами, с интересом разглядывая идущего по полю неказистого русского чудика в длиннополой, мешковатой шинели. А когда тот скинул с себя шинель и побежал, размахивая гранатой, дико крича, широкоскулый обер-лейтенант усмехнулся и проговорил:

—Смельчак. В одиночку решил победить нас. Не стрелять. Ефрейтор, возьмите его в плен.

Ефрейтор щёлкнул каблуками, выскочил из дзота и крикнул:

— Не стрелять. Взять живым в плен.

На войне как в жизни многое подвластно случаю. Этот

приказ внёс сумятицу, неразбериху в действия защитников высоты. Каждый понял приказ по-своему. Кто-то решил, что оставшиеся в живых русские будут сдаваться оптом и не открыл огонь на поражение, другие ждали нового приказа об открытии огня. Так или иначе по вине Ивана произошла заминка, сыгравшая решающее значение. Ситуация вышла из-под контроля немцев.

Первым увидел бежавшего Ивана Трифон, который напуганный пулемётными выстрелами, благополучно упал в начале атаки и теперь прятался за кочкарником. Крик Ванятки ошеломил и отрезвил Тришку-дурака, вскинул на ноги, пронзив мозг страстным желанием защитить сына от обидчиков. Схватив древко флага, выставив его как винтовку перед собой, он завыл во всё горло отчаянным, звериным воем, и, побежал вдогонку. Старшина встрепенулся, осмотрелся и увидел бегущих по полю Ивана и Трифона. Заметил ещё несколько бойцов, вставших на ноги. Он набрал полные лёгкие воздуха и громко рявкнув: «За Родину, за Сталина»-, поднял солдат в атаку. Слишком поздно заголосили вражеские пулеметы, пытаясь вновь прижать наступающих к земле. Как учил старшина, Иван ловко, как яблоко в корзину, кинул в амбразуру дзота, где был обер-лейтенант, гранату. Трифон древком флага, как штыком, пырнул в живот оглохшего от взрыва ефрейтора, добив его ударами пудовых кулаков. Вспомнив о приказе старшины, вскарабкался на вершину дзота и воткнул в землю, красное полотнище. Счастливо улыбнулся, поискал глазами своих, надеясь на похвалу. Откуда-то сбоку выскочил рыжий, плюгавенький немец и полоснул очередью из автомата по Трифону. Точно в сердце попала одна из пуль. Он умер мгновенно, красиво, на глазах полюбившегося старшины, грузно осев на

землю, крепко держась за древко флага. Старшина с размаху прикладом проломил череп плюгавого немца, прикончил его ударом трёхгранного штыка, разворотив всю грудную клетку. Успел подумать, что отомстил за понравившегося ему бойца и вновь закрутился в рукопашной схватке. А позади уже подпирала вторая волна наступающих. Заградотряд добивал немцев и занимал высоту. Получилось лучше некуда для высшего командования фронта.

— Молодцы, молодцы, — плакал с биноклем в руках седой генерал, не скрывая слез, вытирая их рукавом кителя.

Сейчас он смотрел только на щуплого, усталого новобранца, который взорвал центральный дзот и теперь, прихрамывая, поднимался на вершину высоты. Генерал видел, как он присел возле убитого бойца, водрузившего флаг, обхватил его голову и поцеловал в губы. Отцепил ладони Трифона от древка полотнища, аккуратно положил тело на спину, сложив руки на груди. Замер, застыл в оцепенении. К нему подошёл такой же безусый, молоденький солдат из загранотрядников, протянул фляжку, присел рядом. Генерал навсегда запомнил лицо паренька, совершившего подвиг. Он глухо сказал, обращаясь к адъютанту:

— Построить оставшихся в живых. Сам благодарить буду.

По широкому полю сновала похоронная команда. Подбирали живых и раненых новобранцев, хоронили мёртвых. И русских, и немцев.

Построить смогли человек двадцать. Оборванных, заляпанных кровью и грязью, тех, кого не тронула пуля, обошла стороной смерть. Седой генерал, окинув взглядом

неровную шеренгу, неожиданно поклонился, громко выдохнул:

— Спасибо, сынки. Вы совершили подвиг. Полковник, всех наградить. Водрузившего флаг к ордену, посмертно. Прошу выйти из строя, кто бежал в атаку последним.

Шеренга солдат стояла не шелохнувшись. Слово "последний" резануло слух, заставив вспомнить вчерашнее предупреждение старшины. Генерал нашел взглядом Ивана и кивнул ему. Тришкин сын поднял глаза, покрывшись липким, трусливым потом. Он страшно испугался этого строгого старика, который хотел наказать последнего, кто поднялся в атаку. Не сумев сдержать слез, Иван еле-еле побрёл навстречу новому испытанию. Его догнал раненый в голову старшина, решительно зашагал рядом. Они остановились перед командирами и старшина выдохнул: "За что?". Генерал понял его, вспомнил ночной разговор с командиром заградотряда и свой вопрос, заканчивающийся страшным для солдат словом. Старый вояка, прошедший первую мировую рядовым, попытался быстрее загладить свою оплошность:

— Сынки, я имел в виду героя, поднявшего батальон в атаку. Слишком много за сутки пришлось испытать Ивану. Люди в синих фуражках с синим околышем, немцы в бетонных укрытиях с пулеметами и этот седой генерал, назвавший его героем. Все перемешалось в голове солдата. Старшина подтолкнул его вперед, облегчённо шепнул:

— Иди, не бойся, не съест.

Генерал обнял Ивана, трёхкратно поцеловал и громко спросил:

— Как имя твоё, солдат?

Почувствовав толчок кулака старшины, Иван очнулся и вдруг понял, что страшное позади и этот большой начальник хочет сделать ему хорошее. Обрадовалось, возликовало его сердце и он степенно, по-деревенски, ответил:

— Тришкой сельчане кличут, а так-то Иван.

Генерал повернулся к полковнику и так, чтобы слышали все, торжественно сказал:

— Запиши. Тришкин Иван. За находчивость, смелость и отвагу при взятии высоты представить к званию Героя Советского Союза. Наградные подготовить немедленно, я подпишу. Живи, солдат, гордись, вспоминай сам и рассказывай внукам. Всех вас, бойцы, ещё раз благодарю.

Война продолжалась ещё три года. Неизвестно, кто выжил из тех, кто стоял тем летним днём на широком поле перед высотой, Вечером немцы пошли в атаку. И снова был жаркий бой. Иван получил тяжёлое осколочное ранение позвоночника и был эвакуирован в тыловой госпиталь. Там и нашла героя награда. Калекой он вернулся в родную деревню. Единственная награда Ивана в этой войне поразила односельчан. Благодаря ей он стал не Ильиным, а Тришкиным Иваном. Так было написано в наградном листе.

С годами всё трудней стало объяснять разницу паспортных и наградных данных. Злые языки строили разные домыслы, обливая грязью святая святых воинской

славы русских солдат. И он уехал из деревни. Поближе к дорогой могилке Тришки-дурочки. Уехал в неизвестном направлении. Навсегда.

КСЮША

И снова, сегодня, её палец застыл на спусковом крючке снайперской винтовки. Глаза с нежностью и надеждой искали в предрассветной дымке, окутавшей развалины вражеских позиций, знакомую фигуру человека. С раннего утра непри-вычно и радостно щемило сердце,

заставляя улыбаться её красивое лицо, перебивая мысли в голове. Появилось жгучее желание отбросить в сторону надоевшую винтовку и ласково обнять руками весь этот коварный, ставший прекрасным, мир. Она неторопливо, сладко потянулась и громко промурлыкала мотив любимой песни, звонко засмеялась, совсем не обращая внимания на охранявшего её Мустафу, неожиданно для себя всплакнула. Всё вокруг и в ней самой было непредсказуемо, великолепно, непривычно и странно.

Весёлый смех, случайные слёзы, робкое ожидание, приятный зуд тела перемешались в чудном хороводе девичьих чувств, воскресивших в безжалостной снайперше женское начало.

Влюбляются по разному. На миг, на всю жизнь. В лицо, тело, душу, по плану, без плана, в пятнадцать и в сорок лет. Природный инстинкт или что-то другое увлекло Ксюшу влюбиться в двенадцать лет в десятиклассника. Потом он уехал в другой город

учиться, а девочка его всегда помнила, ждала, надеясь на чудесную встречу. Так в её памяти до двадцати лет сохранилось доброе, милое очарование первой влюблённости. Полузабытое, полупотерянное увлечение ожило, встрепенулись все клеточки тела, как крыло ласточки при дуновении весеннего ветерка. Девушка вновь влюбилась через прорезь снайперской винтовки в героя детских грёз, своего кумира, воевавшего в рядах противника. Влюбилась по-настоящему, по уши, назло своим и чужим в этой страшной и странной войне.

Ксюша долго ждала и наконец-то нашла своё счастье, свою жертву, которой сохранила жизнь для самой себя. Ей стал противен окружающий мир грязи, хаоса, невзгод, лютых обстрелов артиллерии и авиации, раскрытых мужских глоток, захлёбывающихся в предсмертном крике. Сама война отодвинулась на второй план, ушла в тень, уступив место радужным иллюзиям, не вписывающимся в чёрные краски жестокой справедливости.

Этот счастливый, только ей принадлежавший кошмар длился с субботы. Снайперша по привычке ловила на мушку “федералов”, замирала как волчица перед броском и , не решаясь сделать прыжок, искала другую добычу. Ксюша не стреляла, страшно боясь спугнуть ту лирическую тишину, установившуюся на её участке обороны, поселившейся в укромном уголке девичьего сердца.

Ещё несколько дней назад она стреляла без промаха, удивляя меткой стрельбой своих охранников. Убивала расчётливо и жестоко, с удовольствием ставя жирные крестики в потрёпанном белом блокнотике. Для неё не существовало друзей, врагов, русских, чеченцев. Люди становились живыми мишенями, за уничтожение

которых платили большие деньги. Всё, что шевелилось, двигалось, бегало и ползало по ту сторону условной линии обороны, попадало в её прицел.

Ксюша равнодушно ловила левый глаз, и плавно нажимала своим ухоженным указательным пальчиком на спусковой крючок. Случайных гражданских, и в штанах, и в юбках, убивала сразу, стараясь попасть прямо в лоб и одним выстрелом вышибить из башки их дурные мозги. Таких не добивала, повезёт — пусть живёт. Даже её подельник Мустафа ставил в укор ей излишнюю жестокость и за глаза называл прекрасной стервой. Она с охотничьим огоньком в глазах холодно отвечала:

— Мне они для разминки нужны, винтовку пристрелять, навыка не потерять. Я их в башку наповал луплю, не мучаю сердешных.

Её охранники опасались этой красивой, остервенелой бабы, которая при случае, не моргнув глазом, пожалуй, и их головы снесёт, лишь бы свой спортивный интерес удовлетворить.

Солдат убивала двумя выстрелами и тоже в голову. Знала, что они грудь рытаются прикрывать “бронiками” и всякой стальной чепухой. А так наверняка. Второй выстрел контрольный. Как прилежная школьница не забывала поставить новый крестик в записной книжке.

Офицеров щёлкала с расстановкой, садистски, со зверским оскалом лица и душевным азартом. Сначала била по ногам, по рукам, а потом в пах. Убедившись, что все пули попали в цель, могла и не добить беднягу, оставить калекой, который вряд ли выживет. А если и выживет, то проклянёт тот день, когда родился. Будет мучиться остаток жизни и всё равно умрёт. Точнее, подохнет, никому не нужный, в стационарном военном

госпитале, по пьянке в грязной сельской луже или в убогой городской подворотне. Под офицеров подходили все, кто старше двадцати, не зависимо от формы одежды. Федералы, спецназ, лысые, волосатые, с усами, без усов, с бородками и без. Мужики и бабы в камуфляже становились жертвами её дьявольской меткости, жирными чёрными крестиками в записной книжке.

И вот с неделю назад, деловито поймав очередного кандидата в покойники на мушку, она замерла, вглядываясь в его лицо. Что-то до боли знакомое показалось в облике офицера, прижимающего к груди бинокль и внимательно провожающего взглядом уходящих в поиск солдат. Какая-то сила удержала палец на спусковом крючке и она не сделала роковой выстрел. О чём позже благодарила Бога. Это был тот самый мальчишка, из далёкой юности, ставший настоящим мужчиной. Она разглядела и родинку на его щеке, величиной с горошину. А его глаза были прежними. Потаённые, грустные, с синеватым отблеском. Длинные музыкальные пальцы, которыми он по старой привычке приводил в порядок свои смоляные буйные волосы. Походочка вразвалочку, чуть-чуть с ленцою, всё было его, всё сохранила её память. Теперь лишь бы услышать его голос, мелодию слов, напомнить ему о себе. И может быть… Ксюша глубоко вздохнула, пошатнула дуло винтовки, неосторожно выдвинувшись вперёд, вызвав ворчание охранника.

— Демаскируешь, — выдохнул опытный вояка, секунду помедлил и решительно увлёк девушку в глубокий окоп, вырытый под бетонным перекрытием разрушенного взрывом строения. Интуиция не подвела чеченца. Русские не заставили себя ждать.

Разорвав утреннюю тишину громыхнул мощный залп

ракетных установок. Череда взрывов пронеслась над землею, повалив деревья, растущие вдоль разбитой снарядами дороги. Тяжело зашатались бетонные перекрытия фундамента над головой. Рой горячих осколков и всякой всячины, поднятые взрывами с земли, как летний град простучали по надёжной крыше укрытия. Ещё несколько залпов артиллерии унеслись вглубь обороны чеченцев, круша всё на своём пути. Убивая виновных и невиновных, собирая в свои смертоносные жернова новые жертвы. Мустафа, в который уж раз за эту и предыдущую войну, поблагодарил Аллаха за везение и небесную милость, он благодарно похлопал ладонью по толстым бетонным перекрытиям, проговорил:

— Лишь бы не прямое попадание. Бункерочек что надо. — удивлённо взглянул на снайпершу, спросил: — Ксюша, ты что, испугалась?

Девушка лежала некрасиво раскинув ноги, всхлипывала, вытирая кулачком, запорошенным пылью, лицо. Она с горечью подумала, что никто её не понимает и не сможет понять накатившую на сердце обиду. Никто иной, а её любимый дал команду на артобстрел, желая убить девчонку, влюблённую в него с детства. Ксюше в эту минуту было жаль себя, его, Мустафу, всех людей, стрелявших друг в друга. Она плакала, жалея, что так нелепо сложилась жизнь. И вновь с нежностью подумала о нём.

“Бедненький, он стал офицером и воюет начиная с Афгана. Чтобы выжить он должен убивать. Мишенька не знал, что здесь нахожусь я. Он защищается и по-своему прав”. Она впервые назвала его по имени и, найдя аргументы в защиту, перестала плакать, ожила. По-детски шмыгнула носом, подобрала под себя ноги, проговорила:

— Спасибо, дорогой Мустафанчик, за заботу. Нас засекли. Надо сменить позицию.

Удивлённый ласковым тоном прекрасной стервы, Мустафа принял благодарность как должное, важно кивнул:

— Есть запасной вариант, пусть утихомирятся, позавтракаем и переедем. Поперёк горла ты им. Зря не высовывайся.

Ксюше не терпелось скорей прильнуть к прицелу винтовки, найти своего любимого, убедиться, что жив. Она отхлебнула из термоса несколько глотков горячего чая, закусила сыром. Проверила боезапас и поползла за Мустафой.

Устроившись на новом месте девушка сразу вычислила Михаила. Высокий и ловкий, он, как сказочный принц, звал и манил к себе. Не шелохнувшись она пролежала целый час. Потом Михаил исчез в глубине окопа и появился в другом месте, держа в руках карту. Что-то чертил на карте, рассеянно покусывая шариковую ручку и поглядывая в сторону чеченских позиций. Отдал приказ солдатам, которые маскируясь поползли по земле в сторону чеченцев. Она с гордостью подумала, что её Миша стал настоящим командиром, которого уважают и слушают подчинённые. Ещё час понаблюдала, как солдаты, выставив наружное охранение, осматривали обнаруженную и развороченную взрывом снайперскую позицию. Также осторожно они вернулись назад. Доложили Михаилу о результатах вылазки. Ксюша увидела, как был огорчён он их докладом.

“Птичка улетела”, подумала она, не питая злости к русским солдатам, совсем не жалея, что не открыла по ним огонь.

Решение пришло вечером, когда вернулись в бункер,

где глубоко под землёй отдыхали защитники города. Ночью при свете керосиновой лампы Ксюша написала записку. Она просила Михаила о встрече на нейтральной полосе, возле одинокого каштана, вечером. Утром попросила Мустафу:

— Найди человека, лучше бабу, с гарантией, что вернётся. Нужно сходить на ту сторону. Хочу поиграть в кошки-мышки. Ни о чём меня не спрашивай, Мустафанчик, позже расскажу.

Парламентёра нашли быстро. Древнюю русскую бабку, прятавшуюся с двумя внуками на пустыре. Ксюша отвела её в сторону и сунула в руку клочок бумаги:

— Передашь их командиру. Он одет в пятнистую куртку, кепку, на груди бинокль, на боку сумка. Зовут Михаил. Внуки остаются заложниками. Вернёшься — отблагодарю. Не вернёшься, сама знаешь, что будет.

Старушка, суеверно перекрестившись, вытерла старым платком накатившиеся на глаза слёзы и молча взяла в руки записку. Мустафа протянул ей белый флаг, весело гоготнул:

— Парламентёром будешь... Смотри не балуй, старая. Не вернёшься, ножичком по горлу чик-чик и нет внуков.

Ксюша добавила:

— Я за тобой, бабушка, наблюдать буду. Если он согласен, пусть три раза махнёт левой рукой. Запомнила? Три раза.

Смешно покачивая белым флагом, неуклюже перебирая больными ногами, старуха сгорбившись засеменила в сторону федералов. Смысла дьявольской игры она не понимала. Знала одно: играть надо строго по их правилам. Ксюша хорошо видела, как удивлённые солдаты пропустили странного парламентёра.

Перекидывались словами, протянув услужливо руки, помогли бабке спуститься в блиндаж, где находился командный пункт батальона.

У старухи сдали нервы. Тяжело опустившись на скамейку, сквозь слёзы проговорила:

— Прячьтесь, сынки. Оружие у их точное. Баба молодая стреляет. Мне к командиру, который с биноклем и в куртке, Мишей кличут. Быстрее, сынки, у меня внуки в заложниках, боюсь за них.

Солдат как ветром сдуло в укрытие. Загорелый до черноты молодцеватый сержант с повязкой на лбу, бронником на груди и снайперской винтовкой в руках, зло выругался:

— Стерва, проститутка! Выжила курва. Погоди, вычислю змеюку, хлебнёшь кровавых слёз. И за ребят убитых, и за бабку, и за её внуков. Гнида живучая, матку наизнанку выверну, прибалтийская холера.

Может быть что и поняла из его слов Ксюша, если бы слышала ругань простого русского солдата. Люди стали бы людьми, а не мишенями и крестиками в записной книжке? И бежала бы она без оглядки отсюда. Стала бы любить парней, рожать детей. Может быть, может быть... Не слышала солдата снайперша, с нетерпением ожидала развязки своей авантюры.

Михаил появился неожиданно. Помог бабке вылезти из окопа и смело поднялся во весь рост. Ксюша с ликованием любовалась своим избранником. Девичьи мечты, робкие надежды сосредоточились в окулярах оптического прицела, застыли на указательном пальце ладони, на спусковом крючке.

Лицо Михаила было растерянным, мечтательным и юным. Как в девичьих грёзах. Грустно и внимательно долго смотрел на дымящиеся развалины города. Ей показалось, что взгляды их встретились. Он махнул Ксюше

левой рукой и медленно, глубоко кивнул головой. Как когда-то в церкви на богомолье, куда однажды девчонкой её водила мама. Она смущённо покраснела, почувствовав иронический взгляд чеченца.

— Блажишь, девчонка. Когда говнюков щёлкать будешь?

Ксюша промолчала. Дождавшись возвращения старухи, неожиданно обняла её, сунув в ладонь горсть мятых долларов.

— Спасибо, бабушка. Это тебе, одень и накорми внуков и не поминай лихом. Прости нас за всё.

Что-то творилось в душе снайперши, появилась сентиментальность, не нужная на войне. Мустафа не выдержал, нахмурившись, проронил:

— Благодетелем работаешь? Ну, Ксенька, погоди…

Она резко повернулась, глаза её сверкнули:

— Слушай и запоминай. Ты мне не указ. Бери винтовку, стреляй федералов. Я охранять буду. Посмотрим, сколько ты заработаешь. А эти дни я в отпуске. Через прицел природой любуюсь. Надоели мне вояки, штабную крысу хочу щёлкнуть, может быть генерала, понял?

Не в планах Мустафы было ругаться. Характер у девушки — огонь, он решил примириться:

— Понял. Не сердись, Ксюш, сколько вместе хлебаем лиха, вижу я тебя насквозь. Не тем делом занимаешься, не тем. Генералы, девочка, в тылу командуют. Стреляй, дорогая, тех, кто есть. Какая разница за кого доллары получать? Ценник на все покойников один. Не мудри. Сама знаешь, у нас слюнтяи не в почёте.

Примирение устраивало и Ксюшу:

— Устала я, глаза слипаются. Двигаем на отдых. И не мешай мне своё дело делать, не спрашивай, пока сама

не скажу. Ты ведь мне друг, Мустафа, правда?

Чеченец усмехнувшись кивнул, ещё многого не поняв из того, что "прекрасная стерва" наговорила. Решил не расспрашивать, а ждать и попытаться самому разгадать загадку.

Вечером девушка прихорашивалась, красила брови, чистила ногти, напевала мотив любимой песни. В дальнем закутке переоделась в сиреневое платье, надела на ноги новые туфли и безоружная попыталась незаметно юркнуть возле спящего Мустафы. Хитрый чеченец давно не шелохнувшись, полуприкрыв глаза, наблюдал за Ксюшиными приготовлениями и громко захрапел, когда она прошла мимо. Быстро вскочил на ноги, схватил автомат и, не теряя из вида сиреневое платье, двинулся следом.

Солнце спряталось за горы, смеркалось. Более тёмным пятном на пригорке выделялся обгоревший каштан, чудом сохранивший на верхушке зелёную листву. Ксюша торопливо шла по тропинке, панически боясь опоздать, ругая себя за долгие сборы. В той, переданной Михаилу записке, она назначила первое в жизни свидание. Трёхкратный взмах руки любимого вселил в сердце уверенность. Она спешила к каштану, на нейтральную полосу, где должен был ждать он. "Лишь бы взглянуть в его глаза, услышать голос, а там будь что будет" подумала в сотый раз Ксюша. Споткнувшись о камень, неловко пошатнулась и ступила лакированной туфелькой в сторону от тропы. Услышала душераздирающие залпы артиллерии и почувствовала, что земля уходит из-под ног. Сломав каблук, разорвав на боку платье и поцарапав правый бок об арматуру, она свалилась на дно глубокой ямы, бывшей когда-то её снайперской точкой. Схватилась руками за бетонное перекрытие, пытаясь вылезти наверх,

услышала громкий испуганный крик. Ударная волна взрыва сбила Мустафу с ног и бросила его тело в яму на голову Ксюши. Падение спасло обоим жизни. На севере гремел гром. Вечерние сумерки прорезали огненные трассы летящих ракет, уносящихся с позиций русских. Яркие вспышки разрывов окружили огненным хороводом одинокий каштан на нейтральной полосе. Точным попаданием снаряд разломил до основания обнажённый ствол дерева, расщепил и поломал осколками увесистые ветки, сбив с верхушки остатки зелёной листвы. На том месте, где рос столетний каштан, образовалась широкая воронка, по бокам которой дымилось вывороченное из земли корневище. Так же внезапно, как начался, ракетный гром прекратился.

Мустафа лежал, навалившись телом на Ксюшу. Он успокаивающе гладил ладонью её русые волосы. Девушка опомнилась, уткнулась лицом в широкую волосатую грудь чеченца, по-детски всхлипнула. Не выдержав, громко, по-бабьи, во весь голос заголосила.
—Что ты наделал, что ты наделал, мой миленький? Как мне быть, как мне быть, мой синеглазенький? Бедная, бедная я, кто пожалеет меня, приголубит если не ты, мой хорошенький? Плохо, ох плохо мне, мой единственный. Расстрелял ты мне сердце, мой ненаглядненький. Мишенька, Мишенька, счастье моё, отзовись, подскажи друженька, как мне быть?

Мустафа удивлённо замер, с трудом переваривая мозгами услышанные слова. Вспомнил о вечерних приготовлениях, о странном поведении девушки в последнее время, сопоставил услышанное и наконец-то понял, что творится с отважной снайпершей.

Случилось дикое, невероятное. Прекрасная стерва умудрилась влюбиться через оптический прицел винтовки! Поход бабки парламентёром, недельный отпуск,

затишье на их участке, прояснилось в один миг. Почему-то ему стало досадно и больно, чувство сильной обиды ворвалось в сердце. Чеченец резко оттолкнул девушку, зло тряхнул её за плечи, сквозь зубы язвительно процедил:

— Замолчи, замолчи, стерва. В кошки-мышки играешь? И вашим и нашим? Так не бывает. Сколько людей убила, так нет, ещё любовь подавай. Устрою тебе сладкую жизнь с твоим миленьким.

Он влепил ей звонкую пощечину, грубо оттолкнул в угол ямы. Так и не решив, что делать дальше, вдруг отчётливо почувствовал на середине лба холодную сталь ствола автомата. Слух прорезал леденящий шёпот снайперши:

— Вояка хренов, оружие бросил. Теперь молись своему Аллаху, вымаливай прощение. Угрожать мне вздумал. Застрелю, гад.

Слишком хорошо знал чеченец характер своей "прекрасной стервы". Понял: она не шутит. Страх сковал его ноги, по спине потекла струйка пота. Он судорожно сглотнул слюну, мучительно вспоминая снял ли с предохранителя оружие.. Медленно положил повлажневшую ладонь на голову девушки. Мягко и бережно погладил её волосы. Другой рукой плавно отвёл ствол автомата в направлении противоположной стены. Опустился на корточки, осторожно обняв девушку за талию.

— Не сердись. Попытайся понять меня. Надо уходить, пока русские не надумали повторить артобстрел. Отдай пушку. Утро вечера мудренее. Ксюша, идём спать. Не забывай, что мы боевые друзья, девочка. Я хочу как лучше. И тебе и мне.

Ксюша не сопротивлялась. Голос Мустафы убаюкивал. Она послушно, опираясь на плечо чеченца, вылезла из ямы и, выпустив из рук автомат, как лунатик побрела по

тропинке. Молча вошла в блиндаж и не раздеваясь упала на мягкую брезентовую подстилку. Свернулась калачиком и быстро уснула. Мустафа долго глядел на спокойное, красивое лицо Ксюши, тяжело вздыхал, понимая, что девушка ему нравится. Совсем не так, как другие. Наконец укрыл её тёплым одеялом, обхватил руками автомат, сел рядом. Устало прикрыл глаза, с удовольствием слушая мелодию её сонного дыхания.

Проснувшись рано утром, Мустафа сразу почувствовал, что блиндаж пуст. Отсутствовало и боевое снаряжение девушки. Ругнувшись, он опрометью кинулся в сторону позиций русских. Присвистнул, мельком заметив развороченный снарядом бугор, где вчера стояло одинокое дерево. Вспомнив обстрел, скривил губы, лёг на землю и ловко пополз между камней. С облегчением улыбнулся, увидев издалека спокойное лицо снайперши.

Ксюша сосредоточенно смотрела в прицел. Сегодня удача сопутствовала ей. Федералы обнаглели за время затишья, совсем пренебрегая мерами маскировки. За это и поплатились. Раздалось два выстрела и безусый солдат, копавшийся наверху окопа, с раздробленной головой свалился на землю. Его оттащили за ноги, беспорядочно паля из автоматов. Бесприцельно отработала артиллерия, и снова всё стихло. И так три раза. Она находила Михаила и убивала находившихся рядом солдат. После полудня точно пробила его бинокль, карту и планшетку на боку. Ехидно усмехнулась, представив его растерянное лицо. Сегодня Ксюша стреляла очень метко, совершенно забыв ставить крестики в записной книжке. Она мстила ему за свои слёзы, обиду, унижение. Мстила зверски, вдохновенно, убивая и калеча его солдат.

Мустафа впервые не радовался Ксюшиной удаче. Понимал, что творится на душе у девушки. Весь день

наблюдал за противником в бинокль, искоса бросая взгляды на снайпершу. Надеясь, что она наконец-то пристрелит черноволосого командира русских. Преднамеренно или по ошибке. Глубоко разочарованный, возвращаясь вдвоём на базу и ступая след в след по знакомой тропинке, он бурчал себе под нос: “Кошки-мышки, кошки-мышки” не находя других слов. Ксюша услышала его бурчание, остановилась и проронила первые слова за весь день:

— Кошки-мышки — детская игра, Мустафа. Не мешай мне и всё будет хорошо. Поверь.

А на следующий день она вновь не стреляла, искала Михаила в прицел снайперки. Успокоилась, когда увидела живым и невредимым. Облегчённо вздохнула, ругая себя за вчерашнюю остервенелость. К обеду в её голове созрел новый план действий. Вечером нашла старушку-“парламентёра” и попросила старую женскую одежду. Отвела душу, вволю всплакнула на груди старой женщины, по тёплому попрощалась.

Ночью ей снился сон. Нет войны, буйная майская зелень, солнечная даль и она с Михаилом плывёт на белом теплоходе по синему морю. Он нежно обнимает её и ласково целует волосы, шею, губы. Слегка, играючи, щекочет мягкой щетиной бороды Ксюшину грудь. Она звонко смеётся, берёт его за руку, и они в одежде прыгают в голубую гладь воды. Берег совсем рядом, ракушечный пляж и прямоугольный свадебный стол, полный угощений. Мокрые и счастливые они бредут по мелководью, слушая крики чаек. Он бережно берёт её на руки, зарывается головой в Ксюшины волосы и сушит своим тёплым дыханием. Их встречает смеющийся Мустафа с товарищами по блиндажу, русские солдаты, её крестники. Живые лица жертв оптического прицела снайперской винтовки. Мужчины

садятся за стол и десяток молодых глоток кричат “Горько”. Льётся шампанское, звенят бокалы, звучат тосты. Она — в сиреневом платье, он — в новой офицерской форме танцуют вальс. Гости хлопают в ладоши, приветствуя молодожёнов. Мустафа дарит ей огромный букет цветов и огромными ручищами обнимает Ксюшу за талию. Вдруг она чувствует мёртвую холодность его рук, предсмертный всхлип. В ужасе Ксюша ищет глаза Михаила и вместо них! — мертвецкий оскал его лица, сквозные дыры в глазницах, два ряда почерневших зубов зловеще смотрят на девушку. Кругом за столом толпа покойников возбуждённо стучат костяшками суставов и тянутся к ней мерзкими губами за поцелуем. Ксюша кричит, хватается руками за обнявшего её Мустафу. Чеченец со скрежетом падает к её ногам, рассыпается в прах, в серую пыль. Захлёбываясь в крике, она замечает, как остывает кровь в жилах, падают волосы с головы, с пальцев — ногти, скрючивается кожа. Тело Ксюши деревенеет и молниеносно превращается в матого-бледный скелет. Два скелета, её и Михаила, держась за руки падают на прах Мустафы, ломаются, превращаясь в бесформенную груду костей. К ним из-за стола бегут другие скелеты, падают, падают, образуя большую кучу. Над кучей, как флаг, глядя в небо торчит дуло оптической винтовки, на острие которой висит Ксюшина записная книжка.

В этот момент девушка просыпается, открывает глаза, тревожно ощупывает себя руками с ног до головы. Приподнимается с брезентовой подстилки, садится, прижав колени к подбородку, вспоминая приснившийся сон. Разгадать его она не в силах. Ясно одно — надо торопиться, пока не сошла с ума. А там будь что будет!

Она натянула шерстяное платье, повязала голову старухиным платком, всунула ноги в стоптанные на

задниках тапочки и разбудила сладко спящего Мустафу. Проснувшийся чеченец удивлённо взглянул на её маскарад. Ксюша, потупив глаза, пояснила:

— Мне снился дурной сон, Мустафа. Ты и я, все мы покойники. Что-то надо менять, я больше не хочу стрелять. Не отговаривай меня. Я должна сходить к нему, иначе сойду с ума. Помоги мне в одном: держи на мушке. Если догадаются, будут брать в плен — пристрели. Только не тронь его. Он не виноват и в любом случае должен жить. Я в бабкином платье пойду, скажу: мать её внуков, думаю, поверят, они доверчивые. Помни, Мустафа, обманешь — на том свете найду, ты меня знаешь. Кроме тебя у меня ближе человека нет. Он и ты. Мне надо разобраться с ним. Вернусь — там решим, как жить дальше.

Чеченец слушал, укоризненно качал головой, искренне жалея свою "прекрасную стерву". Понимал: отговаривать упрямицу нет смысла. Лучше быть в курсе дела, иначе наворочает дров, как в тот раз. Он молча кивнул ей головой.

Они выбрались из бункера и через час были на передовой позиции. Закусив губу, через прицел она искала его. И он появился. Смело вышел на открытое место и приветственно помахал рукой. От удовольствия видеть Михаила, лицо Ксюши покрылось багровым румянцем, в глазах появились озорные искорки. Полюбовавшись избранником, девушка сползла в окоп. Медленно отряхнула платье, повернулась к Мустафе, протянула винтовку:

— Держи. Помни наш уговор. Дай мне доиграть игру, помоги и прости, если что случится.

Она обняла за шею своего верного оруженосца, прижала его голову к своей груди, ласково погладила лицо. Искренне поцеловала длинным поцелуем в

вспотевший от напряжения лоб. Долго смотрел в осунувшееся и загорелое до черноты лицо Мустафы, с грустью прошептала:

— Хороший ты у меня, самый-самый... Давно любишь меня, знаю любишь, женское сердце не обманешь. Ты молчи, до встречи молчи. Всё у нас ещё впереди. Я знаю.

Ксюша легко оттолкнула чеченца, схватила с земли флаг, помахала им и сделала первый шаг к позициям федералов. Она приближалась к русским, зная наверняка, что её засекли наблюдатели и уже доложили вверх, по команде. Последние метры шла смело, понимая, что её уже не убьют. Ловко спрыгнула в глубокую, узкую траншею, громко крикнула:

— Ведите к командиру, я за парламентёра.

Разбитной солдат с повязкой на лбу и снайперской винтовкой в руках, плотоядно осмотрел с ног до головы Ксюшу. Восхищённо свистнул, сообщил товарищам:

— Опять баба! Везёт же нам. Ты, как старуха, на свидание к командиру, или как?

Девушка с издёвкой ответила честно:

— К нему, родименький, не к тебе, черноглазенький. Веди, чечены ждать не любят.

— Чечены — хрены, их снайперша ребят стреляет, старуха говорила. Вернёшься обратно, встретишь курву, передай — доиграется стерва, вычислю гадину.

— Хорошо, — Ксюша передёрнула плечами, поразившись словам солдата в свой адрес. Как сквозь сон услышала его приказ:

— Громов, отведи девушку к командиру, пошевеливайся.

Она шла вглубь позиций федералов, с интересом разглядывая их хозяйство, отвечая рассеянной улыбкой на взгляды обвешанных оружием бойцов. В

зеленеющей лощине заметила расчёты миномётов, за ними тяжёлая артиллерия. За небольшим леском виднелись стволы нескольких ракетных установок. Между боевыми порядками сновали юркие боевые машины пехоты. Заглушая шум их моторов урчали двигатели тяжёлых танков. На оборудованную площадку заходил вертолёт, к которому ехала санитарная машина. Шла обыденная полевая жизнь тыла армейского подразделения, основательно обжившего этот участок местности.

Девушка только сейчас поняла, с какой силой приходится воевать. А чеченцам стрелять-то скоро будет не с чем. Склады уничтожены, ни авиации, ни артиллерии, ни танков. Разве можно победить эту военную махину? Целое государство силами наёмников? "Наша пальба им как для слона комариный укус, — подумала она. — Неприятно, но не смертельно. Плохи дела. Растопчут они чеченцев в пух и прах, раздолбают, если сам чёрт не поможет. И конец будет один: как решат в верхах, а не на поле брани. Пора, Ксюша, свою судьбу самой определить. Сегодня, сейчас. Вместе с Мишей".

Они спрыгнули за кирпичную кладку обвалившейся стены, где пряталась штабная палатка. Сопровождающий попросил подождать, скрывшись внутри. Она присела на пустой снарядный ящик, глубоко вздохнула, теребя пальцами край платья. Чудесным образом превратившись из смелой снайперши в смирную девочку, Ксюша робко подняла глаза.

Он стоял на выходе из палатки и смотрел на неё грустными синими глазами. Слабый ветерок шевелил его волнистые волосы. Он поглаживал их рукой, как в юности, снизу вверх, слегка прихлопывая ладонью по хохолку. В этой жизни они должны были обязательно

встретиться, как сейчас их глаза. Его — любопытные. Её — беспомощные. Она первая торопливо, сумбурно заговорила:

— Меня послали чеченцы, здравствуйте. Через полчаса я должна вернуться.

Он кивнул, по-мужски, откровенно любуясь её красивым лицом, тихо спросил:

— Ты кто?

Лицо Ксюши вспыхнуло, покрылось багровым румянцем. Одна половина девушки готова была признаться, довериться, рассказать обо всём. Другая говорила: не смей, не имеешь права, не торопись. Победил инстинкт самосохранения. Она скороговоркой выпалила:

—Воспитательница детского сада. Сад разбомбили, с детьми прячемся в подвале. У меня два сына, муж убит. С ними бабушка, которая к вам приходила. Они в заложниках до моего возвращения. Меня попросили передать письмо и подождать ответ. Вот, возьмите.

Ксюша протянула листок бумаги и быстро отдёрнула руку. Он подхватил упавший листок, его лицо озарила улыбка:

— Не бойся, я не кусаюсь. От кого письмо?

Не дождавшись ответа, развернул листок, стал читать. Девушка осмелела и откровенно, жадно смотрела на Михаила, сравнивая сегодняшнего мужчину с вчерашним десятиклассником. Настоящий был мужественней, обаятельней и желанней. Она не разочаровалась, наоборот была довольна происшедшими с ним переменами. Не мог не заметить и он волнения девушки, её страстного взгляда. Что-то странное происходило и с ним в эти минуты. Его как магнитом притягивал облик этой девушки, путая мысли, теряя нить служебного разговора. Хотелось

только смотреть, любоваться ею, забыв о войне. Михаил сложил листок пополам и рассеянно сунул в нагрудный карман. Ксюша незамедлительно напомнила:

— Прочитал? Каков ответ?

С замирающим в ожидании сердцем она торопила события, боясь выдать себя словом или жестом. Он сказал совсем другое, то, что хотелось:

— Меня зовут Миша. А ты… Кто ты?

Она пристально посмотрела в его глаза и решила не лгать.

— Хотели бабушку, разболелась старая. Сказали идти мне, нести это письмо и ответ, по возможности.

— Ты знаешь автора письма?

— Видела, она сама дала мне этот листок.

— Скажи, она красивая, как ты?

— Красивая, я ей в подмётки не гожусь.

— Сколько ей лет?

— Около двадцати. Совсем молодая.

— Молодая… Стреляет, как матёрый зверь. Бабка твоя рассказывала. И откуда в бывшем Союзе такие берутся?

— Не знаю. Ваши снайперы не хуже, бьют наповал любого.

— А ты откуда знаешь, воспитательница?

— Слушаю, рассказывают, поневоле общаюсь с ними. Жизнь заставляет, сам понимаешь. Пиши ответ.

— Понимаю. Может, останешься?

— А дети и бабушка? С живых шкуру сдерут. Делай, как она сказала, время не ждёт.

— Ты знаешь, что написано в письме?

— Нет, меньше знаешь — лучше спишь.

Он опустился на землю, достал ручку, листок бумаги. Изредка поглядывая на Ксюшу, стал писать.

Сейчас ей хотелось, чтобы он обо всём догадался, уличил во лжи. Отгоняя эти мысли из головы, она нарушила тишину.

— Велели спросить про каштан. Это был твой ответ на первое её письмо?

Михаил приподнял голову, усмехнулся, прищурив глаза, сложив листок, протянул ей:

— Возьми. И скажи: война и любовь несовместимы. Мы противники. Я защищаю добро, она — зло. Солдат удачи за деньги моих хлопцев хлещет. Вчера троих убила. Как это называть? Любовь ко мне? Я как прокажённый в глазах ребят. Лезу на рожон — жалеет, не стреляет. Каштан, свидание, в своём ли она уме? О какой любви можно говорить, когда моя возлюбленная моих друзей лихо расстреливает. И где научилась так стрелять? Для меня она снайперша, понимаешь, снайперша — убийца. И так будет до конца войны.

— Понимаю. А после войны? Велели спросить: вы женаты?

— Трудно загадывать. Я холостой. Был женат, да не судьба. Не дождалась меня с первой войны. Не об этом сейчас речь. Она написала, что знает меня с юности, узнала через оптический прицел винтовки. Бывает и такое, невероятное в жизни. Я верю и мне жаль её. Одно могу сказать: пусть уходит из города, так будет лучше и ей, и мне. Ответа не будет, передашь на словах. И эти переговоры последние. Будет мне втык за вас. Что я скажу начальству? О любви, о свидании, о каштане? Запомни, после войны меня не трудно найти, зная фамилию и имя. Пусть уходит и не стреляет, Богом прошу, заклинаю любовью и всеми святыми.

Он говорил быстро, отрывисто, с горечью и обидой, глотая слова, нервно теребя пальцами листок бумаги.

Наконец порвал его на мелкие кусочки и кнул под ноги девушки. Она быстро нагнулась, желая поднять, и громко вскрикнула заметив, как ветерок разогнал исписанные клочки в разные стороны. Ксюша сникла, опустила плечи, отчётливо понимая, что никогда не узнает, что написал ей Михаил. Не сумев сдержаться, она разрыдалась, вытирая слёзы старушечьим платком. Длинные волосы девушки распустились по плечам, открыв всю девичью красу. Поражённый Михаил удивлённо замолчал, неожиданно прижал её дрожащее тело к себе, прошептал:

— Уходи скорее, воспитательница, и помни, что я сказал. Сейчас не время и не место. Вытри слёзки, я провожу.

Они молча достигли передовых позиций федералов. Словоохотливый снайпер не удержался и на прощание крикнул:

— Приходи ещё, милости просим. Духам передай: труба их дело, пусть сами себе харакири делают, пока я не сделал. Так и скажи этой проклятой снайперше: сержант Вова расчёт получить хочет. Натурой, её головой. Командир, дальше опасно. Не ходите, стрельнёт.

Михаил кивнул заботливому сержанту, прошёл несколько шагов, поднявшись на бугорок, остановился. Вырвал листок из блокнота, по-доброму усмехнулся, что-то черкнул и протянул Ксюше:

— Возьми, воспитательница. Это тебе ответ. Сегодня у снайперов перемирие, но чем чёрт не шутит. Наши олухи тоже без разбора лупят, могут и в спину. Я на видном месте стоять буду, пока ты до своих доберешься. Так они не посмеют. Ох уж эта война. Чертовщина, а не война, даже на Афган не похожа. Одни заваруху начинают, другие капиталы наживают,

третьи страдают, четвёртые погибают. Мне холостяком легче в войнушках участвовать, никто не ждёт. Мать умерла, жена бросила. Только вот жизнь проходит, а ты гол, как сокол. Без дома, без семьи. Не вечно война будет, надо надеяться на лучшее. Уходите из города, красавица. Мы не отступим, будет штурм. Первыми пострадают женщины и дети. Я не хочу вашей гибели, понимаешь, не хочу. Теперь иди и помни мои слова. Как говорят, ни пуха тебе, ни пера.

— К чёрту, — прошептала Ксюша, плотно сжимая в ладони драгоценную записку, приблизилась к нему, обняла за плечи, заглянула в синеву его глаз, засмеялась. — Снайперша просила поцеловать тебя. Она наблюдает в прицел, это главное её условие.

Она потянулась к нему, зажмурилась, почувствовав его дыхание и дурманящий привкус солоноватых губ. На виду у своих и чужих они замерли в первом и последнем поцелуе, крепко обняв друг друга. Опомнившись, она неловко оттолкнула его, виновато сказала:

— Ещё заревнует, пальнёт с обиды. Мне пора, не обессудь, дети и бабушка ждут. Понял, бабушка и дети.

Ксюша пальцами прижала ему губы, глазами попросила молчать, вывернулась из его объятий и прощально махнула рукой. Она шла не оглядываясь, зная наверняка, что он растерянно смотрит вслед.

Михаил повернулся к разбитному сержанту и громко приказал:

— Передай по цепочке. Не стрелять. Без приказа не стрелять. Иначе и меня уложат, сейчас могут и не пожалеть. Понял, Вова, не стрелять.

На полдороги девушка не вытерпела. Присела, воровато оглядываясь, и быстро расправила смявшуюся в ладони записку. На листке чернели три

слова и восклицательный знак, которые для Ксюши внесли ясность во всём. Они были сильнее обычного объяснения в любви. Всего три слова. “Это была ты!”

Девушка выпрямилась, прижала к сердцу дорогой листочек и пропела пришедшие на ум слова простой песни:

“Миленький ты мой,
Возьми меня с собой
И там в краю далёком
Буду твоей женой”.

Ей захотелось закричать от счастья, рассказать всему свету добрую сказку о своей любви, обнять и зацеловать все и всех. Вот и он, её верный Мустафа, мрачно смотревший в прицел снайперской винтовки, направленной в сторону федералов.

Чеченец помнил их договор всё время, пока девушка находилась у федералов. Видел болтливого русского снайпера, которому Мустафе ничего не стоило одним выстрелом раскроить черепную коробку. Наблюдал с лютой злобой, как они прощались на пригорке, прижимались друг к другу. Тогда он сжимал до посинения указательный палец правой руки от желания завалить обоих. Вытерпел позор Мустафа, взяв теперь не её, а его на мушку. Видит Аллах, он играл до конца.

Ксюша не учла главного, страшного, что может быть только на войне, где многое соизмеряется через прицел винтовки. И чеченец тоже любил. По-своему, суровой солдатской любовью, по законам гор, где он родился. Суровый воин принимал как должное духовную близость девушки, заботился, оберегал её, не щадя жизни. Он считал её своей собственностью, частью необходимого интерьера, без которого не стоило жить. Мустафа был влюблён по-своему, по-настоящему. То, что он наблюдал

в прицел оптики, перевернуло его душу, появилась бешеная ненависть к сопернику. Услышанные слова песни, нежный голосок Ксюши усилили ярость и ускорили развязку. Чеченец торопливо приподнял дуло винтовки, вывел перекрестье оптики на голову Михаила, в глубокую морщинку у него на лбу, с обидой пробормотал:

— Будут вам кошки-мышки, — прицелившись, плавно нажал на спусковой крючок. Облегчённо вздохнул, когда увидел, что пуля попала точно в цель. Не стал мудрить и для верности сделал два выстрела по фигуре падающего человека. Ксюша громко вскрикнула, всплеснула руками, поняв страшный смысл выстрелов, завыла, бросившись с кулаками на Мустафу, отчаянно закричала:

— Что ты наделал, что ты наделал, как ты мог?

Чеченец схватил её за руки, рывком бросил на дно окопа, прорычал:

— Это ты виновата во всём, только ты…

А в это время друг и заместитель Михаила, собрав ротных командиров в штабной землянке, виновато говорил:

— Доигрались в парламентёров. Говорил ему: не верь чеченам, особенно бабам. Избежать кровопролития захотел, уговорить сучку не стрелять по нам. Вот как получилось. Переумничали, недооценили курву. Теперь исправлять ошибку будем. По всем правилам военного времени. Личный состав приготовить к атаке. Артиллерия к бою. Радист передавай. Квадрат 30/2 отработать полный залп, всех сжечь к чёртовой матери. Потом зачистка, в плен не брать. Ни баб, ни мужиков.

Артиллеристы быстро провели корректировку и десятки стволов ракетно-залповых установок “Град” рыкнули своим звериным рёвом.

Ксюша ещё успела оттолкнуть Мустафу, вылезти из окопа, с болью и надеждой взглянула в сторону федералов. Услышала знакомый грохот ракетных установок. Следом показалось заросшее седой щетиной, искажённой гримасой страха лицо Мустафы. Он успел крикнуть: "Нас засекли, теперь накроют", — как ударная волна ударила по ним. Осколок величиной в кулак врезался в шею чеченца ниже подбородка, раздробил гортанную полость, разорвал вены и сухожилия. Сотни кровяных искринок полетели в девушку, обрызгав её с ног до головы тёплым красным дождём. Оторванная голова Мустафы с выпученными, ещё живыми глазами, кувыркнулась в воздухе и упала на грудь девушки. Ксюша машинально погладила плешь чеченца, скользнула ладонью вниз и обнаружила пустоту. Осознав случившееся, двумя руками оттолкнула с груди голову Мустафы, которая тяжело шмякнулась на дно окопа. Мельком заметив лежавшее рядом, дергающееся в конвульсии тело, вспомнила приснившийся сон. Отчётливо поняла его пророческую суть. Размазав по лицу кровяные капли, оглохшая и равнодушная ко всему, она поднялась на ноги и шатаясь, как пьяная, побрела по полю в сторону федералов. С долей надежды взглянула на бугорок, где попрощалась с Михаилом, и не найдя его, окончательно сникла, смирившись со своей участью. Теперь она торопилась мысленно проститься с близкими ей людьми, попросить у них прощения. И может быть не только у Михаила и Мустафы, но и у всех убитых в этой войне русских и чеченцев. Опустошённая, безразличная ко всему живому, она ждала как избавления от душевных мук, скорой и лёгкой смерти. И Боги смилостивились. Повторный залп ракетных установок поставил точку. С бешеной скоростью снаряд ворвался в её тело, разорвал на тысячи песчинок то, что секунду назад было человеком

по имени Ксюша. Навсегда примирив её с миром и людьми.

Через полчаса федералы произвели зачистку местности, но трупа снайперши так и не нашли. На обвалившийся и засыпанный землёй окоп не обратили внимания. Последним, плюясь, уходил снайпер Вова, на глазах которого был убит Михаил. "Выжила, выжила стерва, — бубнил он под нос, нервно сжимая свою винтовку. — Всё равно достану, заплатишь мне за командира кровавыми слезами, гадина".

А ночью приползли чеченцы. Молча разрыли сапёрными лопатками обвалившийся окоп, бывший последней позицией снайперши. На самом дне нашли похолодевшую человеческую голову, покрытую сгустками кровяной пыли. Под головой обнаружили снайперскую винтовку и тонкий белый блокнот. Без труда определили владельца головы и завернули в брезентовую накидку. Дальнейшие поиски ни к чему не привели. Ни тела Мустафы, ни трупа девушки не обнаружили.

Молодой, безусый чеченец повертел в руках винтовку и довольно цокнул языком:

—Ксюшкина оптика, бьёт без промаха. Ахмет, запиши меня в снайперы. Хочу в кошки-мышки поиграть. Может, что получится.

Командир одобряюще похлопал его по плечу:

— Бери, играй на здоровье. Ксюшка шутила про кошки-мышки. Отшутилась, разнесло, бедняжку, в клочья и Мустафу с собой прихватила. Отличный вояка был, подол бабьей юбки подвёл. Одна голова осталась, что с ней делать будем?

— Похороним где взяли, сама место выбрала.

— Правильно. Ложи аккуратно на дно и блокнотик

рядом. Никому её крестики не нужны. Пусть земля им будет пухом.

В это же время в штабной землянке федералы прощались с командиром. В изголовье, на тумбочке, стоял гранёный стакан водки и лежала ржаная корка хлеба. Сослуживцы добрым словом поминали командира, крыли отборным матом снайпершу и всю Чечню.

В небе появилась луна, которая одинаково светила всем, не деля врагов на чёрных и белых. На русских и чеченцев. Никто не знал сколько будет продолжаться война и гибнуть люди. Свои и чужие. Чужие и свои. Граждане одной страны.

СИРОТИНУШКА ТЫ НАШ

Жидкову Евгению посвящается...

Звали его Женькой. Было ему от роду двадцать два года и был он круглым сиротой. В первую чеченскую войну его призвали в армию и сделали без вины виноватым калекой в девятнадцать лет. То ли свои стреляли, то ли чужие. В то время как "салажёнок" Женька учился прицеливаться и стрелять из автомата, когда словоохотливый сержант объяснял новичку премудрости воинской службы, рядом разорвался снаряд и прервал их военную науку. Новоиспечённого воина снёс с ног бешеный шквал урагана, швырнул спиной на обвалившиеся развалины старого кирпичного дома, где он благополучно потерял сознание. Ему ещё повезло. Когда очухался , сразу почувствовал бешеную боль в правом плече. С трудом и страхом взглянул на руку и в ужасе закричал . В области предплечья руки как не бывало. Одни кровяные отростки костей, лохмотья кровеносных сосудов, ошмётки висящих сухожилий и валявшиеся в кирпичной пыли куски мяса и побелевшие, скрюченные пальцы. Его пальцы. Женька попытался приподняться, заныл, зарыдал громко и протяжно. Бессознательно хватанул рукой с земли свою оторванную ладонь и

приставить кровоточащею кость на прежнее место. Резкая боль пронзила его мозг двойным ударом. И в предплечье тела и в оторванных пальцах блуждали болевые огоньки страшного пожара. Так и не поняв, где больно, он вновь свалился на землю. Пришёл в себя в медсанбате, где ему поведали о том, какой же он везунчик. В тот день боевики в хвост и гриву раздолбали их роту, где опытных вояк, как сержант, было столько, сколько пальцев в Женькиной оторванной руке. От сержанта только почерневший солдатский медальон нашли. Вероятно, снаряд шёл по наклонной траектории полёта, был на излёте. Стукнул сержанта, увлёк за собой за каменную кладку стены, где и разорвал бедолагу в клочья . Взрывной, попутной волной и осколком шваркнуло и Женьку. В госпитале ему успешно подлечили руку и отправили долечиваться в Союз. Через три месяца очередной калека, прослуживший месяц в армии, пару часов понюхавший пороха, был демобилизован и отправлен в бессрочный запас.

Призывался он с одного города, а прибыл жить в другой, где его умершая мать имела бронированную квартиру в доме барачного типа. На законном основании Женька принял наследство и приобрёл свою крышу над головой. Удел многих северян добывать газ, нефть, лес, проживать жизнь свою в засыпухах , бараках и умирать там. Будь здоровым и Женька пошёл бы по этому пути. Но! Он был особенный, он был калекой. Государство за искалечивание дало ему пенсию в размере двадцати бутылок водки в месяц. В таком денежном исчислении из-за инфляции и прочих невзгод рыночной экономики он считал свой прожиточный минимум. Другая твёрдая валюта, доллар, ему даже в похмельном бреду не снилась.

С рожденья он был скромным, молчаливым и

необщительным парнем. Но молодость брала своё. В праздник решился и вечером неуклюже ввалился в танцевальный зал клуба. Робко поднял глаза и ощутил на себе с десяток удивлённых взглядов. Хотел спрятаться в угол, как неожиданно услышал весёлый девичий голос:

—Смотрите! Обрубок пришёл, смотрины делать. Чур только не меня.

Его как током стукнуло. Словно в Чечне пронзило болью и гневом. Он повернулся и долго угрюмо смотрел на девушку. Она съёжилась под его взглядом, покраснела, опустила глаза и спряталась за спины подруг. В жутком одиночестве Женька побрёл к вокзалу, где в киоске круглосуточно торговали водкой. Он всю ночь пил, а девчонка всю ночь плакала, вспоминая его ясные, добрые глаза и угрюмый, звериный взгляд смотревших на неё глаз.

Не был болтуном Женька, и мало кто знал, что нет его вины в страшной судьбе. Что не в уличной драке, не по пьянке , а на войне он потерял руку. Молодость не только прекрасна, но и жестока. И не только в чьих-то словах, но и в собственной голове. Затаил он обиду на весь свет. Особенно на танцующий, веселящийся молодняк, которому ещё предстояло быть пушечным мясом нашего государства. Ни друзей, ни врагов, одиноко и тоскливо стал существовать искалеченный душой и телом парень. Местный мэр пожалел сироту и пристроил на работу сторожем на кладбище. По простоте душевной не подумал, что не место молодому парню постоянно быть рядом с усопшими. Хотел как лучше. Когда кого-нибудь хоронили, Женька сопровождал похоронную процессию и заворожено смотрел, как заколачивали гвоздями гроб и засыпали могилу. Представлял самого себя лежачим в гробу и ту

девчонку, плачущую у изголовья. Назло ей он умирал десятки раз, мстя ей за насмешку, привыкая видеть себя умершим. После очередных похорон шел в маленькую, не отапливаемую сторожку и при тускло горевшей лампочке в тулупе и валенках пил чай, чередуя с водкой. Так и прожил полуголодным и полупьяным пару лет.

В один прекрасный день к нему нагрянули сердобольные женщины из комитета солдатских матерей, решившие помочь парню в его беде. По-матерински приласкали калеку, всплакнули, сетуя о его судьбе. Та, что постарше, обняла на прощание, вытерла слезы и промолвила:

—Сиротинушка ты наш, жалость-то какая. Будет и у тебя праздник.

Мечта любого, независимо от возраста, безногого и безрукого калеки,— это когда две ноги и две руки. Чтобы в штанинах что-то болталось и в рукавах вертихалось. Плохонький, но протез. А тут импортный приобрести обещали. Счастье парню привалило вдруг.

Снилось Женьке ночью, как он ловко “ баранку ” новых Жигулей крутит. Рядом сидит оскорбившая его чернобровая красавица, восхищённо и влюблёно смотрит Женьке в глаза, доверчиво прижимаясь к искалеченному плечу. Он снисходительно обнимает её правой рукой, искоса бросает взгляд и любуется милым лицом. И он, Женька, как все парни, при ногах и руках, без этой страшной метки, и вея жизнь его удовольствие и радость. Сладким зудом ныло больное сердце Женьки от этой мечты.

Приехал он в районный центр и очутился в приёмной большого начальника. Его крестницы из комитета солдатских матерей зашли в кабинет,забыв закрыть за собой дверь. Не хотел, а услышал парень недовольный голос начальника.

—Импортный протез? На такую ерунду валюту тратить? В стране кризис, а вы мне -протез. Я его туда не посылал. Главное, ноги есть, а рука? Пенсию получает, чего ещё надо? Работать сторожем на кладбище можно и без рук. Покойникам, им всё равно, не заметят. Идите, не морочьте голову парню. Не он первый, не он последний. Импортный протез захотели. Их, калек, сегодня хоть пруд пруди, а я один , идите с миром.

Женьку как ветром выдуло из приёмной. Не попрощавшись с сердобольными женщинами, укатил к себе в посёлок, совсем замкнулся, ушёл в себя, затаил обиду на весь свет. Комната в бараке, вокзальный киоск , сторожка на кладбище—вот и весь его жизненный маршрут. Постоянно мысли кошмарные по ночам одолевают парня. Видит он себя в городе Грозном с автоматом в руках в том кирпичном доме. Рядом яростно строчит из пулемёта сержант, и ребята все живые и здоровые. Напротив, в русских “духи” стреляют. Во главе их тот самый начальник из района, заросший бородой с чёрной шапочкой на голове и зловещей ухмылкой на лице. Берёт его Женька на мушку, нажимает на курок, пытаясь попасть в омерзительную рожу. Бьёт, бьёт, бьёт, расстреливая полный рожок патронов по рукам, по ногам, по туловищу и голове. А начальник, живой и невредимый, ехидно кричит:

—Импортный протез, идиот, захотел. На такую ерунду валюту тратить. Проживёшь и так, без руки.

Плачет от обиды солдат, соскакивает на ноги, хватает гранату, и летит пустая бутылка из-под водки прямо в стекло сторожки. За окном зимняя вьюга, свистит ветер, поёт погребальную песню сама природа. Ёжится

на топчане парень, вздыхает, кашляет, хватаясь за сердце, и горько плачет. И так каждую ночь воюет парень, не может добить начальника. Мажет и мажет из автомата, заливая свои промахи водкой. Совсем устал воевать, устал жить.

Ранним утром захлебнулся блевотиной и тихо умер. В больнице быстро состряпали диагноз: передозировка наркоты, и весь сказ. Похоронили сироту ветераны Чеченской войны, поставили памятник. Была и девчонка на похоронах, горько плакала, проклиная саму себя. Того начальника вскоре -уволили с работы. Женщины из комитета солдатских матерей долго оплакивали своего сиротинушку, казня себя за грехи тяжкие. Свои и чужие. Но от этого Женьке не легче. Живут и будут долго жить та девчонка, тот начальник, сердобольные женщины. Его же нет и не будет никогда. Равнодушие и чёрствость оборвали ещё одну жизнь. Как будто и не было парня на свете. Умер Женька, умер сирота.

И СМЕХ, И СЛЁЗЫ

Из жизни полковника
Александра Белобородова

По субботам мы любили собираться в пивнушке на широкой улице, вблизи огромного озера. Мы — это летуны и технари, те, кто прошёл не только Афган, но побывал и

в других дерьмовых "войнушках". Это цвет бывшей кадровой Советской Армии, выкинутый на задворки перестроечного времени. Капитанами, майорами, полковниками теперь мы были только в запасе. Нам дали неплохой "харч" в виде пенсии и регулярно платили, дабы "бывшие" не двинули, как шахтёры, требовать свои права на Горбатый мост. В принципе, политики поступили мудро во всех "суверенных" государствах, не обидев бывших вояк в куске хлеба. Иначе бы... Трудно предположить, что бы творилось в нашей многострадальной стране. Теперь же нас всех объединяло одно слово — пенсионер.

Вечерами, с грустинкой в глазах, мы замирали, задрав головы в небо, когда над нами тарахтели боевые вертолёты. В душе искренне завидовали молодым лейтенантам и капитанам, пришедшим на смену. По старой привычке, вытягивали руки по швам, когда под стук барабана, твёрдо печатая шаг, шли по строевому плацу солдаты. Просыпались ночами от быстрого

стука каблуков сапог спешивших по тревоге офицеров. И только вместе, в кругу друзей и сослуживцев чувствовали себя в своей тарелке, друг другу нужными, близкими людьми. Вероятно, поэтому хоть раз в неделю под разными предлогами вырывались из дома на «пиво» к своим друзьям и товарищам на «мальчишник» в пивбар около озера.

Через дорогу от облюбованной пивнушки стояла ветхая, обшарпанная, лягушечьего цвета банька. И в субботу, к вечеру, с берёзовыми вениками под мышкой, суетливые и довольные, встречались в сумрачном, с облезшей на стенах краской, облупленным потолком, коридорчике баньки. Весёлой, гогочущей толпой вваливались в раздевалку. Со смехом, прибаутками и гиканьем рассасывались в длинных рядах голубых, однотипных шкафов. Через пару минут голышом вновь встречались в моечном зале. Брали в руки медные, с погнутыми краями тазы, кучковались и занимали освободившиеся бетонные лавочки. Мыли, скребли друг другу спины, болтая о всякой присущей “банной” чепухе. Все ждали громового голоса деда Белобородa, своего полковника — седовласого, огромного роста балагура и великого рассказчика. Наконец-то вдоволь намывшись, он обливался холодной водой и шёл в парильню. “Наш дед” терпеливо ждал последнего заядлого парильщика – чужака и закрывал дверь на крючок. Обожал сам наводить чистоту и порядок. С полчаса выдерживал парильню в одиночестве, добродушно поясняя всем, что “сушит воздух”. Ну и любил дед Белобород париться! Не щадил ни себя, ни нас грешных. Отдубасившись “березнячком”, охая и ахая, покрасневшие с ног до головы, умиротворённые и счастливые отдыхали в предбаннике. Глотали из горлышка бутылок горьковатое пиво и вспоминали

весёлые истории из своей жизни. Смеялись от души над Колей Литвиненко, который вдрызг пьяный принял встречный столб за местную блатову и учинил кровавую драку. В итоге с шишкой на лбу, в разорванной рубахе угодил в медвытрезвитель. Дед Белобород разгладил пышные усы, хмыкнул и с присущей только ему ленцой, заговорил:

— Мужики! И смех, и слёзы. Хотите, верьте, хотите, нет. Со мной случилась вот такая история. Как в фильме "Ирония судьбы", только шиворот-навыворот.

Молодой я тогда был и спиртишко любил пить, как, впрочем, и сейчас, от чистогана не откажусь. Разок под газами рулю я до дому, до хаты. По дороге ещё пивком побаловался, сделал "ёршика". В голове полный "шабаш" наступил. Сам не знаю, как от ребят отстал. Иду, ноги тяжёлые, как ватные, туда-сюда ставлю, еле передвигаю. То с правым, то с левым креном, с сильнейшим пикированием и кабрированием, прямо по лужам и грязи упорно держу курс в военный городок. Благо, на улице мрак, как у негра в заднице. Думаю: тихо мирно дорулю, нигде не засвечусь. А спать хочу! Мочи нет. В кустарнике было примостился, но вовремя опомнился. Прохладно, околею к утру к едрене фене. Всё же сориентировался и вырулил наконец-то в район новостроек. Вижу сумрачные силуэты родных девятиэтажек. А они, как в том фильме, стандартные, как любил говорить мой батя, царство ему небесное, – на одну рожу. Разбираться мне недосуг, где какая рожа высвечивается. Маячит перед глазами уютный диванчик, мягкая подушка пуховая, одеяло ватное. Около кухни ванна, где я грязюку "банную" отмыть мечтаю. Красота! Влетаю в подъезд. С трудом поднимаюсь на пятый этаж. Голова кружится от высоты, зевота одолевает. Мысля в башке только одна

свербит: как бы на боковую упасть. Бог с ними: ванной, одеялом, подушкой и диваном. Можно и на полу примоститься, возле обуви. Не до жиру. Жена на то и жена — поворчит, подымет, разденет, отмоет и спать уложит. Может, ещё сто грамм нальёт, чтобы я спал, а не песни пел. Была у меня привычка: пьяным под Магомаева косить. Должность, мужики, у жёнушек летчиков, сами знаете, опасная и ответственная. Всегда надо чёткую позицию иметь, как со своим пьяным летуном контактировать. А моей не в первый раз и не в последний такое дело. Не привыкать. Стучу в дверь, заранее придумывая вескую причину моего пьяного состояния. Дверь приоткрывается, я резко толкаю её, дабы супруга не смогла раньше времени запеть скандальные романсы и показать фигу. Да, и такое бывало в моей семейной практике. Дверь распахивается настежь, и я молниеносно вваливаюсь в прихожую. Глаза мои полузакрыты, маскируюсь на всякий случай, вдруг пронесёт, и благоверная спросонок не заметит, какой я домой прибыл.

Вижу! Бог мой, какую-то незнакомую женщину с утюгом в руках. Она пялится на меня, я, изумлённо, – на неё. Меня как током стукнуло, вспомнил — накануне цыгане по городку шастали. Воровка, значит. От её наглости меня как в парилке в пот бросило. Думаю: ах ты цыганское отродье, мой утюг слямзить вздумала. Сделал строгое лицо и спрашиваю прокуренным, громовым голосом:

— Кто такая, куда жену подевала и зачем утюг потащила?

А она тонюсеньким голосом отвечает:

— Люся я, живу здесь... А вы кто?

От её нахальства меня нервная дрожь пробила. Держусь рукой за косяк двери, стараюсь всем видом

показать, что крепко на ногах стою, а сам на утюг поглядываю. От цыганки всего можно ожидать. Грозно рявкаю:

— Разберёмся. Утюг-то поставь. И давай топай отселе.

Поставила она утюг на пол, стоит, не уходит, чего-то ждёт, на меня глазищами зыркает. Не вовремя ты, красавица-цыганочка, на мою голову объявилась. Жена заявится — скандал будет... И за пьянку, и за гулянку. И доказывай потом свою двойную вину. Решил всё же ехидно так, со злорадной улыбочкой, её спросить:

— А, значит, Люся, ты теперь здесь живешь? А я по-твоему где? На Венере?

В ответ она нахально улыбается своими чарующими глазищами, разводит руками и с издёвкой тянет:

— Не знаю. Может быть...

Рассуждаю про себя: не применять же силу к нахалке. Цыганка тоже человек. Ищу место, где бы мне прикорнуть в уголке. Не на диван же ложиться. Сбежит цыганка с утюгом, да и жена ревновать будет. Огляделся по сторонам. Смотрю, на стенах обои заморские, каких я сроду не клеил. Трельяж ручной работы лакированный стоит. Куда, интересно, делся мой, огонь и воду прошедший, с разбитым зеркалом? И шифоньер двустворчатый, с позолоченной каёмкой явно не мой. Куда третья створка делась? Поперечная трещина на антресолях испарилась. Смотрю: на вешалке китель висит. На нём погоны майорские. Точно помню, что майора я не обмывал, капитаном уже который год похаживаю. Соображаю, на цыганку, или кто она там, поглядываю, врубаюсь помаленьку в ситуацию. А она улыбается, со смехом тянет:

— Я вас знаю, вы ошиблись... С кем не бывает. Ваш

дом следующий. Может быть…

Не попрощавшись, пулей выметаюсь из квартиры. Рассуждать и оправдываться мне недосуг. Глаза слипаются, ноги подкашиваются, распроклятый диван с подушкой и одеялом мерещится. Решительно вхожу в следующую девятиэтажку. Стучусь. Никто не открывает. Барабаню изо всех сил. Не открывает жена, как подзаборную собаку у порога на коврике расположить хочет. Не выйдет! Как отбойным молотком стучу в дверь. Вдруг мысль гадкая в голове пронеслась: пока я водку жрал, она хахаля привела. Прячет его, стерва! Кровь закипела в моих жилах. На моём диване, на подушке и под одеялом. Кто же он? Отошёл от двери и плечом хряк. Косяк прогнулся, а замок держит. Удивляюсь: когда Нинка замок новый вставила. Мой, огонь и воду прошедший, на одних соплях держался. То-то вчера про слесаря говорила. Вот теперь слесарят там вдвоём. Хахаль замок вставил, постарался оплатить услуги. Поганые, ох поганые мысли в голове. Возненавидел я свою благоверную. Кару ей придумываю. Тут сразу два мужика из соседних квартир выходят. Здоровые лбы. Морды дубовые, совершенно незнакомые.

— Ты, парень, чего, – спрашивают, – здесь колготишься?

— А вы кто такие? – зло и с вызовом отвечаю вопросом на вопрос.

— Мы местные, живём здесь. А ты где?

— На Венере, – отвечаю, и со злостью спрашиваю, – Что-то вас не признаю, ребята. Какого полка и роты? И куда жену дели?

— Из танкистов мы, а ты кто, жулик гражданский? Если не секрет, как жену зовут?

— Капитан я, а не жулик гражданский. А жену

Ниной зовут, поняли, Нинкой, – кричу им в рыло, готовясь к рукопашной схватке.

Поговорили они между собой. Слышу, один другому шепчет:

—Верно, её Ниной зовут. Пойми этих баб, может, и правда замуж вышла за этого чудика.

Подмигнули они мне по-мужицки и убрались восвояси.

“Вот тебе раз, – печально рассуждаю, – Не муж теперь, а чудик, и все мою Нину знают, подмигивают мне, как блудному коту, который чужую кошку обхаживает. Вторую пятилетку женат, а они, кобелины, меня повторно женят. На жене моей. Ну, Нинка, погоди, выведу на чистую воду. Развод теперь, только развод. Стыдобища какая!

Жалко мне себя неприкаянного стало. Хоть плачь. Рука потянулась к звонку. Вспомнил, что вчера отремонтировал, зря ногами дверь колошматил. Дзинь, дзинь, дзинь, – звенит. Звенит-то звенит, но совсем не как мой. Мой рявкнет — мёртвого разбудит. Неужели хахаль звонок поменял, делать ему нечего, что ли? Протираю свои зенки. Мама родная. Кнопка звонка чёрная, ручка серая, дверь новой краской покрашена. Все двери в подъезде другого цвета. Кубарем качусь вниз и вскоре вылетаю на улицу. Костерю на чём свет стоит всех женщин на свете. Особенно Люсю, которую за цыганку принял. Посоветовала черноглазая мне в следующей многоэтажке свою хату искать. Поверил – не проверил и снова влип. Благо, хозяйки дома не было, и ребята танкисты покладистые оказались. А на душе, верите ребята, соловьи поют. Отпустила боль от сердца. Зря я свою дорогую Нинку костерил, и правда чудик я. На радостях в голове просветлело на миг.

Теперь уже наверняка заруливаю в свою

девятиэтажку. Подъезд по клумбе определил, где в прошлую субботу до рассвета отдыхал. Жена к утру в квартиру пустила, дабы позора избежать. Лампочки не горят, темень. Отсчитываю этажи. Будто пятый. Теперь российский бардак костерю и всех строителей на свете. Нащупал звонок. Нюхом чувствую за дверью диван с подушкой и одеялом. Уверенно звоню. Дверь открывается. Мать родная! Командир моего полка, собственной персоной, в шлёпанцах и халате, недовольно усы поглаживает. Тут уж мне поганые мысли в голову не приходят.

— Извините, командир, – мямлю, – Темнотища, этажом ошибся.

Командир недовольно и снисходительно улыбается. Я ещё успеваю приложить руку к пустой голове, как дверь резко закрывается и я вновь лечу вниз. Мне уже на всё наплевать. Наверняка знаю, что теперь в своём доме и подъезде нахожусь. Осталось квартиру определить. Второпях до самого первого этажа просквозил. Снова поднимаюсь, спичками подсвечиваю. И так три раза. Совсем запутался. Уверенно звоню. Дверь открывается. И, Бог мой! Командир полка усами шевелит, грозно на меня поглядывает. Стою весь в поту, ничего не говорю. И он молчком вновь дверь захлопывает. А я, оболтус, хоть убей, с испугу не могу вспомнить на каком этаже командир живёт. Может, в клумбу завернуть? С утра народ трезвый на работу пойдёт, обнаружит, позору будет с головы до ног. Решил третью попытку сделать. Счет начал с девятого этажа.

Достал из коробки девять спичек. На этаж спустился — спичку долой. Чётко выходит. Топаю, довольный своей сообразительностью. Но нервы есть нервы. Решил перекурить на площадке. Спички пересчитал.

Пять штук. Из башки-то пьяной вылетело, что одну на перекур использовал. Теперь уверенно жму на звонок. Меня как будто ждали. Дверь резко открывается. Командир полка в чём мать родила, весь какой-то взъерошенный, зловеще шипит:

— Ну погоди... Завтра я с тобой разберусь, ещё только постучи, попробуй. Тебе этажом ниже, идиот. Пошёл отсель, мать твою...

Командир показал мне кулак и дверь на запор. Муторно у меня на душе стало. Хоть вой. Засветился на всю катушку. Люсю вспомнил: уж не замполита ли она жена? Будет мне завтра ещё одна баня, полковая. Спускаюсь этажом ниже, звоню. Стою ни жив, ни мёртв, уже не надеюсь на благополучный исход. И наконец-то слышу милый, добрый, родной, долгожданный голосок жены: “Кто там?”. Кто там, кто там? Ликую, пою про себя.

— Шурик, Шурик я, Шурик, – довольно шепчу, прислонившись к двери. – Открой, милая, это я, твой муж, пришёл.

Уже давно предбанник ходил ходуном. Мы все знали, что жизнь полковника полна приключений. Почему-то в эти минуты вспоминалось лишь весёлое, доброе и забавное. Правда или вымысел? Кто знает. Да и какое это имеет значение? Нам было до чёртиков хорошо вместе, а это самое главное. Были и другие рассказчики, но деда Белобородa мы могли слушать часами.

— Говоришь, Колян, ты по пьяне препятствие обойти не смог, сопротивление столбу оказал и в медвытрезвитель попал? Бывает такое. С перебору и со слоном в схватку вступишь. Хорошо в Африке нет “трезвушек”. Была у меня раз такая история. И смех, и слёзы. Только никому ни гу-гу. А то Нина Андреевна

прознает — обидится. А это мне ни к чему на старости лет.

Итак, дело было в Афгане. В середине "победоносной" войны, будь она неладна.

Кто был в Джелалабаде, тот слышал, что настоящий публичный дом на восточный лад в городе был. Семь девочек клиентов обслуживали. Знатоки говорили: пять девочек своих, доморощенных, и парочка — красавиц француженок. Сами знаете: нам русским в загранице всё интересно, особенно, этот самый "интим". А тут мусульмано-христианский проститутткооператив прекрасного пола. Интересно мне стало самому узнать, как в восточной загранице половой процесс идёт, какие отличия в этом деле. Над этими вопросами я ещё в юности ломал голову. Сами знаете: железный занавес, цензура и прочие прелести соцреализма. Времена были такие. Нельзя, не положено, не этично, порнографично. Бац тебе ярлык морально разложившегося типа. Поживи с ним. А тут такая фортуна. Главное, чтобы всё тихо было. Так что, ребята, война войною, а девочки девочками.

На совете ребята решили меня направить в разведку. В случае удачи нагрянут гуртом, а там хоть трава не расти. С толпы спросу меньше. Напялили на меня модную "гражданку", решили под партийного советника скосить. Пистолет в кобуру, автомат на плечо, гранату в карман — и бочком через проходную. Часовые? Да они за афгани тебе всё продадут. Плати деньги и ступай куда хочешь. Хоть на аэродром, хоть с аэродрома. А мою русскую морду с афганской не спутаешь.

Сами знаете, партийные и комсомольские советники любили по Афгану шастать, правда там, где не стреляют. В горах их днём с огнём не сыщешь. Поймал

я попутный грузовичок и благополучно прибыл в центр города. Базар кругом шумит, народ во всю кричит. Люди ходят туда-сюда, вперёд-назад. Торгуются, бранятся. На меня, с ног до головы вооружённого, искоса поглядывают. Стою, как истукан, не знаю, в какую сторону податься. Одного солидного, с длинной бородой, с виду добренького, спрашиваю: "Ханум "чик-чик", где это?" Не понимает, он, на меня, как на инопланетянина пялится. Я ему тогда на проходящую бабу в парндже показываю и движение, эдакое, сексуальное делаю. Дошло до олуха. Замахал руками, чуть не креститься стал, басурманин. В проулок, не попрощавшись, от меня нырнул, как от прокажённого. Не повезло с первым. Правоверным мусульманином оказался. Теперь выбираю тощего оборванца, местного пролетария. Думаю, этот меня поймёт вмиг. Я пальцами щёлкаю, языком чик-чирикаю, а он за мной повторяет, как попугай. Наконец за рукав меня тянет, глаза сверкают, обниматься лезет. Ну, думаю, понял. А он бьёт себя кулаком в грудь и гордо повторяет: "Коммуниста я, коммуниста я, партия". Горько вздыхаю, понимаю, что на идеологического друга нарвался. Кое-как от него отвязался.

Я третьего беру за шиворот, четвёртого. Пятый мне деньги в нос суёт, автомат купить хочет. Этому чуть в зубы не дал. Разозлили они меня до невозможности. За своего барыгу, торгаша оружием, приняли. А жара стоит — спасу нет. В горле пересохло, как в пустыне Сахара. Честно скажу: мне уже не до баб этих заграничных.

Решил сделать перерыв, в ресторан местный заглянуть. Узнать, как насчёт выпивки за границей дело поставлено. По горлу только пощёлкал, сразу сигнал поняли. Видимо, тут полный интернационал.

Подвальчик мне уютненький указали.

Захожу. Лепота! Прохладно, жареным мясом пахнет. Большой зал, длинный стол и сплошные деревянные скамейки по бокам. Весь интерьер. На скамейках чинно восседают длиннобородые старики и "чаи" гоняют. Сажусь рядом, автомат на стол, в зубы сигарету, ногу на ногу и щёлкаю пальцами: Официант!. Подбегает пацанёнок лет двенадцати. Ей Богу, по-русски не хуже меня шпрехает. Кланяется мне, как барину, кричит:

— Шурави кушать будет, шашлык будет, кишмиш будет?

В тон ему отвечаю:

— Бутылки неси, шашлык неси, стакан неси, бабу неси — ханум, по-вашему.

Чертёнок всё понял, глаза вылупил, хихикает:

— Водка есть, шашлык есть, стакан есть, бабаханум — нет. Нет бабаханум.

— Чёрт с ней, с бабаханум, – говорю. Со злости сразу полстакана водки трахаю.

Что смеётесь? У нас в Союзе это слово недавно блудливый смысл приобрело. Слово "трах" военное. От детского "трах-бах" произошло. Грамотеи вы мои. У нас в деревне мужики говорили, когда выпивали, всякое: тяпнуть, трахнуть, треснуть, жахнуть, вмазать, дёрнуть. Теряете вы, молодежь, первоисточник русского языка, поганите подленьким смыслом великую мужицкую речь.

Короче, наклюкался я, как мой кот Василий Валерьянович. Встал из-за стола, а у меня задницу, как у кота после валерьянки, заносит. Старичков из-за стола как ветром сдуло. Думаю: к чёрту всех проституток заграничных, пора к своим бабам подаваться. Свои есть свои. Время к вечеру, а я один

как перст. Иду по центральной улице и мыслишка такая скверная в мозговых извилинах родилась: поди давно меня "духи" приметили, где-нибудь за углом нападение готовят. Тут окончательно водка в голову вдарила. Все прохожие стали мне подозрительны. Снял я автомат с предохранителя, положил указательный палец на спусковой крючок, иду, автоматом поигрываю, ловко, как циркач, через плечо на ремне кручу. Все встречные от меня шарахаются и я сам себе смелым воякой кажусь. Уверенность появилась. Хорошо ствол назад, в землю повернул. Случайно пальцем на курок нажал. Автомат на плече тук-тук, пули по асфальту вжик-вжик, народ в стороны прыг-прыг. От шума я перепугался и целую очередь бабахнул. И не одну.

Вмиг улица опустела. Я на живот бряк. В одиночестве на середине дороги лежу, глазами по сторонам зыркаю, стволом автомата вожу. Жду нападения противника. Кое-как доходит до меня, что нет противника, это я сам шум поднял. Слышу, сирена гудит, комендатура пылит, брать меня будут. Куча неприятностей ждёт в полку. Сейчас облаву сделают и меня с моей славянской физиономией, вооружённого до зубов, первого возьмут. Мне такая перспектива ни к чему. Решил дать дёру. Вскакиваю на ноги и заруливаю в ближайший закуток, благо, в городе улочек полно. Несусь, автомат к животу прижав. Навстречу люди попадаются, на колени падают, вылупив глаза, в щели прячутся. Одна баба в парандже с кувшином на голове так и застыла посреди дороги. Как ураганом я её смёл, только зелёные шаравары из-под цветной юбки сверкнули и с башки кувшин кувыркнулся. Какая она из себя ханум так и не разглядел. У страха глаза велики — мигом на окраину города выскочил вблизи дороги в свою часть. Теперь

меня в городе ловят, в часть нельзя — тревога там. Непременно афганские "ментяры" заложили, что в городе пьяный "шурави" вооружённый шастает. Попробуй теперь внятно объясни, за каким хреном я в город попёрся. Не водку же жрать. Её милой и в части сколько душе угодно. Надо выждать время и осторожно, по-пластунски, к своим пробираться. Вышел я к последнему дувалу, нервы успокоились, на сон тянет. Примостился в траве у стеночки и уснул сном младенца. Разбудил меня командир полка, старый знакомый. Тот самый, усатый, мы вместе с ним в Афган загремели. Он не слишком удивился, хорошо зная меня и мои выкрутасы. Пришлось ему всю правду-матку рассказать. Оказывается, я всю ночь дрых, а афганец — хозяин дувала — мой сон охранял. Он и в часть сообщил, где меня мои обеспокоенные друзья всю ночь ждали. Дав мне выговор, комполка сказал:

— В одном молодец, что пьян был, но автомат под пузо положил, пистолет и гранату — под голову. Оружие берёг, как зеницу ока, стервец эдакий.

Потом долго меня ребята пытали: что, где и как. Я делал умную рожу и отвечал:

— Хорошо было, жуть. Попробуйте сами.

А потом мы уехали по замене. Теперь есть, что внукам в старости рассказать. Не всё же о войне. Правильно говорю?

И вновь раскатистый смех голых мужиков огорчил старенькую, щупленькую уборщицу, которая подозрительно хмыкнула и заявила:

— Счас милицию позову, напьются алкаши и безобразничают бесстыдники. И чё целый час смеются, только Богу известно. Обувайтесь, и проваливайте через дорогу. Имейте совесть, и другим мыться надо. Вон очередь какая.

Дед Белобород умиротворённо прижимал пальцы к губам, с серьёзной "физией" на лице извинялся перед бабкой, вызывая новый взрыв смеха. Лицо бабки подобрело, и уже беззлобно она проговорила:

— Солидные вы все мужики, из офицеров, слышала краем уха ваши россказни. Идите в пивнушку, там хохочите, там это разрешается. А здесь общественное место. Понимать надо.

Мы слушались славную старушку. Одевались, переходили улицу и по крутым ступенькам спускались в глубь пивбара. Лениво тянули из кружек пенящееся пиво, закусывая белой селёдкой и ржавым сыром. Нещадно смолили сигареты, с ожиданием поглядывая на полковника.

Он залпом выпивал пару кружек пива, долго смаковал селёдку и наконец-то закуривал сигарету, блаженно прикрыв глаза. Ему было пятьдесять шесть лет. А лётного стажа — пятьдесять восемь лет. Полковник любил ошарашивать этим фактом незнакомых людей.

— Тружусь с утробы матери, – заявлял он, – всё в горячем цеху. Вначале самолёты, потом вертолёты.

Рассказчик он был отменный. Живая, ходячая, неунывающая энциклопедия армейских приколов. И верили мы ему бесконечно.

— И смех, и слёзы, мужики. Случай вспомнил. Только никому ни гу-гу. Снова в Афгане дело было. Хотите — верьте, хотите — нет, случилась со мной такая история. Отмечали мы отвальную с заменщиками в первый день по приезде в Джелалабад. В Афгане вода дрянная, сами знаете, с непривычки живот пучит. Я резко в разнос пошёл. Выскочил на улицу, огляделся. Вижу знакомое строение, а на входе лампочка мерцает. Я прямым ходом туда. На ходу амуницию скидываю и

по-привычке занимаю самую дальнюю кабинку. По ходу удивляюсь, что кабинки дверками оборудованы. Такого в Союзе, пока платные туалеты появились, не встречал. Думаю: это я на Запад, в цивилизацию попал.

Примостился удобно, закурил, и не спеша своё дело делаю. Вспомнилось мне, как в мою курсантскую бытность я в курьёз влетел. Было дело на курсе молодого бойца.

Нам объяснили, что первое правило из премудростей военного дела — это отдавать честь всем, везде и всегда. Младшие по званию старшим и друг другу. По команде "Смирно" незамедлительно принять строевую стойку, как в помещениях, так и на улице. С утра до вечера первые три дня мы занимались отдаванием чести прапорщикам, лейтенантам, друг другу, столбам, деревьям и прочим объектам. На месте, шагом, одиночно, строем нас муштровали до отупения в мозгах. Вечером наконец-то сдали зачёты. Одуревшие от августовской жары и "шагистики", нажрались неспелых зелёных груш. Через час наперегонки отделение двинулось к отдалённому зловонному помещению. Я примостился на одной из первых дырок, без каких-либо дверей и запоров, перегороженном фанерой многодырочном туалете. Перед глазами находился сточный жёлоб для тех, кто по малой нужде. Сижу, переговариваюсь с друзьями, обсуждаем новую курсантскую житуху. Вижу, входит наш комбат. Думаю, тоже не удержался, груш поел. Он к жёлобу подходит, шарит пальцами по брюкам и скромно пристраивается напротив меня. Я всех ближе к комбату и по теории мне немедленно надо подать команду. Я кривлюсь, отвожу глаза, судорожно решаю вечный вопрос: "Что делать?".

Тут комбат искоса бросает на меня взгляд и мне

мерещится горький упрёк в его глазах. Я заворожённо гляжу на пенящуюся в жёлобе мочу, резко вскакиваю, вытягиваю руки вдоль голых ног и виноватым голосом дико кричу:

— Встать! Смирно. Равнение на середину!

Слышу шелест в соседних кабинах. Успеваю сделать вывод, что это шуршат штаны моих новых друзей. Всепожирающим взглядом ем комбата, жду его ответной команды. От моего крика подполковник вздрагивает всем телом, прекращает своё занятие и совсем не командирским голосом, обращаясь ко мне, шепчет: “Вольно, вольно, вольно”.

— Вольно, – кричу пуще прежнего, опускаюсь на корточки и подтягиваю штаны. В соседних кабинах происходит аналогичная процедура. В наступившей тишине слышу весёлый смешок комбата:

— Напугал, товарищ курсант. Знайте, ребята, что в туалете, бане, кинотеатре, на транспорте и, конечно, в постели, команда “Смирно” не подаётся. Вам понятно?

— Так точно, – кричу, и вскидываю руку к виску. Вновь валятся вниз штаны и я, уже в одиночестве, с голым передком торчу перед комбатом по стойке “Смирно”.

— К пустой голове рука не прикладывается, товарищ курсант, и честь в сортире не отдаётся. Поняли?

Еле удерживая смех и забыв застегнуть ширинку, подполковник направляется к выходу. Не замедлив, я напомнил ему вслух об этом.

Остолбенев от моей дурости или наглости, пробормотав “спасибо” он удалился.

Я на прощание говорю “пожалуйста” и облегчённо вздыхаю, успокаивая себя тем, что всё сделал по Уставу. С минуту в туалете стояла напряжённая

тишина, взорванная хохотом десятка глоток. Больше всех смеялся я сам. А комбат потом избегал меня с полгода. На выпускном вечере вспомнили, мило поговорили. С тех пор и прозвали меня полковником. За руководство комбатом в чине подполковника.

Вот такие приятные воспоминания пришли мне тогда в голову.

А дальше произошло... И смех, и слёзы. Сижу, вспоминаю былое и неожиданно слышу женские голоса. Думаю: куда это болтливые сороки на ночь глядя попёрлись. А каблучки тук-тук и прямёхонько к туалету. Знаю, что на Западе на пляже голышом щеголяют, но чтобы общий туалет сделать без поперечной заградительной стенки! Такого в моей жизни слышать и видеть не приходилось. Слышу, внутрь вошли, шушукаются между собой. У меня волосы на голове встали дыбом, руки затряслись, замер, сижу — не дышу. И живот болеть перестал. Слышу, кто-то у моей кабинки остановился и скребёт по верху пальчиками, пытаясь дверку открыть. Не тут-то было! Вздохнул протяжно, предупредил, что место занято.

— Ой! – взвизгнула одна из вертихвосток, – Тут кто-то есть.

— Какая разница, занимай соседнюю и подкурить попроси, – отзывается напарница.

Не дожидаясь просьбы я зажигалку подаю. Руки у меня волосатые, держу зажигалку двумя пальцами. Ловко забираю обратно левой рукой, а правой дверку кабины держу. Скрипят половицы соседнего очка. Сижу ни жив, ни мёртв, забыв, за каким чёртом сюда припёрся. Соседка вздыхает:

— Темень-то какая, только одна лампочка горит. Знала бы — не пошла.

— Куда бы делась, – смеётся другая, – женская уборная одна на весь городок.

— Хорошо быть мужиком, – вздохнула соседка. – Везде у них преимущества, даже в таком деле.

И пошли, поехали балаболки мужские косточки перемывать. Правда, мне не до их болтологии. С ужасом понимаю, куда меня чёрт занёс. Кто узнает — опозорят на весь полк. Втихаря амуницию на себя напяливаю, стараюсь железяками не бренчать. У баб всё на резинках, не как у нас. Нашёл кому завидовать, ругаю себя. Застегнулся, жду момента дёру дать. Одни приходят, другие уходят, и всё группами. Лампочка проклятая не перегорает. С полчаса сижу на корточках, боясь голову поднять. Три подруги встали на входе и тары-бары разводят. Нашли место сокровенные тайны рассказывать. Мне из моей кабинки всё видно и слышно. Осмелел я, выглядываю из щёлки иногда, лица красавиц запоминаю. Вдруг одна прямо к моей кабинке направилась и хвать рукой за дверку. Я её бац по пальцам и верещу тонюсеньким голоском: “Занято, занято”. А она в ответ:

— Не ори, не глухая. Расселась тут, как на базаре, полчаса сидишь, пронесло видать. Ладно, я подожду, моё облюбованное место, засранка, заняла. Освобождай поскорей.

Тут я запаниковал. Давно сижу, подозрительно. Как быть — ума не приложу. В щёлку вижу — стоит длинноногая, которая прётся в мою кабинку, с ноги на ногу переминается. Невтерпёж ей. Возненавидел я её, рыжую. Как будто не может занять любую свободную. Какая разница, в какой кабине это дело делать? Ох, опозорит сорока на весь полк. Попробуй кому потом

объясни, что я в женском туалете битый час делал. Скажут сидел, подглядывал, кайф ловил.

И тут меня осенило. У нас в стране везде количество, а не качество. Значит, и доски задней стенки прибиты тяп-ляп. Тут же проверяю догадку. Ну и умник я. Одна доска отрывается. Рассуждать мне недосуг. Эх, была не была. Правой ногой бац, бац! Сразу несколько досок выбил. Шум стоит страшный, девчонки орут, словно их режут. А я, как медведь из берлоги, на волю вылажу и даю ходу куда глаза глядят. И надо же, прямёхонько в другой туалет попадаю. Нутром чувствую, что свой, мужицкий. А в животе знакомые позывные. Чей-то басистый голос раздаётся:

— Чего они там раскудахтались?

— Шут их знает, – отвечаю, с удовольствием присаживаясь рядом. – Им палец покажи — до утра тарахтеть будут, вертихвостки, одним словом.

Кто-то очередной заскакивает к нам, кричит:

— Умора, кто-то к бабам в туалет забрёл. Пьяный, что ли был. Одна рыжая прибежала в модуль, кричит: “духи, духи”. Мы рванули к ним с пушками в руках, а там никого. Но кто-то заднюю стенку проломил и ушёл. Не зря орали. Только нашли дурака-духа из-за бабьих задниц жизнью рисковать. Тоже мне, секретный объект. Свой был, не иначе кто-то из новеньких забрёл.

Потом несколько ночей лётчики сопровождали женщин в туалет. Напугал я их здорово.

Да закрытия пивбара рассказывал дед Белобород свои армейские приколы. И смешные, и горькие. Всего помаленьку. Над городом опускались сумерки, когда они вышли на улицу. Долго прощались на автобусной остановке и разбредались каждый в свою сторону.

Расходились, чтобы через недельку встретиться вновь. В баньке, возле пивбара. Вновь услышать родное и знакомое «белобородовское» “И смех, и слёзы”.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ВОЙНУ

НА ПУТИ В МОЗДОК

Ярким солнцем, заснеженными горными вершинами и массой всколыхнувшихся воспоминаний о той, Афганской, войне встречает меня Владикавказ.

Самолет произвел посадку, беру такси и мчусь в гостиницу. вечером брожу по городу. Везде русская речь, люди вежливы и гостеприимны. А утром весёлый таксист мчит меня до первого блокпоста на пути в Моздок. Затем пересекаю границу Осетии.

Однофамилец президента Ингушетии лейтенант Аушев польщен моим подарком, экземпляром газеты «Литературная Россия», и удивлен:

- Вы первый из журналистов, кто рискнул уехать в Моздок на попутках, но не волнуйтесь, я предупрежу следующий блокпост.

Он останавливает старенькие «Жигули», что-то деловито объясняет водителю и жестом приглашает в кабину, потом вновь поворачивается к шоферу: «Смотри не балуй. Через двадцать минут мне доложат». на прощание поясняет:

- Чеченец, ездил в больницу за женой. Не волнуйтесь, он за вас головой отвечает.

- Вообще, на чеченцев мне в дороге повезло. Я ехал

в военной форме без знаков различия, и ко мне относились уважительно. В освобожденные районы Чечни шла колонна «КамАЗов» МЧС, Рядом с водителями сидели женщины и дети. И так каждый день. На выезде с очередного блокпоста стоят группки бедно одетых людей, которые возвращаются своим ходом. Со стороны Чечни подъезжает автотранспорт и забирает их.

...И вновь меня подсаживают в машину к чеченцам. Знакомлюсь с тремя молодыми мужчинами На всякий случай сую свободную руку за пазуху, где через куртку оттопыривается тостая записная книжка. На Востоке уважают силу и оружие. Чеченцы косят взгляд на мою руку, один не выдержав, говорит: «Пугач в кармане? Без пушки здесь опасно». «Мы коммерсанты, ждем освобождения Грозного, всем надоела эта война». Минут десять говорим о Басаеве, Хаттабе, Дудаеве, Масхадове, о будущем Чечни. Интересно мнение молодых чеченцев, к которому стоит прислушаться российским политикам. А оно такое. В Чечне обязательно во главе республики должен быть человек, назначенный центральным правительством. Иначе кланово-родовая система управления будет постоянно сеять раздор и вражду.

И для себя делаю горький вывод. Нашей “дикой” демократией мы добились того, что имеем. Упадок нравов, духовности, культуры и как следствие — преступность проституция, пьянство, наркомания. Чечня стала проблемой политического просчета Центра. Вывод тут один. Нужна власть. Сильная власть, честная власть. И в Центре, и на местах, тогда будет порядок в стране, тогда будет демократия. И об этом говорили ребята-чеченцы. Жаль, дорога была недолгой.

Снова блокпост, и, помахав на прощание рукой, они уехали в свою замордованную войной республику. Все идет своим чередом. Жизнь продолжается.

ВЕРТОЛЕТНАЯ ПЛОЩАДКА «ТАРГИМ»

Пресс-центр группировки российских войск.

Вот и Моздок. Быстро соображаю, что столичную журналисткую братию здесь не ахти как жалуют. У самих проблем по горло. Пускаю в ход козырную карту. Мимоходом объясняю, что я из рода вертолетчиков, повоевавших в Афгане и написавший об этом книгу. Все вместе производит положительный эффект. И я приобретаю статус своего человека.

... На местожительство и довольствие я определился в вертолётный полк, в свою родную стихию.

Его командир, "нарушитель" спокойствия грузинского президента Шеварднадзе, Герой Советского Союза, теперь России, полковник Николай Майданов. Встретил знакомое лицо - через двадцать лет! - полковника Алмаева Амира Дамировича. Мы вспомнили былое, погрустили. Спать меня опредили на второй ярус, на свободную койку. Удобная была позиция наблюдать за бытом летьчиков и прислушиваться к их вечерним разговорам. Больше говорили о работе, вспоминали первую Чечню, грустили о доме, о детях. И не было в их беседах никакого гражданского жаргона, где все сводится к деньгам. Там я действительно услышал и увидел воочию русскую славу, честь и совесть, почувствовал себя среди своих, настоящих мужиков. Эти семь-восемь дней были одними из лучших в моей жизни. Сотни офицеров разных родов войск достойно выполняют свой воинский долг. Тысячи солдат живут идеей

победы, воюют не за страх, а за совесть. Как наши отцы, как наши деды. И руководят военными отличные генералы: Казанцев, Шаманов, Трошев. Со всей ответственностью заявляю, что группировка Российских войск на северном Кавказе достойны похвалы, высокой оценки.

...Я был принят пятым членом экипажа вертолета и мне даже выдали справку, что в период с 1. 12. 99 г. по 9. 12. 99 г. выполнял поручения по информационному обеспечению боевых задач отдельного транспортно-вертолетного полка. Честное слово, я горжусь этим доверием.

Мы пролетали Терек, прошли вблизи столицы Ингушетии Назрани. Оба города в сравнении с провинциальными российскими городами выглядят красивыми картинками, особенно Назрань. Шикарные современные особняки занимают значительную часть города. невольно приходить в голову мысль, мягко говоря, о неискренности руководителей в их стремлении получать побольше помощи из Москвы. Тёплый край, плодородные земли, работящий, желающий трудиться народ. Но клановая система, "халявные" дотации из Москвы, отсутствие твердой единой политической воли вот она, почва для спекулятивных идей «самостийности» современных удельных князьков от Тихого океана до гор Кавказа.

Вертолет с набором высоты проходит населенный пункт Тарское, входит в глубокое ущелье, пересекает границу Чечни и по руслу реки Асса мы летим строго на юг. Приземляемся вблизи пограничной заставы на плато в шести километрах от границы Грузии. Вокруг на вершинах гор расположены точки прикрытия, глядят в небо стволы зенитных установок. Движутся

колонны автомашин, клубиться пыль под траками танков, дымят полевые кухни, роются окопы и блиндажи, устанавливаются новые ряды палаток. Кипит обычная рутинная работа. Как на любой войне.

Берем на борт группу офицеров и летим на северо-восток, в глубину гор. Вблизи отметки высоты 2162 метра в предгорье хребта Мордлам вижу полевой стан. Перед глазами возникают овечьи загоны, стадо коров, приземистые каменные постройки домов, где живут пастухи. Выше всех строящийся из красного «заморского» кирпича великолепный замок с выбитыми глазищами окон и сквозными пробоинами в стенах.

ВЫСОКО В ГОРАХ

-Перевалочная база «духов»,- поясняет молодой полковник. - Вчера накрыли «сухарики». Мы высадили десант. Обнаружили четыре трупа, все арабы..

Кругом лежат стройматериалы, несколько иностранных упаковок стекла, шифер, штабель обрезной доски, длинные трубы, стопки кирпича, сварочный аппарат, электроагрегат, бензопила и куча всякой мелочи. Строились основательно, надолго. Позади лежали трупы убитых боевиков, с шевронами «Армии генерала Дудаева» на рукаве. Внизу суетились двое русских мужиков, собирая в рюкзаки свои нехитрые пожитки. Обоим за шестьдесят. Первый, Иван, уже три с половиной года батрачит на «хозяина», которого зовут Саладек, получившего образование в Москве. Хозяин, наезжает раз в месяц: мясо и другие продукты поставляются на кормежку боевикам. А особняк, по словам бывшего пленника,строился для родственника Дудаева бригадой грузин, которым хорошо заплатили. Иван отвык пить, курить, совсем обносился, питался все это время чем Бог пошлет. Взгляд устремлен строго в землю. Он привык не поднимать глаз на хозяев, не дразнить их. Бежать было бесполезно, кругом горы. Поймают—сразу убьют. Вот так и выжил, необходимым, незаметным человеком. В Грозном ещё хватало русских рабов. Три месяца назад схватили второго пленника, Виктора, и привезли сюда, в помощники Ивану. Свою семью он успел отправить в Россию, и тут война. Когда десантники посадили их в кабину вертолета, Виктор перекрестился и громко крикнул: «Прощай, Чечня!Будь ты трижды проклята! Да здравствует Россия и русские солдаты-освободители!». Иван лишь утвердительно

мотал головой, уставившись взглядом под ноги. Он и сейчас всего боялся, хотя в его глазах светилась радость и надежда. А на следующий день мы полетели в самый опасный горный район. Произвродили инженерную разведку местности в районе реки Аргун, в трех километрах от границы Грузии. У этой истории есть яркая, незабываемая предыстория.

17 ноября 1999 года был аналогичный вылет. Транспортный вертолёт сопровождала пара боевых машин. Производили разведку и съемку местности. Вблизи грузинской границы были обнаружены две базы боевиков. Внезапно с базы, которая на территории Чечни, по вертолетам открыли огонь зенитные установки.

На транспортном вертолете огнем был поврежден балкодержатель. Лишь чудом был не задет топливный бак. Командир вертолета отдал приказ открыть ответный огонь.

Об этом случае писали газеты, не умолкало телевидение, возмущался Шеварднадзе, ехидничал Запад. Летчиков обвинили в нарушении границы и уничтожении мирных грузинских жителей. Экипажи засадили писать объяснительные. Назревал мировой скандал. Но подвели президента Грузии его «очевидцы», наблюдавшие за поединком вертолетчиков и боевиков, что и послужило источником ложной информации. Россия утверждала, что база уничтожена на собственной территории, Грузия стояла на своем. Начальник Генерального штаба генерал армии Квашнин был вынужден открыть козырную карту. Весь бой был снят специалистом на видеопленку, что и было предъявлено следствию. Утром построили лётчиков и вручили всем ценные подарки. Разведка донесла, что

база была уничтожена полностью, погибло 57 боевиков.

А в этот день у полковника Майданова был праздник годовщина свадьбы. Вот так и отметили. Разгром базы и памятная дыра в балкодержателе. Балку сменили полностью.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

И вот мы вместе в том же районе. Майданов долго осматривает местность. Вертолет делает круг за кругом и что-то сдерживает командира от режима снижения. Все происходит как в прошлом полете. Один в один. Борттехник отрицательно машет рукой, правый летчик предлагает не рисковать. И командиру надо принимать немедленно окончательное решение. Но противник ускорил события, не выдержав, первым открыл огонь.

Слышится громкий крик бортстрелка Юрия: «Командир! Бьют справа, уходим!».

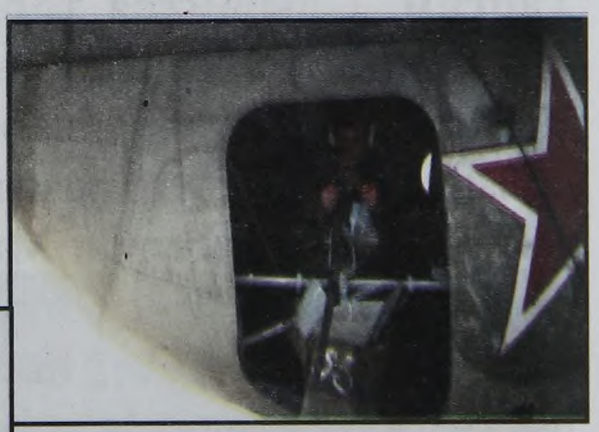
И тут же раздался унылый голос борттехника: «Я же говорил, не снижаться. Не всех «духов» накрыли в прошлый раз».

Командир разворачивает вертолет. Строчат три пулемета: борттехника, бортстрелка, в дверном проеме грузовой кабины опытного десантника. Майданов ловит в прицеп злополучную базу боевиков и выпускает пять залпов ракет. Все сорок снарядов уносятся к земле, и вертолет берет обратный курс на площадку Таргим. Слышится тоскливый голос борттехника: «Командир, еще раз пойдем? И как сегодня, без прикрытия? Не услышав голоса Николая, он грустно добавляет: Третьего раза не бывает...».

Через минуту, Майданов проговорил в эфир фразу: “Только русский Иван три раза наступает на одни грабли”. До посадки все молчали. Когда прекратили вращаться лопасти, осмотрели вертолет. Сразу обнаружили пробоину в первой лопасти. Били из крупнокалиберного пулемета. Поменяй стрелок прицел на десять сантиметров и пуля угодила бы в усилительный элемент (лонжерон). Тогда бы... Об этом лучше не думать.

Себя в этот момент я чувствую, как пятнадцать лет назад, после посадки с пробоинами в хвостовой балке в Афганистане.

Трудяги всех локальных войн второй половины двадцатого века. Скромные русские офицеры, я преклоняюсь перед вашим гражданским подвигом воевать и погибать в мирное время. Своей кровью, жизнью прикрывать ошибки, просчеты и коварные делишки горе-политиков. Я восхищаюсь и горжусь русскими солдатами-десантниками, с которыми летал в горах Чечни. Их мужественные лица так схожи с молодыми лицами бойцов Афгана. Они умны, дисциплинированы, они - достойная наша смена.



В ВОЙСКАХ ГЕНЕРАЛА ШАМАНОВА

И еще один рабочий день в расположении штаба Западной группировки войск легендарного генерала Шаманова. Поселок Мичурино, в двух километрах от населенного пункта Урус-Мартан, вотчины ваххабитов, командный пункт около стены дома, с широким обзором. Один стул, на котором сидит командующий, столик, карта боевых позиций. В руках— карандаш, уткнувшийся остриём в необходимую точку.

Немногословные команды офицерам, корректировка огня артиллерийских батарей и жесткий приказ: «Бить, бить артиллерией и танками. Поможет и авиация, долбить их до посинения. Главное - беречь наших солдат. Поняли? Атаковать в крайнем случае. Задача ясна? Выполняйте».

За день командующий облетает на вертолете передовые позиции своих войск. Вертушка садится на безопасном удалении от противника. Шаманов, как и все, шлепает ногами по грязи, местами едет на бронетранспортере, непосредственно сам руководит войсками, действительно, не кабинетный, а боевой генерал.

Вечером приземляемся на дорогу вблизи поселка Гехи. Командующий терпеливо ждет представителей мирных жителей. Боевое охранение пропускает белую «Волгу». Из машины выходит человек. Пытается взять инициативу разговора на себя. Шаманов терпеливо слушает и вдруг резко прерывает: «Кто ты такой? Кого представляешь? Где твои люди? Лично мне ты не нужен. Понял? Нет? Повторяю! Лично мне ты не нужен. Говоришь, гордые вы люди? Какие вы гордые, если арабов и ваххабитов собой командовать допустили.

Теперь просишь помощи. Это значит, тебя, такого гордого человека,русские солдаты из-под Рязани, Тулы, Костромы должны из беды выручать? Даю тебе срок до 12 часов дня. Завтра ты и с тобой двадцать человек встретимся на этом месте. Тогда есть смысл с тобой говорить. И не бойся никого. Мы тебя в обиду не дадим. Но если опять сядешь на два стула... Ты меня знаешь, пощады не будет. Все, завтра в 12.00 быть, где я сказал свободен».

На следующий день над поселком развевалось Российское знамя. Легендарные генералы Казанцев, Трошев и Шаманов давали интервью Российскому телеканалу. Телекомментатор Александр Сладков поздравлял трио с присвоением им всем троим звания Героев России. Я наблюдал со сторны, и радостно было на сердце. Есть честные, порядочные генералы. И, поверьте, их большинство.

ЦВЕТ АРМЕЙСКОЙ АВИАЦИИ

Через полтора месяца я снова в Чечне. Бывшем родном вертолетном полку. Потери, утраты, боль, тоска, постоянное чувство печали и скорби.

О вас, Героях Советского союза, генерал-полковник В. Павлов, полковник Н. Майданов, полковник А. Рейлян, офицеры И. Тимохин, А. Дзюба, В. Макаренко, В. Буганков, В. Каюмов, И. Соболевский, Л. Макаренков, С. Барыкин, В. Акулич, И. Баранов, В. Ковтун, Ю. Юрков, С. Емец, Ю. Деревянко, А. Умаров, И. Глазунов, С. Григораш. О ваших подвигах, жизни и смерти в лице полковника Майданова, пойдет речь.

После Афганской эпопеи я полгода приходил в себя. После второй Чеченской командировки мне понадобился целый месяц, чтобы взяться за перо. Знакомые по первой командировке лица погибших ребят врезались в память и некуда деться от их скорбных глаз.

Тяжелое “похмелье” всех этих пятнадцатилетних военных событий останутся в моей памяти уже навсегда. Это мой тяжкий груз, почетная ноша, это приказ свыше, это моя жизнь и судьба.

2 февраля на Серафимовском кладбище в г. Санкт-Петербурге был похоронен летчик Николай Саинович Майданов, погибший в Чечне 29 января 2000-го года. Все центральные средства массовой информации, в разной интерпретации, трое суток передавали черную весть, а потом, как и следовало ожидать, резко забыли о человеке.

Сегодня в России очень много смертей. Мы привыкли, стало обыденным хоронить десятками, не побоюсь этого слова, героев локальной гражданской войны на Кавказе. Вы слышите, люди, страшное слово? Пока еще локальной гражданской войны.

Гробы из Чечни — это последнее предупреждение всем нам, живущим на 1/6 части суши бывшего Советского Союза. Плохо в России, плохо на Украине, в Таджикистане, Казахстане... Плохо во всём мире. Надо менять жизнь, менять страну, нашу молодёжь, нас самих. Лучше поздно, чем никогда, вспомнить о величии Родины, вечности мироздания, название которому— Вселенная.

Я расскажу о Николае Майданове и его соратниках вкратце, всё что знаю.

А вам, землякам и современникам, судить: стоит ли помнить об их подвигах и ставить ли им памятники на нашей земле.

Николай родился в 1954 году. В 1980 окончил Саратовское военное авиационное училище лётчиков. В первый раз в Афганистан уходил из г. Могочи (Забайкалье), служил в Касимово под Петербургом, потом в г. Джамбул. В 1998 году принял командование полком в станице Егорлыкская, Ростовской области. Прошёл два Афганистана.

В 1988 году получил звание Героя Советского Союза, награждён орденами Ленина, Красного знамени, Красной звезды, "За службу Родине" III степени. За Чечню представлен к званию Героя России,но вряд ли получит. Нет человека, нет проблем. Участвовал во всех основных

"дерьмовых войнушках" послевоенного времени. Теперь, когда наш Саинович погиб, летчики говорят, что винтокрылые машины Федеральной группировки Российских войск осиротели.

На снимке: герои-летчики России
- слева второй, погибший полковник Н. Майданов,
- справа второй, командующий армейской авиации генерал-майор В. Павлов.

ТАКАЯ У НАС РАБОТА

Невезуха началась в ноябре.

В одном из полётов крупнокалиберная очередь прошила балкодержатель. 17 ноября крупный пограничный скандал на российско-грузинской границе. Тогда экипаж полковника Майданова уничтожил крупную базу боевиков. Уже нечем было награждать легендарного лётчика (сейчас не принято вешать дважды и трижды Героев) и начальник Генштаба Квашнин вручил лётчику именные золотые часы.

3 декабря опять пробоина в лопасти несущего винта. Лишь чудо спасло экипаж от гибели.

Мне суждено было окончить одно военное училище с Майдановым. В разное время служить в далёком Забайкалье, бороздить небо Афганистана и вместе летать несколько дней в горах Чечни. Я благодарен судьбе за это. 9 декабря закончилась моя первая командировка в Чечню, и мы договорились, что я вновь приеду в конце января. Весьма возможно, что в день его гибели я мог быть на борту вертолета, летал я только с Майдановым. Его величество случай поменял мои планы. Николай три раза звонил из Моздока и мы окончательно договорились встретиться 5 февраля в г. Владикавказе. Он сам должен был прилететь на вертолёте за мной. Об этом знал весь полк (7 февраля был день рождения командира).

Мы встретились... 2 февраля, в церкви г. Касимово. Он — в парадном мундире, при орденах — в гробу, а я — с фотоаппаратом в руках и со слезами на глазах — рядом с его мертвым телом.

Смутно помню рыдающую вдову Татьяну, двух его взрослых сыновей, трёх братьев из далёкого города Сургута, поминки в Санкт-Петербурге, прощание с родственниками — все и всех заслонило его «живое» лицо, аккуратная крышка гроба, горсть сырой, глинистой земли и могильный холмик. Была бессонная, кошмарная ночь, а на следующий день - самолет на Моздок. И снова слезы. Мужские слезы на глазах Тимохина, Дзюбы и других ребят. Вечер воспоминаний подробностей всей трагедии. Не газетная, а настоящая правда о его последних полётах.

За три месяца командир полка очень устал, физически и морально. В отпуск не ездил, от повышения по службе отказался до взятия Грозного, до победы. Десятки вылетов на высокогорные площадки, облёт российско-грузинской границы, новые пробоины в вертолёте накладывали свой отпечаток на психику лётчика.

Особенно удручающе на Николая подействовала авария вертолёта при посадке с командующим группировки федеральных войск генералом Казанцевым. И вновь он летал. Садил вертолет в Ботлихе, Калиновской, Гизеле, Таргиме, Ханкале, Моздоке, на малоприспособленных горных площадках, высаживая

десанты, вывозил раненых и убитых солдат. Он всегда был в тягостном напряжении, летал каждый день без выходных и праздников.

ЖИВЫЕ И ПОГИБШИЕ

Суетным и тяжелым оказался день, когда произошла авария самолёта СУ-25 и катастрофа двух вертолётов. Это было 13 декабря (в день моего рождения, не могу ничего поделать с собой, но становлюсь "к старости" суеверным).

Вся пресса талдычила, пользуясь слухами о сбитом СУ-25, двух вертолётах и лётчике Борисенко, операцией по спасению которого руководил полковник Майданов. А всё произошло до обыденного просто.

Самолёт не был сбит. При ракетном ударе в районе н.п. Дуба-Юрт — Старые Атаги одна из некондиционных, бракованных ракет загорелась на сходе со ствола подвесного блока. Лётчик немедленно развернул самолёт на базу. И в это время начался пожар, загорелось правое крыло. Борисенко был вынужден выполнить катапультирование и покинуть горящую машину. Командир ведомого самолёта немедленно сообщил в эфир об аварии.

На помощь лётчику бросились ближайшие экипажи вертолётов, находящиеся в воздухе. Первый был обстрелян в Аргунском ущелье и с пробитой маслосистемой был вынужден вернуться на аэродром.

Незамедлительно появилась вторая винтокрылая машина, попавшая под плотный перекрестный огонь пулемётов наемников. На вертолёте возник пожар двигателей. Вертушка падала носом в землю. Не человеческими усилиями экипаж смог вытянуть вертолёт из режима пикирования. "Восьмерка" упала на хвостовой винт прямо в ущелье. Все летчики чудом остались живы.

Следом на посадку зашла третья вертушка, удачно приземлилась и произвела эвакуацию всех людей, находящихся на площадке. Но без лётчика Борисенко. В момент взлёта вертолёт был обстрелян и остался без радиосвязи.

В этот момент никто на командном пункте в Моздоке не знал подробностей эпопеи, разыгравшейся в Аргунском ущелье. Не было радиосвязи с вертолётом, и лётчиком Борисенко. Надо отдать должное командованию. Немедленно в воздух были подняты два вертолёта МИ-8: полковника Майданова и майора Дзюбы, и пара огневой поддержки МИ-24. Видимость была нулевая. Вертолёты вышли на малой высоте на КП "Западное" и ракетами пробили себе путь в ущелье. В тот момент считалось, что и второй вертолет (без радиосвязи) сбит и лежит в ущелье. С облегчением лётчики обнаружили на земле лишь одну горящую «восьмёрку» и никого людей. В это время с командного пункта сообщили о благополучной посадке вертолёта без радиосвязи в Моздоке. Вертолёты повернули на площадку Старые Атаги. Примерно в 3 км от условной линии фронта одна из двадцатьчетвёрок неожиданно взорвалась в воздухе. Все лётчики погибли.

В 14.30 по поисковому маяку радиостанции Р-855 удалось найти и летчика Борисенко. Он обозначил себя дымовой шашкой, находясь в окружении врагов. Из пулемётов вертолетчикам удалось отсечь боевиков и спасти лётчика. Два-вертолёта были буквально изрешечены. У майора Дзюбы в грузовой кабине пулей в сердце был убит молоденький солдат.

В итоге, в период операции по спасению Борисенко было потеряно два вертолёта, убито и ранено 16 человек лётчиков и десантников.

Вот такая получилась цена жизни одного человека. Я не говорю уже о психологической, нервной нагрузке на всех участников операции спасения. Сам погибай, а товарища выручай — пословица была выполнена на 100%.

ТРЕТИЙ ТОСТ

А теперь о последних полётах Николая, его гибели.

27 января вечером с другом и ближайшим помощником Игорем Тимохиным Майданов помылся в бане, посвежел, помолодел, одел чистое бельё. А 28 вновь пуля снайпера пробила сидение в грузовой кабине его вертолёта, ранив в ногу начштаба полка.

И финал... 29 января три «восьмёрки» и две «двадцатьчетвёрки» шли забирать десант в районе н.п. Итум-Кале. С горной возвышенности прямо по курсу вертолёт полковника Майданова перерезала точная очередь крупнокалиберного пулемёта. Одна из пуль попала в поперечный обод стеклянной передней кабины. От удара пуля сняла с себя стальную оболочку и срикошетила в сторону. Два осколка стальной оболочки вонзились Николаю в грудную клетку возле сердца. Другой выстрел прошиб воротник зимней куртки правого лётчика, а третий пролетел в 2-3 см от головы бортового техника. Всего вертолёт получил три лобовые и 13 продольных (вдоль грузовой кабины) пробоин. Благо, грузовая кабина была пуста где мог по злой иронии судьбы быть я.

Майданов лицом упал на ручку управления вертолёта и в сознание больше не приходил. Борттехник втащил его в грузовую кабину, где он, не приходя в сознание, умер. Вертолётом вплоть до посадки управлял правый лётчик.

Майор Дзюба ракетным ударом накрыл стрелявших боевиков и сопровождал на базу своего старшего товарища.

Потом был морг. Сергей Емец и Юрий Деревянко

держали в руках смертоносные железки, убившие командира, и подписывали необходимые документы. Затем — Моздок, станица Егорлыкская,

Касимово, Санкт-Петербург и Серафимовское кладбище. Было много народу, много цветов и слезы, слезы, слезы. А накануне дня рождения Николая был девятый день. Угрюмый прапорщик Сергей Григораш в казарменной каптёрке собирал на стол поминальный ужин. Тимонин, Буганков и другие лётчики, принявшие эстафету командования полком, поминали своего командира. На следующий день приехала и жена его Татьяна.

Из Моздока я уезжал 16 февраля с летчиками из подмосковного п. Малино. Поседевший майор Лопатин вспоминал Майданова и говорил: “Устал мужик. Нервы сдали, а таких пули ищут. Надо было остановится, уйти в отпуск, не играть с судьбой. За два месяца бешеных полётов лично у меня тоже сдал нервный блок. Эх, - вздыхает он, - надо было после аварии с командующим силком отправить Николая в отпуск. В последнее время был он сумрачным, близко принимал всё к сердцу, переживал за молодых лётчиков, брал тяжёлую работу на свой экипаж. Лётчики менялись, а он оставался и летал, летал, летал, работал на износ».

Лопатин помолчал и нервно продолжил:

- Домой лечу. Не могу переварить гибель солдата. Вот такая история случилась со мной. Пришлось мне садиться с генералом Шамановым под обстрелом “духов” прямо в горах. Площадка для посадки — одно название. Пологий пятак между траншеями и брустверами. Еле-еле сделал заход, стараюсь на землю колёса поставить.

Сзади не видно. Вдруг из окопа выскочил боец и бац! Прямо под заднее, левое колесо. Раздавило паренька насмерть. Кто виноват! Вероятно, война. А я себе простить не могу. И куда бежал, бедолага? Возьми я чуть левее - нельзя, окоп глубокий там, правее обпрыв. Опять судьба. Ночами не сплю. Снится он мне. Кажется мне, что ребята считают меня убийцей. А завтра узнает жена, она у меня молодая, немного суеверная. Что скажет мне она? Прилетим в Москву и я сразу махну в церковь, помяну воина мною убиенного. Может полегчает. Больше в Чечню не поеду, хватит и двух месяцев с меня. Афган, две Чечни. Мне сорок лет, пора не пенсию. С меня хватит этих непонятных "войнушек". А ты, браток, пиши про нас правду, ты свой, ты не сможешь соврать.

18 февраля я приехал домой и вновь на похороны. Мистика какая-то. Пока я был в Чечне, умер мой друг. Я попал на девятый день.А через неделю в г. Югорске хоронили еще одного «чеченца». Даже для меня многовато смертей за месяц.

Сороковой день по Николаю Маиданову было 8 марта. Люди дарили женщинам цветы. А я бродил по рынку, наливал знакомым символические "боевые" и говорил людям: "Помяните героя Афгана и Чечни, моего друга полковника Николая Майданова".

Легче стало на сердце. Показалось будто Николай одобряюще глядел на меня и прощально протягивал руку.

Память, память той Афганской войны.

Не забуду, друг, спокойно ты спи.

Я верю, наше общество вернётся к своим истокам. Русский дух просыпается в нас и гордый народ встанет с колен.

В КРУГУ РОДНЫХ И ДРУЗЕЙ

Сегодня я дома, в родной семье. Рядом на мягком диване, перед телевизором, где показывают очередной репортаж о Чечне, сидит шестилетняя дочурка и серьёзными глазёнками смотрит на экран. Она всё понимает. Ласково обнимает меня за шею и шепчет:

- Папа, ты снова поедешь в Чечню?

- Да, доченька, поеду.

- А зачем?

- Там ждут меня мои друзья.

- Папа, не езди в Чечню, там могут убить.

- Кому-то надо, доченька, быть там. Понимаешь? Надо...

СОДЕРЖАНИЕ

Лев Аннинский. **Головорезы и пацанва.**
(О книге прозы Александра Игумнова
«Пробуждение»).....3

Рассказы

Группа «Хамелеон».....9
Приказ Министра обороны.....30
Чужак 44
Контингент 53
О войне и о себе 73
Последний мост 82
Рядовой Рекс 96
Тришкин сын 106
Ксюша 123
Сиротинушка ты наш 151
И смех и слезы 157

Фоторепортаж

Возвращение на войну 178

Александр Петрович Игумнов

«Мы еще не вернулись...»
рассказы, фоторепортаж

Редактор В. Волковец
Технический редактор Р. Завадская

Сдано в набор 5. 02. 2001 г.
Подписано в печать 11. 02. 2001 г.
Формат (60x80)16. Печать офсетная.
Условных печатных листов 13,4.
Тираж 470 экз. Заказ № 6386.
Лицензия ИД № 01441 от 5. 04. 2000 г.

628240, г. Советский, Ханты-Мансийского АО
ул. 50 лет Пионерии, 11«В»
УП ХМАО «Советская типография»
Тел. (346-75) 3-10-84, 3-22-09.

110662004
Окружная библиотека

Александр Петрович Игумнов родился в 1956 г. в с. Хлебниково, республики Мари-Эл. Русский.

В 1977 г. окончил Саратовское военное авиационное училище летчиков. Служил в войсках Забайкальского и Прикарпатского военных округов.

В 1983 - 1984 г. принимал участие в боевых действиях в Афганистане.

В декабре 1999 г., феврале 2000 г. находился в Чеченской республике в качестве военного корреспондента.

Лауреат и член редакционного совета еженедельника «Литературная Россия», член редколлегии журнала «Мир Севера» и Союза писателей России.

С 1987 г. живет в Ханты-Мансийском округе, г. Советский.